

Леонид Жаботинский

СТАЛЬ И СЕРДЦЕ

*Воля наша, как и наши мускулы,
Крепнет от постоянно
Усиливающейся деятельности...
Не давая им упражнения,
Вы непременно будете иметь
Слабые мускулы и слабую волю.*

К.Д. Ушинский

Содержание

1. От автора.....	3
2. "Тарас Бульба" и его сыновья.....	5
3. Здравствуй Харьков!.....	8
4. Первые радости.....	16
5. Плечо друга.....	24
6. Чем молодость богата.....	30
7. На большой помост.....	36
8. Странички из дневника.....	43
9. Есть пятьсот!.....	48
10. Друзья и враги.....	55
11. "Второй номер".....	59
12. Покорись, мировой!..	62
13. Стокгольм, 1963.....	66
14. Будет буря - мы поспорим!.....	71
15. Под олимпийскими кольцами.....	76
16. И снова бой!.....	87
17. Новые путешествия.....	98
18. Тебе, Родина!.....	109
19. Олимпиада надевает сомбреро.....	117

*«Как вы стали таким? Что для этого нужно?..»
На эти вопросы, которые волнуют любителей
«железной игры», отвечает неоднократный
чемпион СССР, Европы, мира, двукратный
чемпион Олимпийских игр — в Токио и Мехико —
Леонид Жаботинский.*

*Задушевно, с теплым юмором ведет он свой
рассказ о себе, своих товарищах и соперниках.*

Литературная запись

ЛЕОНИДА ГОРИЛОВСКОГО

От автора.

— Как вы стали таким?..

— Как добились?..

— Как достигли?..

Сколько таких вопросов приходилось мне слышать в Москве и Киеве, Берлине и Софии, Токио и Монреале, Тегеране и Мехико — всюду, где случалось соревноваться и просто бывать!

Ну, что ты ответишь? Приходится коротко. Так, мол, и так, тренируюсь, соблюдаю режим, не пью, не курю — вот и... А слушатели, особенно молодежь, недовольны. Им «кухню» раскрой. А как ее в разговоре раскроешь? Разве расскажешь вот так, сразу обо всех тревогах и колебаниях, поисках и находках, о работе, подобной, говоря словами Маяковского, добыче радия — «в грамм добыча, в год труды»? О технике «железной игры», непрестанно прогрессирующей, как и каждая техника на свете. И, главное, — о людях, без которых ты никогда бы не стал тем, кто ты есть, — воспитателях, товарищах, друзьях...

Вот ты поднимаешься на помост и останавливаешься, словно в глубокой задумчивости, расслабив все мускулы, перед отливающей сталью и никелем штангой. А они, друзья твои — твой тренер и соратники по спорту, — взволнованно следят за каждым твоим движением. Их сердца бьются в унисон с твоим, и как же учащается это биение — если бы кто измерил! — в тот момент, когда могучим усилием ты поднимаешь снаряд вверх!

Вот об этом бы рассказать! О твоём коллективе, о главных людях в твоей жизни!.. Мне повезло на хороших людей, с которыми сводила меня судьба на жизненном и спортивном пути. А путь этот был вовсе не сплошным подъемом в гору, как это может показаться тем,

кто знает лишь цифры поднятых килограммов. Как говорят на Украине: в жизни, как на долгой ниве, всякое случалось — и блуждания проселками, и ошибки, и разочарования. И если мне удалось выйти на правильный путь и сказать свое слово в «железной игре», то с тем большей благодарностью вспоминаю я теперь этих хороших людей и

*Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.*

Друзьям юности своей и славному коллективу Харьковского тракторного завода, который дал мне путевку в жизнь и большой спорт, посвящаю я эту книгу. Это, конечно, не мемуары. В тридцать лет, пожалуй, еще слишком рано обращаться к этому жанру, подводить какие-то итоги. Просто мне хотелось рассказать о том, как я стал сильным, как шел к цели, о своих товарищах-тяжелоатлетах, о памятных состязаниях и победах, встречах и впечатлениях. И если это повествование поможет тебе, юный друг, найти путь на помост, полюбить мой трудный и привлекательный вид спорта, предостережет от каких-нибудь ошибок, я буду искренне рад.

Итак, будем знакомы!

"Тарас Бульба" и его сыновья

«А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!..» Развертывается страница за страницей трогательная и веселая, героическая и печальная история храброго Тараса Бульбы и его сынов — и невозможно оторваться от нее. С другой стороны стола Володька тоже прилип к книге — кажется, о Дон Кихоте — и лишь время от времени подтягивает поближе керосиновую лампу. А я ее — назад, к себе...

Поздняя ночь. Спит Успенка. Мать уже несколько раз тормошила нас за плечи: время в постель.

— Сейчас. Вот еще одну страничку! — досадливо отмахиваемся мы и снова погружаемся в чтение. Но вот слышен голос отца:

— Володька! Ленька! Сколько вам говорить? — гремит он. — Была команда — отбой!..

Нас словно ветром сдувает из-за стола. Хотя отец нас никогда не бьет, но знаем: с ним шутки плохи. Да и пора спать — ведь утром в школу! Но я еще долго не могу заснуть. Все думаю о мужественных и сильных запорожцах. Вот ведь люди были! А Тарас какой!.. Чем-то, право, похож на него наш отец. И усы такие же, как на картинке, хоть он еще и молодой. И воевал тоже здорово. И сыновей двое (только я, конечно, не буду, как тот Андрий!), и силы не занимать. Правда, биться на кулачках ему не приходилось, но как сойдутся в воскресенье на лужок недавние солдаты и начнут от нечего делать бороться — против отца никто не устоит. Председатель колхоза прямо расплывается от удовольствия: — Да ты у нас, Иван Филиппович, просто чемпион!..

Да оно и немудрено; отец ведь бывший шахтер, солдат бывалый. В армии, рассказывает, и к спорту приобщился. Борьба, гимнастика... «Солнце» крутил на перекладине. Поглядеть бы, что это за «солнце» такое! Да в нашей Успенке и перекладины порядочной не найдешь! А то б мы с Володькой тоже попробовали. Может, и вышло бы! Да нет, пожалуй, силы маловато. Вот кабы стать сильным! Как Тарас Бульба или как тот «Саша с Уралмаша», про которого позавчера в клубе картину крутили!..

С этими мыслями засыпаю. И до самого рассвета гремит в детском сне Тарас Бульба на танке с шашкой в руках, и врассыпную бегут от него фашисты — песи-головцы, как называет их наш дед, Иван Макарович Мигаль.

Дед у нас неродной — когда-то взял нашего батьку-сироту за сына. Но нам с Володькой лучшего деда и не надо. Все хлопцы завидуют мне со старшим братом, что у нас такой дед. Еще и отец с войны не вернулся, а Иван Макарович уже научил нас и плавать, и грибы собирать, и коров пасти, и даже сено скирдовать. А потом — и верхом ездить, в ночное с собою брал. Когда впервые посадил девятилетнего Володьку и меня семилетку на коней, мама и бабушка чуть не плакали:

— Да где ж это видано — таких на коней сажать? Да они ж поубиваются!..

(Откровенно говоря, слово «поубиваются» могло в одинаковой мере относиться и к всадникам, и к коням. В разоренных врагом украинских селах в последние годы войны лошади едва самих себя носили.) А дед Иван Макарович лишь усмехается нам:

— Э, да что они понимают, те бабы! На то и казак, чтобы с пеленок в седло скок! А ну, давайте, хлопцы-молодцы! Рысью марш!..

Сам неутомимый труженик, дед приучал и нас постепенно ко всякой работе. И когда доходило до дела — до школьных заданий или до каких-нибудь домашних хлопот, Иван Макарович был неумолим; пока все не закончишь, гулять не пойдешь! Вспоминаю, через несколько лет, когда мы уже жили в Харькове и отец привез нас однажды летом погостить в Успенку, дед уже на другой день разбудил нас с Володькой чуть свет:

— Ну, довольно святого лентяя праздновать, казаки! В колхозе страда, помочь надо. Не забыли у себя в городе, как на поле булки растут?..

А когда мы с братом, который в то время уже увлекался гандболом, соорудили на выгоне ворота и начали с сельскими хлопцами гонять мяч с утра до вечера, Иван Макарович, хоть был и не враг спорту, поломал те ворота в щепки, чтобы ничто не отрывало ребят от работы в поле.

Такой-то был наш дед, Иван Макарович Мигаль, — один из неисчислимых Мигалей, еще донине населяющих живописное село Успенку Краснопольского района на Сумщине.

Мой тезка (но не родственник) Леня Мигаль был одним из моих ближайших друзей детских лет. Вместе с ним и другим приятелем — Ваней Дячковым ходили мы в лес за грибами, ягодами и орехами, вместе смастерили деревянный самолет, чтобы спустить его с горы. Полетел он не лучше того медведя с кручи в народной поговорке («бывает, что и медведь летает»), хорошо хоть, что без пассажиров! С этими ребятами ходил я зимой на речку кататься на самодельных коньках, и они же вытянули меня, когда я однажды провалился под лед.

А потом повадились мы в кузницу. Вот где было и вправду интересно! Весело позванивали и тяжело ухали молоты, летели искры из горна, и каждый из кузнецов казался мне гоголевским добрым и сильным Вакулой, что самого черта оседлал, К тому же в кузнице было множество различных ненужных кузнецам железок, которые могли пригодиться в нашем ребячьем хозяйстве. Донине, бывая в селе, не могу пройти мимо сельской кузницы, чтобы не заглянуть туда, не вдохнуть терпкого запаха раскаленного железа, запаха детства...

В кузнице среди всякого железного лома нашли мы, ребята, и пудовую гирию. Кузнецы нам ее не отдали, но разрешили сколько угодно поднимать пудовик на лужку перед кузницей. И как же мы старались, тянули гирию и правой, и левой рукой, так, что на

другой день все болело от непривычного напряжения! Потом дело пошло легче, хотя выше пупа редко удавалось поднять пудовик. Это и были мои первые в жизни состязания в поднятии тяжестей, и когда удавалось обойти Леньку или Ваньку в количестве подъемов, чувствовал я такую радость и гордость, словно мировой рекорд установил.

Однажды увидел наши «тяжелоатлетические упражнения» мой отец.

— Э, нет, хлопцы, с этой штукой вам, пожалуй, еще рано упражняться, — сказал он. — Давайте я вам лучше классическую борьбу покажу. Вот это дело!

И он принялся посвящать нас, десятилетних, в тайны «суплесов» и «двойных нельсонов», и сам был арбитром, когда мы, возясь на лужайке, отчаянно старались прижать друг друга худыми лопатками к теплой земле.

А после поднимал руку победителя и награждал его конфетой или баранкой.

Со временем к тем отцовским урокам и футбольным баталиям на выгоне с тряпичным мячом прибавились школьная гимнастика и легкая атлетика. Физкультура вскоре стала моим любимым предметом, наравне с литературой и рисованием. Рисовать я люблю и поныне, а в детстве буквально не мог увидеть чистого листочка бумаги, чтобы сразу же не изобразить на нем какой-нибудь вишневый садик возле хаты, речку-невеличку с вербами, тополями да еще с девицей Наталкой Полтавкой, идущей за водой. Порой подобные рисунки появлялись даже на обложках арифметических тетрадей, хоть такая «живопись», по правде говоря, не содействовала улучшению моих оценок по этому предмету...

Отец без всякого энтузиазма воспринимал известия о моих математических «достижениях», хотя дальше угроз дать мне отведать солдатского ремня дело, к счастью, не заходило. Вообще в семье соблюдалось спокойное, ровное, хотя и требовательное отношение к детям. Даже когда я, уже в Харькове, во время первого же выезда сломал купленный отцом нам на двоих с братом велосипед, дело обошлось для меня хорошей словесной выволочкой, и не больше.

Но и Володя, и я всегда чувствовали на плече тяжелую и ласковую отцовскую руку, которая вела нас по детству, приучала к труду, оберегала от зла. Еще и теперь так временами хотелось бы в трудную минуту пойти к нему за добрым словом и разумным советом, да вот уже три года как лежит на кладбище шахтер, солдат, кадровый рабочий Харьковского тракторного Иван Филиппович Жаботинский...

Здравствуй, Харьков!

Спортивная биография бывает не только у людей. Имеют ее и города. Причем бывает она довольно изменчивой. Словно покоряясь каким-то своим внутренним законам, перемещаются виды спорта из одного города в другой. И эта «миграция», в конце концов, изменяет удельный вес того или иного города в спортивном балансе республики, а то и всей страны.

Именно так путешествует и большая «железная игра». До войны Харьков считался городом легкоатлетов, а Киев — всесоюзной столицей штангистов. Именно здесь «фабриковал» на десятки лет вперед свои выдающиеся рекорды одержимый и упорный Георгий Попов. Тут высоко взошла звезда 14-кратного абсолютного чемпиона страны и старшего тренера сборной СССР Якова Куценко. Тут расцвели таланты Николая Лапутина, Ефима Хотимского, Александра Донского, молодого Григория Новака и других первоклассных мастеров спорта сильных. Не без оснований утверждали тогда, что тяжелоатлетическая сборная Киева была способна в те годы победоносно состязаться с национальной сборной любой страны. Даже Египта, с его Кадром эль Туни, Носеиром, Чамсом, и другими тяжелоатлетическими звездами первой величины 30—40-х годов.

Отгремела война, и, странное дело, Киев с Харьковом словно обменялись своим спортивным амплуа. Казалось бы, никаких внешних причин к этому не было. В Киеве продолжали жить и работать выдающиеся мастера и тренеры — те же Яков Куценко, Георгий Попов, Александр Донской, один из старейших в стране ветеранов тяжелой атлетики Яков Самойлович Шепелянский и другие, а центром «железной игры» на Украине вдруг стал Харьков, уступив Киеву пальму первенства в легкоатлетическом спорте.

В начале 50-х годов полным голосом заявил о себе могучий Федор Осыпа — атлет большого таланта, не нашедший, однако, пути к мировым высотам. На XVI Олимпийских играх поднялся на высшую ступень пьедестала почета белокурый харьковский парень Игорь Рыбак — ныне опытный спортивный врач, руководитель областного врачебно-физкультурного диспансера. Немного позднее уверенно завоевали звание чемпионов Европы еще два харьковчанина — Марк Рудман и Хасан Яглы-Оглы. Хорошим штангистом стал и младший брат Хасана — Михаил.

И вместе с этими именами всегда звучало имя настойчивого искателя и воспитателя спортивных талантов, ныне заслуженного тренера СССР Михаила Петровича Светличного.

Забегая немного вперед, замечу, что в последние годы тяжелая атлетика на Украине нашла себе новую столицу. Ею стал Луганск. В шахтерском крае вообще всегда любили и

уважали сильных людей, но такого созвездия талантов, какое теперь имеет Луганск, тут никогда еще не собиралось. Достаточно вспомнить, что во время соревнований на IV юбилейной Спартакиаде народов Советского Союза в Москве взошли на пьедестал почета четверо луганчан — Николай Варава, Александр Кидяев, Юрий Яблонский и Георгий Дяченко — все из спортивного клуба «Заря» тепловозостроительного завода имени Октябрьской революции. Причем трое последних из воспитанников этого богатырского гнезда уже набирают в сумме классического троеборья более 500 килограммов.

500 килограммов!.. Теперь этот огромный вес, разложенный на три движения — жим, рывок и толчок, уже не производит на широкие круги любителей «железной игры» особенного впечатления: слишком уж часто звучит такая цифра на соревнованиях крупного масштаба! В мире есть, пожалуй, уже с полсотни атлетов, показывающих такой результат. На той же IV юбилейной Спартакиаде первым перешел этот заветный рубеж даже полутяжеловес — прекрасный эстонский штангист Ян Тальтс.

Но все это теперь. А два десятка лет назад, когда паренек из Успенки Ленька Жаботинский, крепко держась за отцовскую руку, впервые шел улицами Харькова и пялил глаза на «небоскреб» 30-х годов — здание Госпрома, площадь Тевелева, памятник Шевченко и другие чудеса большого города, никто ни в Харькове, ни в Москве, ни за границей еще и не помышлял о полутонном весе. Для советских тяжелоатлетов объектом штурма были 450 килограммов. Ведь всесоюзный рекорд Якова Куценко равнялся в то время лишь 447,5 килограмма. Где-то неподалеку от этой суммы находился и тогдашний рекорд мира для тяжеловесов.

А впрочем, вся эта тяжелоатлетическая «арифметика» в ту пору не слишком волновала меня. Думал я тогда, впервые шагая по улицам Харькова, лишь о том, как буду жить тут без Успенки, без леса и речки, без сельских друзей и бабусиных вареников? Что ждет меня в этой новой, незнакомой жизни?

И вот уже троллейбус несет нас с отцом все дальше и дальше, мимо каких-то серых громад, заводских труб, бесконечных кирпичных оград...

— Ну, а это уже и наш ХТЗ, — сказал наконец батько, указывая на высокие и длинные корпуса. — Видел в Успенке трактора? Так тут их и производят. На этом заводе я работаю. Тут неподалеку и жить будем...

...Недавно я снова побывал в гостях у матери. Поговорили всласть, полакомился борщом, который Ефросинья Даниловна готовит так, что ни в Париже, ни в Токио, ни в Мехико не едал ничего вкуснее. Медленно прошелся по знакомым с детства улицам поселка ХТЗ, пошуршал золотистой листвою в парке имени Маяковского, постоял задумчиво перед зданием родной 80-й школы. Долго предаваться раздумьям не дали — сразу же узнали и окружили шумливые школьники... Пошел дальше. Вот и старый клуб ХТЗ, где почти

одновременно с началом школьной учебы начал я посещать художественную студию. Вот и ты, мой первый стадион, и ты, маленький спортивный зал, где шестнадцать лет назад робко остановился на пороге, не смея войти в это волшебное «царство силы»...

...А вечером пришли старые друзья — Юрий Федорович Манченко, Боря Кривошеев, Вася Федулов, и снова, как когда-то, наполнилась тесная мамина комната веселым говором и гитарным перебором. То и дело слышалось тут:

— А помнишь?..

Как не помнить! Разве забудутся когда-нибудь дни юности, что прошумели вешними водами здесь, в поселке Харьковского тракторного, друзья давних лет, первая работа, первые тренировки, первые радости и сомнения!

...После тихой и небогатой событиями сельской жизни у меня буквально глаза разбежались. Посудите сами! В Успенке кино раз в неделю, а тут каждый день — и в клубе, и в кинотеатрах. А их в Харькове столько, что, пожалуй, за месяц все не обойдешь! Рядом с кинорекламой — яркая афиша цирка.

Прямо на тебя скачут на лихих конях джигиты Кантемировы и подбрасывает огромные гири (раз в десять большие, чем та, успенская) русский богатырь Николай Жеребцов.

Но цирк далеко, в центре города, а стадион ХТЗ — он вот здесь, за несколько кварталов. К тому же деньги на цирк у отца не всегда выпросишь, а на стадион он сам посылает:

— Уроки сделал? Ну и нечего тебе возле дома околачиваться. Иди на стадион, погляди, как там другие хлопцы спортом занимаются. Дело хорошее!

Что и говорить! Любо-дорого посмотреть, как стремительно разрывают грудью воздух неудержимые бегуны, как, презирая земное тяготение, взлетает над планкой на уровне второго этажа прыгун с шестом, как от могучего толчка парня далеко летит тяжелое ядро и как точно попадают мячом в кольцо гиганты-баскетболисты...

Вот бы и мне так!.. Но что именно? Чем заняться? Хорошо бы баскетболом! Вымахал я так, что в классе на уроках физкультуры всегда на правом фланге стою. А для баскетболиста рост — первое дело! А может, лучше за прыжки взяться? Или ядро толкать?.. А то есть еще фехтование. Нет, не такое, как это мы с ребятами на деревянных шпагах деремся, а настоящее. Как в «Трех мушкетерах», что я недавно прочитал. Живет у нас в Харькове такой Петр Антонович Заковорот. Он еще в 1900 году чемпионом мира был. А теперь других фехтованию обучает. Говорят, есть у него в учениках и такие ребята, как я... Ну, может, немного старше...

А быть может, унаследовать отцовское увлечение — классическую борьбу? Нет, пожалуй, лучше всего — бокс! Боксер — он и борца, и фехтовальщика, и кого хочешь всегда побить может. Идешь вот так себе школьным двором и привяжется к тебе опять тот здоровяк Гришка из седьмого «б», а ты ему раз-раз! — и готово! Больше приставать не будет! Нет,

бокс — это-таки дело! Только б подрасти скорей, чтоб в секцию приняли! А пока можно бегом заниматься, в баскетбол играть, ну и, конечно, в футбол...

Выбор спортивного призвания мало чем отличается от выбора профессии. Иной не год, не два блуждает кругом и около, пока не выбьется на свой мигастральный путь. Особенно если природные данные дают возможность пробовать свои силы во многих видах спорта.

Природа не обделила меня ростом, а это уже само по себе чего-то стоило. Но настоящее начало моего спортивного пути совпало с первыми шагами на пути трудовом. Остались позади восемь классов той же 80-й школы, и на вопрос отца, буду ли учиться дальше, я твердо ответил:

— В вечерней. Хочу работать. Ну, конечно, на ХТЗ!..

И вот, едва сдерживая душевное волнение, впервые вхожу я уже не школьником-экскурсантом, а рабочим-тракторостроителем (пусть и учеником) в проходную прославленного завода... Я и теперь, приезжая в Харьков, неизменно прихожу сюда и всегда с особенной теплотой вспоминаю тот первый раз. Вот и сегодня сидим мы с друзьями в маминой комнатке, тихо звучат струны старенькой гитары, и сами рвутся из сердца слова издавна любимой песни:

*Я не хочу судьбу иную,
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня...*

Вспоминается давний день, первый день в котельно-монтажном цеху. Мне повезло — моим учителем стал один из лучших токарей цеха Михаил Владимирович Зобарев. Стараюсь изо всех сил, и вскоре Зобарев говорит, что еще немного, и я смогу уже работать самостоятельно. Станок «ДИП-200» освоил неплохо — и скорость резания приличная, и детали мне уже доверяют сложные. Точим мы сейчас золотники для вентилях газопровода — это уже работа по третьему разряду... Вот мне уже и присваивают этот разряд...

Нет, мне-таки везет на хороших людей! На меня обратил внимание Юрий Федорович Манченко. Он мастер и парторг нашего котельно-монтажного, а кроме того, еще и один из лучших спортсменов завода и — вот ведь удача! — общественный тренер секции боксеров.

Веселый и общительный, Юрий Федорович умеет быть, однако, серьезным и требовательным. В цеху его любят все, а молодые спортсмены — те просто души в нем не чают. Еще бы! Манченко под тридцать, а он продолжает выступать в легкоатлетических соревнованиях — метает молот — и на ринге отличный боец. Сколько возится со своими боксерами, и где у него только время берется для них?

Да, этот научит, если, конечно, захочет принять в секцию. И я после долгих колебаний

подхожу к Манченко.

— А чего ж? — мерит он критическим взглядом всю мою нескладную, долговязую фигуру. — Шестнадцать лет, говоришь? А вес? Ого, семьдесят пять Неплохо. Еще немного каши поешь — и в тяжелый вес! А он нам во как нужен! А ну-ка покажи руки! Ничего, силушка, видать, есть. А вот торс и ноги слабоваты. Ну да это дело наживное, выправим...

Какая радость! Я уже занимаюсь в боксерской секции! Сегодня даже выходил на ринг с Почиваловым. Правда, он килограммов на пятнадцать легче, чем я, но ведь имеет разряд. Загонял меня Почивалов изрядно, но и я его зацепил правой сверху...

Нет, и вправду все складывается как нельзя лучше.

Вот-вот получу четвертый разряд — считай квалифицированный токарь. Комсомольцы поручили стенную газету оформлять, и газета всем нравится. Со спортом тоже все в порядке. Юрий Федорович доволен. Да и в легкоатлетическом секторе — я ведь и туда хожу — на днях толкнул ядро за 12 метров. Это вам тоже не фунт с осьмушкой! Вот только отец донимает: почему вечернюю школу пропускаю? Ну да она от меня не убежит. Успею еще...

Но вдруг и Юрий Федорович однажды начал «стружку снимать». Говорит, бокс боксом, а школу пропускать не смей. Иначе и в секции держать не буду. Спорт и учеба должны идти вместе. Говорил сердито, глаза колючие — ну просто не узнать весельчака Манченко!

Удивительный человек Юрий Федорович! Услышишь вот такой его разговор с каким-нибудь легкомысленным молокососом типа Ленки Жаботинского и никогда не подумаешь, что это тот самый Манченко, который вчера лишь на этом же молокососе верхом ездил. Доныне вспоминает при встрече Юрий Федорович:

— Эх, и лихим же ты «конем» был, Леня! А я ему:

— Каков всадник — таков и конь!

Дело в том, что в дни моих боксерских «университетов» Манченко придумал для укрепления ног и торса одно довольно странное на первый взгляд, но эффективное упражнение. Он начал... ездить на мне верхом. Правда, не рысью, а шагом, но неуклонно 1200 метров — три круга по стадиону — ежедневно, без прогулов и выходных.

И сейчас еще не могу без смеха вспомнить один эпизод. Завершаем мы с Манченко наш обычный «тур де стадион», как вдруг Юрий Федорович наклоняется к своему «коню» и, лукаво подмигивая карим оком, весело говорит:

— А давай-ка, Леня, на улицу выедем.

Ну, я, конечно, рад стараться. Гарцуем по улице, смеемся оба, прохожие тоже усмеваются. «Проезжаем» таким манером мимо какого-то высокого, двухметрового забора. И внезапно Манченко как ахнет и ко мне:

— Рысью марш!

Я бегом и слышу, как сзади летит нам вдогонку пискливое женское:

— А чтоб вам, хулиганы, добра не видать! Понадумали такое — людей пугать, нечистый бы вас пугал!..

Случилось так, что за забором, мимо которого мы проходили, какая-то старушка кормила во дворе кур. И в этот самый момент увидела она фигуру Манченко, который, сидя у меня на плечах, возвышался над забором, пожалуй, на целый метр. Старушка, конечно, перепугалась не на шутку. Лукошко выронила, пшено рассыпала, а потом, выбежав на улицу, давай посылать нам вслед отборные проклятья...

Веселая моя молодость, добрые друзья юношеских лет! Сколько связано с вами таких маленьких приключений, шуток и забав, остроумных и совсем не обидных «покупок» и «розыгрышей»!

Особенно подружился я на заводе с токарем цеха шасси Борисом Кривошеевым. Как оказалось впоследствии, это была дружба на всю жизнь. В Борисе привлекали его серьезность в сочетании с тонким, скрытым юмором и большой товарищеской чуткостью. Темные глаза Кривошеева всегда глядели на собеседника внимательно и пытливо, словно говорили: а ну ж, посмотрим, чего ты стоишь, парень?..

Борис увлекался штангой и посещал секцию, руководимую Михаилом Петровичем Светличным. Случалось, заглядывал и я в этот небольшой, не очень уютный зал в углу стадиона ХТЗ. Вспоминаю, как впервые я, худой, высокий, пятнадцатилетний, едва приобщенный к заводскому ученичеству, остановился на пороге этой обители силы. Мне на мгновение показалось, что я попал в кузницу. Недоставало лишь специфического кузнечного запаха, а металлического звона и грохота было предостаточно. То и дело тяжело гремел синевато-черной штангой о помост невысокий парень, на первый взгляд вовсе не атлетического сложения. Другой поднимал такую же штангу лежа (и к чему такое?). Другие подтягивали вес на каких-то блоках или приседали со штангой на плечах. Было тесно и немного душно.

А среди всего этого грохота медленно похаживал средних лет человек в синем тренировочном костюме. Одному что-то говорил, другому приказывал навесить еще по одному стальному диску на оба конца толстого стержня, а третьего просто отодвигал в сторону, сам становился на его место и с удивительной легкостью и даже изяществом поднимал вес, который упорно не давался ученику.

Что и говорить, все это было интересно и загадочно. Но разве шла в сравнение эта «кузница» с боксерским залом, где было так приятно наносить удары по неуклюжему, но послушному мешку, бить по «груше», ловко увертываясь, чтоб, чего доброго, не схлопотать от нее по носу! А что уж говорить о тренировочном поединке на ринге!.. Нет,

бокс — это-таки вещь!..

И все же вскоре я зачастил в зал тяжелой атлетики. Сначала просто стоял, прислонившись к притолоке дверей, и наблюдал, как ребята воюют с весом. И уж не помню, во время которого из посещений решил испытать свою силу...

...Испытать силу! Чем-то богатырским, лихим веет от этих обычных слов... Сколько живут люди на Земле, всегда жили в них мечты о силе, а стало быть, и стремление испытать ее в благородном поединке с другим сильным.

Разве не испытывал силу с детства любимый мною Тарас Бульба? Или те спортсмены античного мира, о которых узнал я лишь тогда, когда в связи с проведением в Хельсинки XV Олимпийских игр газеты начали вспоминать и о древних олимпиадах?

Подлинная сила всегда привлекает и ассоциируется в народных песнях и легендах непременно с добрым началом. Если ж и вспоминается в былине или песне злая сила, то на нее обязательно находится добрая, которая в конце концов и побеждает... Вспоминаю, с каким увлечением читал я впервые чудесную Лермонтовскую «Песню про купца Калашникова», а впоследствии и навеянную ею сцену кулачного боя в романе Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный»! Так и хотелось мне, подростку, выйти рядом с героями на бой против злых опричников, «постоять за правду до последнего»!

Недавно читал я воспоминания прославленного советского тяжелоатлета и тренера, одного из моих дорогих наставников, Якова Григорьевича Куценко. Из них я узнал, что любовью к спорту, стремлением стать сильным он в большой мере обязан цирку. Это же, пожалуй, могут сказать о себе и многие другие тяжелоатлеты, и я в том числе. И впрямь, трудно переоценить воспитательное воздействие на нашу молодежь яркого и жизнерадостного циркового искусства во всех его проявлениях. И скольким юным указали путь к спорту некогда победы на арене Ивана Поддубного, позже — силовые аттракционы, скажем, Николая Жеребцова, а в наши дни — впечатляющие выступления Григория Новака с сыновьями!

Кстати, о цирковой атлетике и борьбе. Мне по молодости лет уже не довелось видеть цирковых чемпионатов с участием Данилы Посунько, Яна Цыгана (Куксенко) и других корифеев арены, не говоря уж о трех легендарных Иванах — Поддубном, Заикине и Шемякине. Говорят, что когда-то на этих чемпионатах было немало мошенничества. Вспоминают даже о так называемом «гамбургском счете». Мол, в дореволюционные времена раз в год цирковые борцы из разных стран мира съезжались в город Гамбург и там в глубоко секретной обстановке, при закрытых дверях, проводили свой чемпионат «по-честному» и выясняли в бескомпромиссной борьбе сильнейшего.

Вероятно, в этих рассказах много правдивого. И все-таки сильный остается сильным при любых обстоятельствах, и слава Поддубного, Заикина, Шемякина нисколько не

уменьшилась от того, что в старом цирке дельцы и хозяева творили много махинаций.

Точно так же заслуживают всяческого уважения и силовые номера, демонстрировавшиеся в прошлом Николаем Жеребцовым и с которыми выступает ныне экс-чемпион мира, заслуженный мастер спорта Григорий Новак. Конечно, цирковые рекорды нельзя сравнивать со спортивными. Фантастические килограммы, которые поднимают цирковые атлеты, не могут идти ни в какое сравнение с весом, поднятым по строгим правилам классического троеборья. К услугам атлетов цирка и разнообразная, чисто цирковая техника, в то время как спортсмен-тяжелоатлет может рассчитывать лишь на собственные мускулы и технику, выработанную усиленными тренировками. Но кто ж возьмется отрицать, что Григорий Новак и теперь, в пятьдесят лет, очень силен, так же как и «кран из Теннесси» Пауль Андерсен, ставший артистом варьете...

Поскольку уж зашел разговор о цирке, хочу сказать еще несколько слов о цирковых борцовских чемпионатах. Не знаю, стоит ли возрождать их в наши дни, когда приобрела такое распространение спортивная борьба. Правда, люди старшего поколения еще и поныне вздыхают о шумных «парадах алле» и схватках на ковре «до полной победы». Молодым все это просто незнакомо. Но, бесспорно, заслуживает подражания ритуал цирковой борьбы, ее красочность и яркость. А именно этого не хватает нашим спортивным борцовским (и не только борцовским!) чемпионатам. Как часто парады их открытия (а закрытия и тем более) превращаются в скучную и малоинтересную церемонию! Участники выходят на парад лениво и неохотно, одетые кое-как, судья-информатор вяло жует знакомые и незнакомые фамилии и т. д. А было бы не плохо, если бы на парад открытия соревнований борцы, штангисты или боксеры и другие спортсмены выходили в парадной форме, со всеми своими медалями и прочими регалиями, которые зрителям обычно удается увидеть издалека разве что во время октябрьской или первомайской демонстрации. Почему бы диктору во время представления спортсменов не объявлять торжественно, какие победы и над какими прославленными соперниками имеет тот или иной участник? Можно придумать и многое другое, что могло бы придать нашим соревнованиям большую торжественность, а стало быть, и большую привлекательность. А ведь это так важно!

Однако вернемся с сияющей огнями цирковой арены и из заполненного зрителями зала крупных соревнований в маленький и скромный тяжелоатлетический зал Харьковского тракторного, где впервые в жизни вышел я на настоящий помост, чтобы побороться с металлом.

Первые радости

При всей привлекательности для молодого парня тяжелой атлетики, которая обещает одарить его силой и красивой фигурой, кое-кого на пороге тяжелоатлетического зала останавливают «благоразумные» предостережения.

— Надорваться захотел? — сокрушенно качает головой отец или мать.

— Смотри, расти перестанешь! — предупреждает кто-нибудь иной.

Еще лет шестьдесят назад горячо опровергал таких боязливых известный теоретик физической культуры, один из основателей Киевского тяжелоатлетического общества профессор Валентин Константинович Крамаренко. Он писал: «...для меня непонятен тот, почти панический, суеверный страх, который ощущают некоторые боязливые особы при одном лишь названии тяжелой атлетики. Это наши национальные упражнения. Вспомним наш эпос и наших былинных богатырей: Илью Муромца, Микулу Селяниновича, Иванища-Силищу и т. д. Это все народные идеалы, носившие в 10—15 пудов шапки и сорокапудовые дубинки... Во всяком случае, я хочу подчеркнуть, что при создании национальной системы физического развития не должны быть игнорированы упражнения тяжелой атлетики».

Хотелось бы, чтобы эти слова профессора Крамаренко, который, кстати сказать, сам активно занимался тяжелой атлетикой и дожил до 90 лет, прочли и нынешние боязливые родители, всячески оберегающие своих детей от занятий нашим видом спорта.

К моему счастью, отец одобрял какие бы то ни было мои занятия спортом, мать в эти дела вообще не вмешивалась. А перспектива остаться «недомерком» мне уж никак не угрожала — в свои шестнадцать я и так уже «перевалил» за 1 метр 75 сантиметров. Замечу кстати, что тем, кто с 15—16 лет начал заниматься тяжелой атлетикой, придерживаясь определенных правил, ни эти, ни другие неприятности не угрожают. Они могут случиться с тем, кто либо начал упражняться с весом в слишком раннем возрасте, либо злоупотребляет этими упражнениями. А впрочем, во вред может пойти чрезмерное увлечение любым видом спорта, даже шахматами или настольным теннисом...

Я начал тяжелоатлетические занятия совершенно своевременно и, кроме того, был подготовлен к ним другими своими спортивными увлечениями. С юношеской жадностью и неутомимостью я боксировал, толкал ядро, метал диск, бегал короткие дистанции. Отцовский подарок — велосипед (который я умудрился сломать во время первого же выезда «в свет») — как-то раз неожиданно вывез меня и на старт велогонки для юношей. Между прочим, однажды я даже тренировался вместе с Михаилом Курбатовым и Владимиром Плотичиным — теперь известными харьковскими мастерами велоспорта.

Так что пришел я к Михаилу Петровичу Светличному не таким-то уж зеленым новичком

в спортивных делах! Но в тяжелой атлетике, разумеется, еще ничегошеньки не понимал. Знал одно: хочу быть сильным! Таким, как Яков Куценко или наш харьковчанин Игорь Рыбак.

Всплывала в памяти картина недавних лет, виденная в 1952 году в харьковском зале «Динамо». Тут проходило личнокомандное первенство республики по тяжелой атлетике. Тогда, затиснутый где-то на галерке толпой зрителей, в первый и в последний раз увидел я на помосте 14-кратного абсолютного чемпиона страны Якова Куценко. В то время Яков Григорьевич завершал свой почти двадцатилетний триумфальный путь по тяжелоатлетическим помостам страны и мира.

Он вышел, озаренный славой и прожекторами, на сцену, прекрасный и могучий, и остановился над штангой в спокойной, непринужденной позе. Да, недаром пять лет назад, в дни парижского чемпионата мира, французская пресса называла его «красавцем № 1»! Никакого позирования, никакого «колдовства» над штангой, которым часто злоупотребляют молодые атлеты. Все — предельно просто и скромно. Вот он наклонился к снаряду (выполнялся рывок) и каким-то удивительно точным движением поднял его вверх.

И команда судьи-фиксатора слилась с громоподобными аплодисментами зала.

Да, это была настоящая работа и настоящая сила! Тогда я еще не осознавал этого, но позже понял, что рывок Якова Куценко стал для меня первым толчком к занятиям «железной игрой».

Но прошло еще два года, пока я впервые сделал шаг, решивший всю мою дальнейшую судьбу, — пришел в секцию тяжелой атлетики. Пришел, готовый немедленно, сразу же повести наступление на большой вес. И вместо этого — какое разочарование!

— Нет, нет, погоди поднимать! — сказал Михаил Петрович Светличный после того, как я вместе с другими новичками выполнил разминочные упражнения и собирался взяться за штангу. — Сними прежде «блины». Так, так, все до одного. Упражняться будешь с одним грифом...

Вот тебе и на! Ведь эта железяка весит не больше 15—20 килограммов! Да разве я слабачок какой! Я уже «взрослое» ядро за 12 метров толкаю! Пришел сюда, чтобы по-настоящему сильным стать, а тут...

Но Михаил Петрович не обращал никакого внимания на мою юношескую торопливость. Терпеливо втолковывал он мне мудрость древних: поспешай медленно! И вправду, именно этот небольшой вес позволяет новичку отшлифовать технику классических движений — жима, рывка, толчка. А технику надо отработать и довести до совершенства с самого начала, с первых же дней занятий. Иначе не выправленные сразу ошибки затем долго будут мешать спортсмену, сковывать его движения, неумолимо тормозить

нарастание веса на штанге.

На первый взгляд может показаться, что техника движений классического троеборья — вещь не такая уж сложная. Впрямь, скажем, что тут сложного: взял вес на грудь, силою рук выжал вверх — вот тебе и жим; поднял вес одним непрерывным движением — имеешь рывок; взял на грудь, а затем вытолкнул силою всего тела — это и будет толчок... Но, конечно, простым все это кажется лишь неопытному глазу. В действительности же техника трех движений — трех китов, на которых зиждется «железная игра», как и техника какого бы то ни было вида спорта, требует длительного овладения и шлифовки. Со времен доктора Краевского, который более семидесяти лет назад основал первый в России кружок силачей, тяжелая атлетика претерпела значительные изменения. Скажем, когда-то толчок штанги выполнялся в три приема — сначала ее поднимали до уровня живота, затем тащили на грудь, а уж потом выталкивали на прямые руки. Со временем этот «немецкий» способ был заменен более прогрессивным — «французским»: толчок начал выполняться в два приема, как делается и теперь. Некогда в программу тяжелоатлетических состязаний входили упражнения и для одной руки (правой и левой в отдельности). Было среди этих упражнений и так называемое «выкручивание» штанги. Теперь все это уже в прошлом. В выполнении темповых движений — рывка и толчка — в последние годы вместо так называемых «ножниц» большинство атлетов используют низкий сед, сокращающий путь штанги от помоста к «зениту» — точке на выпрямленных вверх руках атлета — и, стало быть, позволяющий поднимать больше.

В последние годы все громче раздаются голоса, требующие исключить из программы классического троеборья жим, т. е. превратить эту программу в двоеборье. Дело в том, что у очень многих атлетов жим давно уже утратил свою классическую чистоту и превратился, по сути, в темповое движение, напоминающее толчок от груди. Особенно грешат этим американские штангисты.

Словом, изменений в «железной игре» происходит немало. А сколько в границах каждого из трех движений составных элементов, требующих длительного и тщательного освоения! Тут только следи и следи за собой! Выжимаешь — не поднимай плеч, не то ослабишь силу жима; не отводи снаряд далеко от себя, иначе сила будет использоваться нерационально; не отклоняй корпус назад — от этого рукам будет тяжелей поднимать штангу вверх. Еще более сложен рывок с его требованиями четкости и точности подрыва и подседа, где необходима максимальная согласованность движений всего тела атлета.

И так во всем. А кроме того, в рамках общеупотребительных движений знатоку тяжелой атлетики легко различить «почерк» тех или иных штангистов. Можно с полным основанием говорить даже о стиле выполнения классических движений определенными мастерами. Выражение «Человек — это стиль», пожалуй, относится и к штангистам. В

манере выполнения атлетом классических движений отражаются его характер, темперамент и другие индивидуальные особенности.

А впрочем, какой бы техникой ты ни пользовался, главное для тебя, конечно, достичь цели. А это бывает ох как нелегко! Автор многочисленных остроумных афоризмов известный писатель Эмиль Кроткий заметил как-то: «Плавают разными стилями, а тонут одним». Именно так одинаково вырывается «бунтующий металл» из рук тех, кто не оказался способным покорить его, каким бы способом ни пытались они сделать это.

Очень скоро почувствовал и я, что такое «бунт металла». Узнал, с какой силой вырывается из рук, давит тебя к земле, шатает и гоняет по помосту, неспособного замереть на месте, непокорная многопудовая штанга. Но разумная и предусмотрительная постепенность Михаила Петровича Светличного во многом облегчила мне овладение основами «железной игры», позволила с первых же шагов освоить наиболее рациональную технику — основу будущих успехов.

Тогда же, с самого начала, приучил меня тренер понимать: мелочей в спорте сильных не бывает. Все надо учитывать, все скрупулезно выверять: и ширину хвата ладоней на грифе штанги, и расстановку ступней ног на помосте, и правильность дыхания, и глубину подседа (а то можно и не встать), и многое другое. Все эти «мелочи» не только не теряют своего значения, а, наоборот, становятся все более важными. Чем больший вес на штанге, тем более точным и отшлифованным должно быть каждое движение спортсмена. Малейшее пренебрежение «мелочами» — и нарушитель жестоко наказан, какими бы титулами и рекордами он ни обладал. Знаю это из собственного опыта и из опыта своих товарищей. Ниже еще буду говорить об этом.

Конечно, со временем мне пришлось кое в чем переучиваться, менять свою технику (этого требовали и новые мои тренеры, и новые нагрузки, и само мое физическое развитие). Но основа, заложенная первым моим учителем, оставалась надежным фундаментом для движения вперед.

Вскоре я уже нацепил первые «блины» на штангу, а еще через некоторое время стал выжимать 70 килограммов. Но лучше давались мне темповые движения — рывок и толчок. Особенно нравился рывок. Было в этом движении что-то неуловимо похожее на толкание ядра, а в этой легкоатлетической дисциплине я, как говорится, уже собаку съел. Длительное время ядро и штанга лежали, так сказать, на чашах весов моей спортивной судьбы, и по временам ядро явно перетягивало. И хотя, в конце концов, решилось дело в пользу штанги, но я на всю жизнь благодарен «королеве спорта», которая щедро, истинно по-королевски одарила своего изменчивого подданного ловкостью, резкостью, хорошей координацией движений, без чего напрасно рассчитывать на серьезные успехи в «железной игре».

Однако до этих успехов было мне еще очень далеко. Значительно дальше, чем моим товарищам по секции. Борис Кривошеев, Василий Федулов, Николай Холодняк, Виктор Шабатура были и по возрасту, и по спортивному стажу старше меня, а Николай Загребельный успел даже всю войну пройти.

Ну, конечно, до Загребельного мне, пацану, еще далеко! Но разве не досадно, что и Борю Кривошеева, который лишь немного старше меня и к тому же легче почти на целый пуд, я догнать на помосте не могу!

Да что там Бориса! Вон отцу уже под пятьдесят, а я и от него отстаю. А ведь уже целый год посещаю секцию! 100 килограммов выжимаю на тренировках!..

— Ну, я этой вашей классики не учил, — усмехается отец, придя как-то в тяжелоатлетический зал. — Я по-простому, по-шахтерски. Вот так!..

И хотя не по всем правилам, согнув колени, а поднял-таки 120 килограммов на прямые руки. Вот тебе и старик!..

— А ты догоняй, сынок, — ласково говорит мой Иван Филиппович, отряхивая магнезию с выходного пиджака, в котором он пришел на стадион в этот воскресный день. — Эх, не видал ты Ивана Поддубного! Вот где сила была! Тебе б четверти на всю жизнь хватило...

Да, надо догонять! А то ведь что это такое — за год никак до третьего разряда не дойду! Правда, меня уже включили в сборную команду завода, но я понимаю, что это заслуга не столько моя, сколько моего веса. Недаром говорил Юрий Федорович Манченко, что он дефицитный...

Теперь разошлись уже наши спортивные пути с Юрием Федоровичем. Нелегко было мне разлучаться с боксом, да и заводской секции нужен был тяжеловес. Но недаром партийный руководитель котельно-монтажного цеха считает себя в известной степени ответственным за судьбу каждого парня не только в цеху, но и в секции. Вот однажды после тренировки Манченко и сказал мне как-то особенно тепло и дружелюбно:

— Тут такое дело, Леня. Овладеваешь ты боксом неплохо, да и вес твой, сам знаешь, для нас дефицитный. Однако и Михаил Петрович, и другие специалисты говорят, что настоящее твое призвание — атлетика. То ли тяжелая, то ли легкая, но атлетика, а не бокс. А идти надо туда, где есть большие перспективы, понимаешь? Жаль мне тебя из секции отпускать, но надо по-честному. Разве не так?

— Понимаю, Юрий Федорович, — невольно вздохнул я. — Если вы советуете, то уж конечно...

Итак, остались штанга и ядро. И я между ними, словно та девица из песни: «Кто из них желаннее, руку жать кому?» Вот и я никак не решу, к чему же лучше приложить мои уже довольно-таки крепкие руки? Ладно, буду пока и «железо таскать», и с ядром упражняться. Тем более что ядро, кажется, обещает мне вот-вот третий разряд...

Ура! Я уже третьеразрядник! В шуме и кипенье заводской спартакиады 1955 года этого «выдающегося события», конечно, никто и не заметил. И куда только смотрел этот диктор на стадионе, ни слова не сказав о том, что токарь Леня Жаботинский выполнил норму третьего разряда по толканию ядра! Разве он не знает, какая это радость для меня?!

А радость, как и беда, никогда одна не ходит. Вскоре я узнал, что меня включили в состав сборной команды легкоатлетов завода, которая поедет в Москву, на V Всесоюзную спартакиаду профсоюзов. Вот это известие! Ну и повезло ж тебе, Леня!.. Отец, мама, Володька! Вы слышали, я еду в Москву!..

Москва!.. Сколько ни бываю здесь, а всякий раз охватывает меня какое-то особенное, ни с чем не сравнимое чувство. Словно впервые раскрывает тебе объятия своих улиц и площадей великий и добрый город, и хочется, презрев все виды транспорта, ходить и ходить по ним, любуясь уже виденными и все новыми красотами твоими, Москва!

Поэтому легко понять, как радостно закружилась у меня голова, когда впервые увидел я залитую утренним солнцем, словно в росе выкупанную Красную площадь, стройную колоннаду Большого театра со знаменитой квадригой коней над фронтоном, гигантскую фигуру Маяковского над потоком людей и машин. Третьяковку, где так бы и стоял часами у каждого полотна, забыв обо всем на свете... Но долго стоять нельзя. Меня, всех нас, приехавших со всех концов, ждет Спартакиада, расцвеченный флагами Центральный стадион «Динамо».

Когда случается бывать на нем теперь, после Лужников, он кажется небольшим. Но тогда я просто растерялся перед этими бесконечными рядами трибун, заполненных шумливым, цветистым людским морем... Ну кто тут заметит меня с моим жалким третьеразрядным результатом, тут, где будет выступать столько знаменитых, прославленных мастеров!

А-таки заметили! И зрители, и диктор, и журналисты. Хотя и совсем не так, как мне бы хотелось...

Когда пришла очередь соревноваться толкателям ядра, я не без робости поглядывал на своих соперников. Ребята хоть куда! Ростом, правда, не выше меня, но фигуры какие! Очевидно, на моем лице довольно выразительно отразилась предстартовая «лихорадка», которая не только новичков посещает, потому что Юрий Манченко, уже закончивший метать свой молот, подошел к нам и успокоительно помахал мне рукой:

— Не робей, Леня! Все будет в порядке!

И вот я уже в секторе. Где-то впереди на зеленом поле ярко краснеют флажки, которыми обозначены рекорды профсоюзов и страны. Я беру ядро к плечу и, страшно волнуясь, что было сил толкаю его куда-то, сам не знаю куда. Ядро ударяется о землю совсем близко, метров за четырнадцать, не больше, но затем катится, катится дальше и... сбивает

отметку всесоюзного рекорда!

Вот тебе и на! И надо ж было так подгадать! Уже и диктор каким-то неприятно-веселым тоном замечает, что ядро, которое только что толкнул самый младший участник соревнований, Жаботинский с Харьковского тракторного завода, учинило такое неожиданное покушение на всесоюзный рекорд. Уже и легкий смешок прокатывается ветерком по трибунам, и мне кажется, что каждый из шестидесяти тысяч зрителей указывает пальцем на неудачника-«рекордсмена». А тут еще в специальном выпуске газеты «Труд», выходящем на Спартакиаде, какой-то журналист написал, будто бы я заявил, что после такого доброго предзнаменования уж наверняка выйду в чемпионы либо рекордсмены. Конечно, не говорил я такого, но ребята, в шутку поздравляя меня, пророчили всякое. Но одновременно и подбадривали:

— Ничего, Леня! Говорят, со смеха люди бывают!..

Так-то оно так, но, если говорить серьезно, славы мой дебют на больших соревнованиях не принес мне никакой. И все же я говорил спасибо тому ядру, которое привело меня в Москву и дало возможность хоть в какой-нибудь мере содействовать успеху нашей команды на Спартакиаде.

А вот штанга преподнесла неприятный сюрприз. Казалось, вот-вот добьюсь третьего разряда, ан нет! То в жиме недотяну, то в толчке. А он же мне, этот чертов третий, позарез нужен! Наша тяжелоатлетическая сборная готовится ехать в Минск, на первенство Центрального совета общества «Торпедо», а без третьего разряда никто тебя, Леня, туда не допустит!

Ну что тут делать? Решаю тренироваться дополнительно, в одиночку, сверх трех занятий в неделю. И как на грех травмируюсь, растягиваю связку на ноге. Ну, теперь про Минск нечего и думать. Даже домой едва доковылял.

— Бросил бы ты, Леня! — сокрушается мать. — Покалечишься со своей штангой.

Но отец только усмехается в пышные, уже тронутые сединой запорожские усы:

— Ничего, мать! Крепче будет. Смолоду оно все быстро заживает...

Ребята поехали в Минск. И привезли оттуда трофеи за первое место. Горячо поздравлял я Борю Кривошеева, Витю Шабатуру (через несколько лет он стал мастером спорта), нашего тяжеловеса Васю Федулова, но в сердце червячком копошилась досада: почему без меня?

Но еще досаднее стало мне, когда буквально через несколько недель наконец выполнил я проклятый третий разряд. Всю радость омрачила мне мысль, что мог же, мог сделать это своевременно и побывать с товарищами в Минске!

Ну, как бы там ни было, а первую ступеньку одолел. Надо двигаться дальше. И в моей голове роятся какие-то полудетские мечты. Только что прочитал чудесную книжку

«Легенды и мифы Древней Греции». Еще до этого слышал я про античного богатыря Милона Кротонского, а теперь в памяти снова всплыла эта удивительная история. И ведь как остроумно придумал этот Милон — поднимать изо дня в день теленка, вырастая вместе со своим живым грузом, пока не стало под силу брать на плечи уже взрослого быка. Хорошо было бы и себе придумать что-нибудь подобное... А почему бы и нет?

— Понимаешь, Борис, — делюсь я своей фантастической выдумкой с ближайшим дружкой — Кривошеевым. — Задумал я норму мастера выполнить... Да ты не смейся, не в полутяжелом весе, конечно. Начну с легчайшего, потом в полулегком добьюсь и так постепенно дойду до своего. А там, гляди, года через два-три и Василия Федулова догоню...

— А Василий все эти годы будет сидеть на печи и ждать тебя, — иронически замечает Кривошеев.

И мы уже смеемся оба. Конечно, до результатов лучшего заводского тяжеловеса мне еще далековато. Но все ведь в моих руках. Мне только семнадцать, и все идет как надо. На заводе уже по четвертому разряду работаю. В школе тоже дела поправились. И друзей настоящих, верных у меня много — все комсомольцы цеха. Завтра с ними выходим на воскресник — благоустраивать парк имени Маяковского. В этом же парке вскоре состоятся показательные выступления наших тяжелоатлетов. И я выступать буду. А сегодня вечером пойду на свидание. Как хорошо жить на свете!..

Плечо друга

Вот и теперь, когда бываю в Харькове, парк Маяковского никогда не обхожу стороной. Ведь это здесь было оно, то первое свидание. Это ж здесь, на эстраде, проходили конкурсы силачей и показательные выступления заводских тяжелоатлетов. Тут выходил вместе с товарищами на помост долговязый и нескладный Ленька Жаботинский и старательно выполнял все движения классического троеборья. О результатах во время этих выступлений мало кто заботился, зато каждый стремился выступить, что называется, показательно — красиво и четко выполнить все упражнения.

Выступали и в парке, и в школах, и в подшефном колхозе. Сами смастерили даже разборный помост и специальный возок для наших «выездных гастролей». И когда на другой день после такого выступления появлялись на пороге нашего зала новые посетители и просили принять их в секцию, мы радовались: значит, потрудились не даром!

В парке Маяковского охраняли мы, заводские комсомольцы, общественный порядок, чтоб никто не мешал отдыхать тракторостроителям. Когда выпадало дежурить по парку тяжелоатлетам, борцам или боксерам, всяческих хулиганов с дорожек словно ветром сметало.

Все чаще и успешнее выступали тракторозаводские штангисты на городских первенствах. А там было у кого поучиться! Там царствовал на помосте один из сильнейших полутяжеловесов страны суровый и самолюбивый Федор Осыпа, легко, словно играя, орудовал с большими весами черноволосый и приветливый Марк Рудман, демонстрировал филигранную работу изящный и миловидный Игорь Рыбак. В конце 1956 года мы все торжественно встречали его: Игорь привез из Мельбурна золотую медаль олимпийского чемпиона. А вскоре стали чемпионами Европы Марк Рудман и приземистый, словно могучий корень дуба, Хасан Яглы-Оглы.

Конечно, смотрели тогда мы, зеленые, на этих корифеев снизу вверх, изо всех сил старались подражать им, учиться у них и совершенной технике, и бойцовскому умению в любой ситуации бороться до конца.

А ведь нередко приходится бороться не только с соперником на помосте, но и с самим собой. И эта борьба, пожалуй, самая тяжелая, и победа тут достается не меньшей ценой, чем победа в спортивном поединке. Недаром ведь выдающийся штангист нашего времени Юрий Власов назвал свою книгу «Себя преодолеть».

Когда-то Алексей Максимович Горький сказал: «Даже небольшая победа над собой делает человека сильнее». Речь идет, конечно, не только о физической силе. И преодолевать спортсмену приходится, ясное дело, не только свои физические слабости либо техническое

несовершенство, но и обычную лень, и несдержанность в еде, и неумение разумно отдыхать, и много других больших и малых грехов и грешков — разве они не стоят поперек пути к спортивному успеху, не повисают гириями на ногах того, кто шагает к победе?

...Вот я лежу вечером на кушетке, слишком короткой для моих «рычагов». Дома никого — отец и мать в ночной смене. Брат Владимир вот уже год как в армии. Мне надо идти в школу, но я не иду. И вчера на тренировку не ходил. И завтра не пойду. К черту! Настроение дождливое, пасмурное. Да и каким же ему быть, если все у меня идет вкривь и вкось! Казалось, еще недавно все было прекрасно — и вот тебе на! Выполнил третий разряд — радовался от души, а теперь снова все застопорилось. Тренируюсь, таскаю железо так, что спина трещит, — и никакого прогресса! Да еще травма за травмой — то снова связка, то поясница... А в школе? Две двойки по математике! Десятый класс — тут не до шуток! Ну и пусть! Разве без аттестата люди не живут? И без тяжелой атлетики обойдусь — ядро толкать буду. Тут и результаты у меня лучшие, и никаких тебе травм...

— Есть тут кто живой?

Скрипят двери, и в комнату входит Михаил Ильич Черняк, сосед. Наладчику нашего завода коммунисту Черняку уже за тридцать, но он тоже учится в вечерней школе, в выпускном классе. Михаил Ильич подходит ко мне и неодобрительно качает головой:

— Снова лодыря празднуешь? А на тренировке был? Да можешь не отвечать — сам знаю, что не был. А ну вставай сейчас же и собирай книжки! — голос Черняка звучит поотцовски сурово и в то же время дружелюбно. — Не приготовил задания, говоришь. Наверно, снова математика? Ну ладно. Первый урок пропустим и вдвоем разберемся. Давай за стол!

И вот мы вдвоем забираемся в дебри алгебры, и с помощью моего проводника я вскоре благополучно выбираюсь из них. В школу идем вместе, и по дороге дядя Миша на все корки ругает меня за лень и слабоволие.

— Казак ты или баба? — сердито говорит он. — Двойку поймал, штангу не смог поднять — и уже раскис! «Ничего не хочу, ничего не желаю!» Эх ты! Я не буду тебе всяких примеров приводить — ты хотя бы на меня посмотри! Уже не твоего телячьего возраста и война за спиной, и здоровье не твое, и семью кормить надо, а ведь учусь! Потому что цель есть. Пусть в сорок лет, а все-таки буду с высшим образованием. А тебе что мешает человеком стать?..

Хорошо иметь такого соседа! Никогда не забуду я дружескую помощь и прямой, искренний разговор дяди Миши. А сам Черняк через несколько лет достиг своей цели. Теперь он — известный специалист, главный инженер одного из харьковских заводов.

Коммунисты Манченко, Загребельный, Черняк; друзья моей юности, заводские

комсомольцы! Навсегда благодарен я вам, что не дали свернуть с прямого пути, предостерегли от скоропалительных решений, неразумных поступков! Вспоминаю, какая буча поднялась в цеховой комсомольской организации, когда однажды, расстроившись от неудач, я заявил, что брошу все и поеду на целину. Доныне помню во всех деталях по комсомольскому откровенный и бескомпромиссный разговор по этому поводу.

— Целина — дело хорошее, — сказали мне ребята. — Но туда комсомол лучших посылает. Тех, кто дела ищет, а не от дела бежит. С такими же настроениями тебе на целине делать нечего. Возьми себя в руки, друг, и помни, что завод рассчитывает на тебя — как на токаря и как на спортсмена.

А в секции тоже.

— Трудностей испугался? — басит Николай Загребельный. — А ты видел их, настоящие трудности? Вот, бывало, у нас, на Северном флоте...

И уже все мы жадно слушаем новое повествование бывшего матроса-разведчика, и словно обступают нас суровые шхеры Северного моря, где так славно и мужественно воевал наш старший товарищ...

Постепенно все у меня наладилось, вошло в нормальную колею. Преодолеть себя значило в конечном счете преодолеть и тот психологический барьер, который наверняка стоял в свое время на пути у каждого спортсмена. Для меня такими барьерами были третий и второй спортивные разряды. В 1956 году я стал наконец второразрядником и осуществил то, чего рассчитывал достичь лишь за два-три года, — выиграл у нашего лучшего тяжеловеса Василия Федулова. Сам я тоже перешел в тяжелый вес! Налилось силою тренированное тело, округлились мускулы, раздались плечи. 90 килограммов показали однажды старенькие весы в заводском тяжелоатлетическом зале.

— Нашего полку прибыло! — хлопали меня по спине Федулов и Загребельный.

Ну, а к тяжеловесу и требования потяжелее. Надо было во что бы то ни стало закрепиться в сборной завода в новом своем качестве. А это могла обеспечить лишь достойная тяжеловеса сумма. К тому же для штангиста переход в высшую весовую категорию обычно процесс болезненный, чем-то похожий на ломку голоса у подростка. И, как правило, сопровождается торможением результатов. А мне этого очень уж не хотелось.

Михаил Петрович Светличный понимает мое стремление, видит мою особенную старательность на тренировках и увеличивает нагрузку. Но усталости я не чувствую — по-настоящему втянулся в тренировочный ритм, да и сила заметно прибывает с каждой неделей.

На первенстве областного совета «Торпедо» я показал свои лучшие килограммы в жиме, рывке и толчке (последний все еще дается мне наиболее трудно), и вот уже крепко жмет мне руку побежденный Вася Федулов. 322,5 килограмма! Есть о чем говорить, есть с чем

на люди выйти! Конечно, до нормы мастера еще как до звезды небесной, но все же...

А что же дальше? Какой следующий рубеж? Хочется, очень хочется сделать лучшую сумму в команде. А она принадлежит моему дружку Боре Кривошееву. 350 килограммов поднимает он, хотя и в полутяжелом весе (до сих пор сожалею, что Кривошеев рано оставил занятия тяжелой атлетикой, так и не дойдя до мастера). Борис смеется:

— Давай, Леня, шуруй по две порции в столовой. Иначе меня не догонишь!

На аппетит я не жалуясь, хоть рекордсменом здесь никогда не был. Да и теперь вовсе не посягаю на лавры «малютки из Теннесси» — Пауля Андерсена, который, говорят, выпивал в день по восемь литров молока, а жареной курицей только «разминался» перед завтраком. Мой нынешний рацион не слишком превышает дневную норму среднего человека. Однако тогда, в 18 лет, ел я и вправду за двоих, чем немало веселил друзей. Да и вообще любителей посмеяться, «разыграть» друг друга у нас хватало.

Вот в один из дней следующего, 1957 года отправляемся мы, тяжелоатлеты-тракторостроители, на соревнования в Донецк. Путь недалекий, и поездка недолгая, но каждому хочется, кроме спортивной формы, взять с собою какой-то гардероб, чтобы в чужом городе пройтись, по улице при всем параде. Взял и я свой первый выходной костюм, а чтобы не измялся, положил его в большой отцовский чемодан.

Сложили все свои вещи вместе, стоим на перроне харьковского вокзала и в ожидании поезда весело болтаем о чем-то. Подошел поезд, ребята — за свои чемоданы, а моего что-то не видно. Неужто украли? Я засуетился, бегаю туда-сюда, как вдруг товарищ выдвигается из толпы, держа в руках мой чемодан.

— Ну чего ты паникуешь, Леня? — говорит он.— Вот он, твой сундук. Он ведь тут стоял, ты просто не заметил. Ну садись в вагон, а я, так и быть, поднесу тебе твой багаж.

— Давай неси! На чай получишь.

Мы вошли в вагон. Товарищ поставил мой чемодан у стенки, а я сразу же полез занимать место на верхней полке. В дороге всегда на нее ложился, чтобы пассажиры не цеплялись за мои длинные ноги. Поехали...

Примерно через час является контролер. Начинает проверять билеты.

— Чей это такой чемодан? — спрашивает он у пассажиров.

— Мой, — не без гордости отзываюсь я с полки,

— А если ваш, то сойдите, молодой человек, и скажите, почему вы его в багаж не сдали?

— Так он же совсем пустой! — оправдываюсь я. — Вот поглядите!

Контролер берет за ручку чемодан и... не может его оторвать от пола. Я растерянно хлопаю глазами, хватаюсь сам за ручку и насилу поднимаю чемодан. Что за чудеса? Открываю крышку и возмущенно смотрю на ребят. А те прямо за животы держатся от хохота. В чемодане под моим аккуратно сложенным и завернутым в газету костюмом...

полным-полно кирпичей!..

— Это ему дополнительная тренировка! — сквозь смех объясняют хлопцы оторопевшему контролеру. — Он ведь у нас четыреста килограммов поднимает!..

Ну, четыреста — не четыреста, а 382,5 я-таки поднял в сумме троеборья на тех же соревнованиях в Донецке. Вот он, мой первый разряд! Сложился этот результат из 115 килограммов в жиме, 117,5 — в рывке и 150 — в толчке. Ребята поздравляют меня, и мы все поздравляем друг друга: наша команда выиграла первое место на соревнованиях коллективов заводов, шахт и строек Украины.

Радостно встретили нас и по возвращении домой, в цеху. А когда я вечером пришел в школу, то не без удовольствия прочел на классной доске большую надпись: «Поздравляем Ленью с победой и первым разрядом!» Хоть и мелом написано, хоть и сотрут через минуту, а все же приятно.

А впрочем, это уже мой второй первый разряд. Ядро и теперь опережает штангу. На первенстве города я толкнул его на 15 метров 3 сантиметра. Вопрос «кто кого» — ядро штангу или наоборот? — все еще остается нерешенным. А может, так и продолжать совершенствоваться в обоих видах спорта?..

Если бы это было лет на двадцать раньше, возможно, так и остались бы легкая и тяжелая атлетика моими спутниками на весь мой спортивный век. Ведь даже и в наши дни попадаются иногда такие «совместители». Смог же, скажем, талантливый киевлянин Виктор Компанец стать почти одновременно одним из сильнейших в стране дискоболов и мастером спорта по поднятию тяжестей! Но наше время предельно высоких спортивных результатов и отшлифованной до «алмазной грани» спортивной техники требует более узкой специализации.

И все же после того еще добрых три-четыре года не разлучался я с ядром. Немало приятных минут принес мне этот один из наиболее «силовых» видов легкой атлетики. В том же 1957 году я стал чемпионом Харьковщины по толканию ядра, а осенью в Днепропетровске — и чемпионом Украины среди студентов.

Да, среди студентов! Я — студент. Горжусь сам собою ужасно. Да это и вправду не шутка — работая на заводе и не ослабляя занятий двумя видами спорта, сдать экзамены на аттестат зрелости и вступительные экзамены в вуз! Пожалуй, никогда в жизни, ни до, ни после этого, не приходилось мне так предельно мобилизовываться. Наверно, не смог бы, если бы не друзья. Почти каждый день повторяли и Михаил Ильич Черняк, и Юрий Федорович Манченко, и Борис Кривошеев: должен, Ленья! Если голова на плечах есть, именно теперь и учиться!..

А когда уже остались позади школьные выпускные экзамены и Торжественная, в красивой рамке, бумага засвидетельствовала перед всеми мою зрелость, сама собою

всплыла мысль об институте. А что ж такого? Другие ведь поступают! Вот и из нашего цеха ежегодно несколько ребят становятся студентами... Попробую!

Но куда?..

— Если уж поступать, то только на факультет физического воспитания, — советует мне Умар Алексеевич Акжитов — один из бессменных руководителей городской физкультурной организации. — Разве плохо стать учителем физкультуры? А наш педагогический институт на всю республику славится! К тому же на этом факультете спорт в особой цене. И... математики там нет...

Все знает обо мне Умар Алексеевич! Решено. Подал документы в педагогический. Взял на заводе отпуск, сижу над книгами день и ночь.

А ребята из цеха и секции ходят вокруг меня, будто около невесты. «Как дела, Леня? Может, надо помочь чем?..» Прямо как в той песне: «Провожают гармониста в институт». Комитет комсомола выдал мне характеристику-рекомендацию. Просто стыдно после такой дружеской поддержки и участия не выдержать экзаменов!..

Выдержал, выдержал! Все — и физику, и химию, и язык! Вот и моя фамилия в списках принятых. Уже и товарищи здороваются не иначе как: «Студенту мое почтение!» Отец с матерью ходят именинниками. А я так просто ног под собой не чую! Преодолел-таки! Себя преодолел! Ленька Жаботинский — студент!

Чем молодость богата

Есть такая мудрая украинская пословица: «Чего Ванюшка не выучил, того и Иван знать не будет!» Касается она, конечно, не только книжной науки. Народ учит вбирать в себя смолоду, когда восприятия свежи и остра память, все богатства окружающего мира, весь опыт, накопленный до тебя. Чудесная это штука — молодая жадность ко всему новому. А если речь идет о спорте, то тут уж дорог буквально каждый день молодых лет. Как ни завидно оно, спортивное долголетие, скажем Стенли Метьюза или прославленного американского тяжелоатлета Норберта Шеманского, высшие достижения в большинстве видов спорта все же, как правило, приходят к нам где-то между двадцатью и тридцатью... Мне — девятнадцать. А я ж еще так мало успел! Едва до первого разряда добрался. Вон Яков Куценко где-то в моем возрасте уже чемпионом Украины был! А Николай Шатов даже рекордсменом мира в легчайшем весе! Первым советским рекордсменом. Еще в 1934 году.

Шатов и Куценко. Особую роль в моей спортивной судьбе сыграли эти два выдающихся тяжелоатлета и тонких знатока «железной игры», которые в течение многих лет вели к победам сборную команду штангистов Советского Союза.

Первая встреча с Николаем Ивановичем произошла еще в 1955 году. И сейчас становится на сердце как-то особенно спокойно и хорошо, едва увижу я на соревнованиях невысокую, ладно сбитую фигуру Шатова, его добрую улыбку. Шатов дал мне возможность выступить вне конкурса на чемпионате страны среди юношей, «на первых смотрилах», как говорил Светличный.

До меня выступили сильнейшие юные богатыри Бергманис и Коол из Прибалтики, Николай Пузынин из Одессы, Гавриил Аферин из Уфы. Наконец дошел черед выйти на помост и мне. На штанге — 100 килограммов. На тренировках я не раз брал уже и больше, а тут словно заело: беру снаряд на грудь, а выжать не могу. Раз, другой, третий... На глазах слезы, лицо красное, не столько от натуги, сколько от стыда.

И тут, вижу, подходит Николай Иванович к судьям, и они дают мне четвертый подход, который разрешается обычно лишь в том случае, когда штангист идет на рекорд. С радостью выхожу снова на помост, и снова с грохотом падает непокорная штанга.

Нуль! Та самая чертова «баранка», отведать которую ох как горько бывает спортсмену! После нуля сами собой опускаются руки. Тем более что в тяжелой атлетике, получив нулевую оценку в одном движении, ты практически выбываешь из борьбы, ибо не остается никаких шансов догнать соперников. Выйдя в разминочную комнату, начал поспешно натягивать на себя штаны и сорочку, чтоб сбежать куда-нибудь от стыда.

— Это что ж такое? — послышался голос. — Куда собрался, парень?

Я обернулся. Ко мне подходил Николай Шатов.

— Кто разрешил одеваться? — спросил он, быстро расстегивая на мне сорочку. — Прикажите ему, Михаил Петрович, готовиться к рывку, — обратился Шатов к Светличному. — Экая беда — нуль получил! Лучше получать нули в начале пути, чем после. Вот так-то, юноша!

Что и говорить, привелось мне в тот день выпить горькую чашу до самого дна. В рывке я снова трижды подходил к весу 100 килограммов — и не взял его. Лишь в толчке сумел зафиксировать сначала 120, а потом и 130.

Словом, набрался стыда — дальше некуда. Но получил в этот день поучительный урок бойцовства и навсегда запомнил: бороться надо до конца, не обращая внимания на какие бы то ни было неудачи. Значительно позже прочел я в стихотворении Р. Киплинга «Заповедь» удивительной силы строки, которые всегда вспоминаю, когда приходится туго. Вот они:

*Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только воля говорит: — Иди!*

Конечно, звучат в этих строках (как и во всем стихотворении) чуждые нам ноты пессимизма и разочарованности. Не с пеплом сгоревших надежд в сердце выходим мы на наши состязания. Но бывают у каждого неудачи, когда кажется — все идет прахом и свинцовая усталость сковывает мускулы. Вот тогда и надо, чтобы воля сказала свое властное и сильное: «Иди!»

А «баранки», ясное дело, приводилось мне пробовать еще не раз, И если при первой неудаче дал добрый совет Николай Иванович Шатов, то во время другой, по странному совпадению, оказал помощь его коллега по руководству сборной командой СССР Яков Григорьевич Куценко.

Это было уже в 1958 году. Осенний Львов принимал тогда участников чемпионата страны, среди которых был дебютантом и я. Старинный город пленил меня своей своеобразной красотой. Накануне соревнований я долго блуждал по его узким улицам, поднялся на Высокий Замок, побывал на Лычаковском кладбище, где печальные деревья роняли пожелтевшие листья на могилу Ивана Франко...

В тренировочном зале было шумно и остро пахло растирками и мазями, которыми атлеты разогревают мышцы перед выступлениями. Старательно разминался могучий, с добрым круглым лицом Алексей Медведев — первым из советских штангистов перешедший заветный 500-килограммовый рубеж. Впоследствии Алексей Сидорович стал моим тренером и добрым другом. Вызывая общее удивление, неистово стегал себя

крапивой по пояснице соперник Медведева белорусский чемпион Евгений Новиков.

— Попробуйте, ребята, не пожалее! — смеясь, говорил он, предлагая нам пучок крапивы. — Греет лучше всякой мази. А возбуждает как!..

Мы тоже посмеивались, но от новиковского возбуждающего средства отказывались.

Между Медведевым и Новиковым шла основная борьба на этом чемпионате. Я даже в мыслях был далек от призового места, но надеялся набрать более или менее приличную сумму. Жим и рывок не предвещали ничего плохого — 125 и 130 килограммов. Настает очередь толчка. Я заказываю для начала 160 килограммов и... не беру их ни с первого, ни со второго, ни с третьего подхода.

Крайне огорченный, схожу со сцены, иду в разминочную комнату. Стою у окна, прижавшись потным лбом к холодному стеклу, и думаю свою невеселую думу. И вдруг чья-то тяжелая ладонь ложится на мое плечо.

— Не тужи, казак, — ласково говорит Яков Григорьевич Куценко. — С кем не бывает?.. А вот толчок у тебя не ладится. Это я уже не в первый раз вижу. Очевидно, надо тебе переходить от «ножниц» к низкому седу. Этот способ тебе больше подойдет.

В тот вечер мы долго гуляем вдвоем по Стрийскому парку, прекрасному даже в эту пору поздней осени. Беседуем обо всем, а потом снова возвращаемся к технике «железной игры», в частности к низкому седу.

Низкий сед технически сложнее «ножниц», но и эффективнее их. Нелегко подняться из этого положения на прямые ноги, держа большой вес. Необходимо высокое чувство равновесия. Некоторые атлеты щедро одарены этим чувством. О моем земляке рекордсмене мира Владимире Беляеве тот же Яков Григорьевич Куценко говорил, что с его вестибулярным аппаратом (как известно «заведующим» в человеческом организме равновесием) хоть в космонавты. Овладеть низким седом — значит поднимать больше, и я твердо решаю — переучиваться!

Но есть у меня задача № 1. Требуется своего институт. Сколько нового, непривычного! Анатомия, физиология, консультации, коллоквиумы... Держись, Леня, вскоре первая сессия!

Готовимся к ней вместе с новыми друзьями — Юрием Поярковым, Юрием Венгеровским, Леонидом Савенковым. Теперь два первых имени известны всему спортивному миру. Оба Юры стали в Токио олимпийскими чемпионами по волейболу. Мастером этого вида спорта стал и Леня Савенков. Нередко тащили они и меня на волейбольную площадку и сгоняли с бедняги семь потов своими пушечными ударами и отчаянными прыжками над сеткой.

— Да вы ж его в легковеса превратите! — шуточно ворчал декан факультета Павел Петрович Первушин. — Кому он тогда нужен будет: ни штангу таскать, ни ядро толкать!

Ничего, пока добросовестно таскаю и толкаю. Да и в других видах спорта изо всех сил тянусь за нашими институтскими чемпионами, хотя, как говорят, далеко куцему до зайца. Ну, скажем, куда мне с моими ста с лишком килограммами как следует прыгать с шестом! Пробовал, да где там!..

— На тебя, дружище, шестов не напасешься! — качает головой наш преподаватель Гавриил Леонидович Раевский, подбирая обломки еще одного загубленного мною снаряда.

А мне ведь так хочется перепрыгнуть эту чертову планку, чтоб угодить Гавриилу Леонидовичу! Раевские в спортивном Харькове, пожалуй, не меньше знамениты, чем их однофамилец — генерал, герой Отечественной войны 1812 года. Не могу не сказать нескольких слов об этих людях героической судьбы, в которых воплотились лучшие черты советских спортсменов — мужество, воля, пламенный патриотизм.

...Их было два брата — Иван и Гавриил Раевские, Высокие, красивые, стройные, с прекрасно развитыми фигурами, они безраздельно господствовали на легкоатлетических секторах стадионов довоенного Харькова. Иван прославился в беге, Гавриил был непревзойденным прыгуном с шестом и первым в стране преодолел планку на высоте четырех метров.

Война перечеркнула планы и мечты. Стал разведчиком Иван Раевский, взял в руки снайперскую винтовку Гавриил. Уже приближался к сотне счет уничтоженных фашистов, когда нашла снайпера вражеская пуля. Тяжелое ранение, казалось, навсегда отрезало Гавриилу Леонидовичу путь к возвращению в спортивный строй. Но он нашел в себе силу все восстановить, все вернуть... Я смотрю в его выдубленное солнцем и ветром, тронутое боевым шрамом лицо и вижу в глазах отблеск неукротимой воли. Той воли, которая помогла ему преодолеть слабость и раны, стать и в послевоенные годы одним из сильнейших легкоатлетов Украины и почти до пятидесяти лет прыгать с шестом. Завидная доля!

А неподалеку от спортивного ядра харьковского стадиона «Динамо» в зелени кустов стоит скромный обелиск — памятник Ивану Раевскому. Мужественный офицер погиб в бою за родной город, оставив о себе добрую и негасимую память в сердцах всех, кто знал этого прекрасного человека.

...На финише 1957 года произошло в моей жизни еще одно знаменательное событие: я впервые выступил на чемпионате Украины в Ужгороде. Вся тяжелоатлетическая элита республики собралась в этом уютном и красивом городке. Тут и премьер тяжелоатлетических спектаклей последних лет, великолепно сложенный киевлянин Цезарь Весловуцкий, и черноволосый геркулес Петр Матюха, и могучий одессит Николай Пузынин, и мои земляки — харьковчане Федор Осыпа и Марк Рудман. Я среди них еще

«салага», как говорят моряки. Но, нисколько не посягая на корону абсолютного чемпиона, за которую спорят Весловуцкий и Пузынин (они в таком порядке и взошли на пьедестал почета), я неожиданно для многих, а пожалуй, и для себя самого, занял третье место.

А третье место на первенстве республики — это, знаете ли... И сумма 415 килограммов тоже чего-нибудь да стоит!..

Я, как говорится, уже вошел в силу! И сам это чувствую, и другие. Даже в родной моей Успенке пошел разговор о том, как Ленька Жаботинский, Ивана Филипповича младший сын, быка повалил.

Дело давнее, но что было, то было. Скажу лишь, что я ни в какой мере не покушался на Геракловы лавры, и произошла эта «тавромахия» (бой с быком) чисто случайно.

Приехал я на несколько летних дней в Успенку — проведать дедушку и бабушку. Однажды, гуляя по селу, забрел на ферму. Доярки как раз уселись в холодке обедать. И тут откуда ни возьмись появился довольнотаки солидный бычок. Закинул хвост на спину и ну гоняться за девчатами! А те с криком и визгом врассыпную.

Пожалуй, никакой особенной угрозы тот бычок для доярок не представлял. Наверно, не столько со зла, сколько сдуру начал он хулиганить во дворе фермы. Но меня словно что-то толкнуло: а ну попробуй! Рыцарь ты или не рыцарь?

Короче говоря, кинулся я навстречу быку и схватил его за рога. Крутанул изо всех сил, и бычок как-то покорно свалился на бок. А мне уже и самому неловко стало. Тоже мне тореадор выискался! Не хватало только ногу на брюхо поверженного противника поставить и взмахнуть моим соломенным «брилем» в знак победы! Смех да и только!

Ну, так или иначе, а говорливые девчата сразу же раззвонили по всему селу о моем «подвиге», и даже председатель колхоза поздравил меня.

С того времени прошло уже десять лет. Казалось, давно пора бы забыть об этом вовсе не героическом эпизоде. И вот в апреле прошлого года о нем вдруг вспомнила московская «Неделя». Более того, в день выхода этого номера высказалось по этому поводу и телевидение. Именно тогда проходила очередная передача «Клуба веселых и находчивых». Участникам этого интересного состязания — бакинцам и куйбышевцам — предложили изложить в куплетах некоторые материалы «Недели». Бакинцам бросилась в глаза заметка о моем поединке с быком, и они составили об этом такой куплет:

*Однажды в полдень жаркий
Бык приставал к дояркам,
Тут Жаботинский Леня
Его подверг толчку.
Что можно чемпиону,*

Того нельзя быку!

Отдавая должное остроумию бакинцев, хочу только сказать в свое оправдание, что к дояркам я не приставал. Чего не было, того не было!

...В институтской учебе и напряженных тренировках быстро пролетели зима и весна 1958-го. А в июне произошло наконец то знаменательное событие, о котором мечтал я уже не первый год и ради которого поперетаскал целую гору металла в родном тяжелоатлетическом зале на стадионе Харьковского тракторного.

Сборная команда штангистов завода выступала в те дни на летней областной спартакиаде профсоюзов. Решался вопрос» кому представлять Харьковщину на республиканской и всесоюзной спартакиадах. И вот тут, на стадионе «Авангард», я не только выиграл первое место, но и набрал в сумме троеборья 447,5 килограмма, В этой сумме воплотилось все добытое за четыре с лишним года занятий тяжелой атлетикой. И вспышки белых лампочек на судейских столиках засвидетельствовали, что вес взят по всем правилам и, стало быть, я имею право называться мастером спорта.

— Ну, поздравляю, Леня! — крепко обнял меня тут же, на сцене, Михаил Петрович Светличный и, сняв со своего пиджака серебристый квадратик значка мастера, приколот его мне на грудь.

Вот оно и сбылось! Спасибо ж вам, Михаил Петрович, за все спасибо! И вам, верные друзья мои! Вам, кто сейчас изо всех сил жмет мне побелевшие от магнезии ладони, и всем близким и далеким! Как я счастлив сегодня!

И вправду, хотелось от радости прыгать, несмотря на зрелый возраст и довольно солидный вес. Да и было отчего! Ведь в этот день завоевал я еще одно почетное звание. Зафиксировав в жиме 144 килограмма что на 1 килограмм превышало республиканский рекорд Цезаря Весловуцкого, я впервые стал рекордсменом Украины.

Что и говорить, это был на диво счастливый для меня год и действительно необыкновенное лето! Вскоре на республиканских вузовских соревнованиях в Днепропетровске я толкнул ядро на 15 метров 2 сантиметра и стал чемпионом Украины среди студентов. И в том же году мне было оказано высшее, так сказать, «тяжелоатлетическое доверие» — меня включили кандидатом в состав сборной команды Советского Союза... Как же мне не считать счастливым, не поминать добрым словом тебя, пятьдесят восьмой!..

На большой помост

Сдвинуты вместе и накрыты белой скатертью два стола, расставлены одолженные в соседних комнатах стулья. А на столах — полный студенческий набор: обложенная кружочками лука селедка, несколько банок бычков в томате, докторская колбаса и тут же две бутылки шипучки и полдюжины пива.

И уже все общежитие знает, что у нашего однокурсника день рождения. Даже старенькая тетя Паша, склонившись в своем уголке над бесконечным вязанием, невольно покачивает головой в такт веселой песне, что летит из-за дверей:

*С первой же минуты
Бог создал институты,
И Адам студентом
первым был.
Он ничего не делал,
Ухаживал за Евой,
И бог их общежития лишил.*

Вот сегодня и я ухаживаю за Евой, с которой меня только что познакомили на этом торжестве, подкладываю ей на выщербленную тарелку бычков, подливаю шипучку в пластмассовую стопку (в будничные дни она служит моему приятелю для бритья).

— Вы, кажется, спортсмен? — спрашивает Ева, поднимая на меня голубые кукольные глаза. — А чем именно вы занимаетесь, Леонид?

— Тяжелой атлетикой.

Гримаска разочарования пробегает по хорошенькому личику моей собеседницы:

— Ох, это, значит, борьба или когда поднимают... эту самую... как ее... штангу? Неинтересно!

— А почему вы так считаете?

— Ну что ж тут интересного? Я понимаю — теннис, гимнастика, фигурное катание... Красиво, эстетично... А в тяжелой атлетике что? Одна лишь грубая сила! Кто кого положит, кто больше поднимет, кто кто кому лучше физиономию набьет — я бокс имею в виду. Извините меня, это я, конечно, не про вас, но невольно вспомнилось, как говорят: сила есть — ума не надо!..

Вот оно как! Знакомый мотив! Ну, ладно, очаровательная Ева!

— А скажите, Евочка, — спрашиваю я вдруг, — вы любите Куприна?

Выщипанные брови девушки удивленно подпрыгивают вверх:

— Чего это так внезапно? А впрочем, кто не любит Куприна? Чудесный писатель!

— Не дурак?

— Ну что это вы такое говорите в самом деле?

— Так вот, Ева, Александр Иванович Куприн очень охотно занимался и подниманием тяжестей, и борьбой да еще был близким другом известного борца и силача Ивана Заикина, о котором, быть может, и вы слышали.

Девушка дергает плечиком, хочет что-то возразить, но я прерываю ее:

— Извините. А поэт Илья Сельвинский, стихи которого только что читал Виктор и которым вы так аплодировали, сам был смолоду цирковым атлетом и до конца жизни живо интересовался всеми видами тяжелоатлетического спорта. Я уж не говорю о боксе, которым горячо увлекались Джек Лондон и Эрнест Хемингуэй... Довольно примеров или желаете еще?

Да чего ее в самом деле убеждать! К чему говорить ей о своеобразной красоте силового спорта, об атлетах древности, вдохновлявших Мирона, Фидия, Праксителя?

— Конечно, об этом много написано, — вмешиваются в разговор другие гости. — Да и среди самих спортсменов есть способные литераторы.

Сколько б я мог рассказать об этом! Хотя бы, к примеру, о глубоком уме и блестящем остроумии Якова Григорьевича Куценко, о его полных тонких наблюдений и мягкого юмора очерках, публицистических статьях и дорожных заметках. Это что, милая Ева, тоже «сила есть — ума не надо»? Или о Юрии Власове, рассказы которого, быть может, и вы, девушка, читали?

Да, теперь я уже лично знаком с Юрием Власовым. Произошло это знакомство в подмосковном поселке Тарасовке, где готовилась сборная команда страны к традиционным международным соревнованиям на Кубок Москвы.

Впервые попал я в такую компанию, впервые тренировался бок о бок с мастерами такого класса. Уже не трижды в неделю, как в Харькове, а ежедневно приходил я в тренировочный зал и видел, как сосредоточенно и неумоимо делает подход за подходом сильнейший полутяжеловес мира Аркадий Воробьев — нынешний старший тренер сборной СССР, как сильно и технично «таскает железо» могучий сибиряк Рудольф Плюкфельдер, любовался силой и точностью движений Трофима Ломакина, Владимира Стогова, Евгения Минаева, Владимира Каплунова, уже знакомых мне Алексея Медведева и Евгения Новикова.

Однажды товарищи сказали мне:

— Гляди, вон Юрий Власов.

Я увидел у штанги высокого человека в очках, сквозь которые светились умом добрые глаза. От всей могучей, но еще не лишенной юношеской стройности фигуры Власова веяло силой и энергией. Так вот он какой, сильнейший тяжеловес страны, чья звезда уже

затмила звезды Медведева и Новикова! Когда через несколько лет стало известно, что кинорежиссер Сергей Бондарчук пробует Власова на роль Пьера Безухова в фильме «Война и мир», я не мог не удивиться тонкому видению художника: именно таким большим, добрым и немного неуклюжим, пожалуй, каждый из нас представляет героя бессмертной толстовской эпопеи.

Юрий Власов был вторым в нашей стране, кто шагнул за рубеж 500 килограммов, куда указал путь атлетам всего мира американский феномен Пауль Андерсен. Мне не привелось увидеть на помосте этого легендарного тяжеловеса — он приезжал на розыгрыш Кубка Москвы за год до моего выступления в этом состязании. Но товарищи много рассказывали мне о «дикси-деррике» — живом «кране с Юга», как называли его соотечественники, о богатырской силе и не менее удивительном аппетите этого парня из Теннесси. На любительском помосте Андерсен довел свою сумму троеборья до 533,5 килограмма (в то время Алексей Медведев поднял на первенстве мира в Тегеране 507,5 кг). Этого выдающегося для того времени результата Пауль достигал главным образом благодаря блестящему жиму. Темповые движения шли у него много хуже. Огромная толщина Андерсена (он весил при среднем росте более 160 кг) мешала ему не только вырывать и выталкивать штангу, но и просто ходить.

Руководители американской тяжелой атлетики очень гордились Андерсеном. Меценат и менеджер сборной команды штангистов США Боб Гофман самоуверенно заявлял представителям прессы:

— На этом парне, пожалуй, и закончится тяжелая атлетика. Даже я вряд ли смогу найти ему достойного соперника...

Но недаром говорят: нет пророка в своем отечестве. А в мировом спорте тем более.

Андерсен недолго защищал спортивную честь Соединенных Штатов на мировых помостах. «Дикси-деррик» решил как можно скорее воспользоваться своей феноменальной силой и огромной популярностью, чтобы «делать деньги». Он начал выступать в варьете, где на потеху публике поднимал с полдюжины полураздетых танцовщиц. Иногда его силовые номера приобретали еще более сенсационный, типично американский характер. На сцену варьете ставили два соединенных стальным стержнем сейфа, полных металлических долларов. Конферансье открывал их, демонстрировал публике деньги и объявлял, что сейчас Андерсен выжмет сейфы и если кто-нибудь сможет повторить это — получит их содержимое.

— Деньги там оставались целехоньки, как в Форте Нокс (крепость, где хранится золотой запас США. — Л. Ж.), — говорил мне впоследствии преемник Андерсена симпатичный негр Джимми Бретфорд, выступавший на розыгрыше Кубка Москвы 1959 года.

Погоня за деньгами, в конце концов, привела Пауля Андерсена в ряды кетчистов. В

уродливых схватках этой борьбы, полное название которой в переводе с английского означает, как известно, «хватай, как можешь», и закатилась звезда «малютки из Теннесси».

Я начал выходить на большой помост в то время, когда советские спортсмены начали все смелее штурмовать американские позиции в тяжелом весе. И никто из любителей «железной игры» никогда не забудет, что первым из наших соотечественников превзошел достижения заокеанских «суперменов» именно Юрий Власов — военный инженер по специальности, спортсмен и литератор по призванию. Это имя останется в истории тяжелой атлетики на все времена...

Ну вот уже и ломится вся Москва в не очень-то вместительный зал спортивного общества «Крылья Советов», где лучшие атлеты мира оспаривают Кубок нашей столицы. Кого только нет здесь! Я смотрю во все глаза и едва сдерживаю восхищение, когда меня знакомят с прославленными корифеями мировой тяжелой атлетики. Вот жмет мне руку Томми Коно. Сам Томми Коно — «железный гаваец», «гавайский демон», «загадка века» — каких только прозвищ не давали многократному мировому и олимпийскому чемпиону, который сейчас вежливо и впрямь немного загадочно улыбается, здороваясь со мной! Удивляет прекрасно развитая, похожая на античную статую фигура Коно. Недаром же он отдал так много времени занятиям культуризмом и не раз побеждал на конкурсах красоты и силы.

Кстати сказать, на московских соревнованиях Коно потерпел поражение, едва ли не первое за всю свою карьеру и, пожалуй, самое досадное, потому что в одном из движений получил нулевую оценку. Итак, очевидно, и «демоны» не застрахованы от «баранок»!

Знакомлюсь с американцами Норбертом Шеманским и Исааком Бергером, с итальянцем Маннирони, англичанином-негром Луисом Мартином, польскими рекордсменами мира Марианом Зелинским и Иренеушем Палинским, с болгаринном Иваном Веселиновым. Этот сильный и общительный человек вскоре становится моим добрым другом. Именно Иван Веселинов одним из первых поздравил меня, когда я через восемь лет в его родной Софии установил новый мировой рекорд — 590 килограммов в сумме троеборья.

Но это еще где-то далеко за горами. А пока что я рад-радешенек, что смог показать в Москве лучшую свою сумму — 455 килограммов, хотя это и не принесло мне на этих соревнованиях особенной славы. Выиграл Кубок Юрий Власов с результатом 505 килограммов. Второе место занял Алексей Медведев.

Разрушил в этот день Алексей Сидорович одну мою мечту. В последнее время мои результаты довольно быстро прогрессировали и выросли уже настолько, что я начал серьезно подумывать о больших рекордах. Особенно близким казался мне медведевский рекорд СССР в рывке, составлявший 147,5 килограмма. Я на тренировках уже брал этот

вес, на соревнованиях не раз показывал 145 и решил в Москве сделать не меньше 148. Ведь рывок оставался моим коронным движением, и результаты в нем были особенно стабильны.

Что задумал, то и сделал. Но Алексей Сидорович неожиданно снова «убежал» от меня. Да еще как! Он поднял в рывке 150,5 килограмма, превысив мировой рекорд ветерана американской тяжелой атлетики Норберта Шеманского. Еще одно высшее достижение было отвоевано для нашей Родины.

Эти состязания остались памятными для меня благодаря еще одному приятному знакомству. Перед выходом на помост, осматривая из-за кулис зал соревнований, я увидел за столом главной судейской коллегии человека в генеральской форме и со звездой Героя Советского Союза на кителе.

— Кто это такой?

— Генерал-полковник авиации Громов, — сказали мне товарищи. — Председатель нашей всесоюзной федерации.

Громов... Легендой было овеяно это имя для молодежи довоенного времени. За год до того, как я родился, он вместе с двумя другими летчиками — Юмашевым и Данилиным — совершил героический беспосадочный перелет по маршруту Москва — Соединенные Штаты Америки. Донеслась и до наших дней эта громкая слава...

После соревнования меня позвали к Громову.

— Рад познакомиться, — приветливо молвил Михаил Михайлович, кладя мне руки на плечи. — Выглядите неплохо, мой друг. И работаете на помосте по-настоящему. Если и в дальнейшем не будете жалеть силы, сможете многого добиться. Вы уж мне поверьте — у меня глаз наметанный!

Еще бы! Ведь я знаю, что Михаил Михайлович Громов еще в 1923 году был первым чемпионом Советского Союза по тяжелой атлетике. Об этом рассказывал нам, молодым штангистам, учитель и первый тренер Громова, один из старейших советских тяжелоатлетов Константин Валентинович Павленко, недавно умерший в городе Каменец-Подольске в 75-летнем возрасте.

С того времени, встречаясь со мной на различных соревнованиях, Михаил Михайлович непременно завязывает дружеский разговор. А при встрече после моего возвращения с Токийской олимпиады Громов крепко пожал мне руку и добавил только:

— А что я вам тогда говорил!..

...И снова Киев, знакомые улицы и площади, цветущие склоны Зеленого театра над днепровской синей ширью. Как легко дышится здесь! А над эстрадой, надуваясь парусом от дыхания свежего речного ветра, пламенеет транспарант: «Привет участникам Второй Спартакиады Украины!»

Вновь защищает тут спортивную честь Харьковщины наша дружная команда. И снова в тяжелом весе я борюсь с прошлогодними и позапрошлогодними соперниками — Цезарем Весловуцким и Николаем Пузышиным. После жима и рывка опережаю киевлянина и имею одинаковую сумму с одесситом. Теперь все решит толчок. «Кто силен в толчке, тот и вообще силен» — говорит тяжелоатлетическая мудрость. Долгое время толчок у меня хромал и даже серьезно подводил, как это было, в частности, во Львове. Однако перед Спартакиадой Михаил Петрович и я отвели этому движению особенно много времени, и дело заметно улучшилось.

Второй подход. На штанге 167,5 килограмма. Весловуцкий не берет этот вес. Мы с Пузышиным фиксируем его, но после выполнения упражнения я неосторожно выпускаю штангу из рук, и она с оглушительным грохотом падает на помост. Судья делает мне предупреждение за бросание снаряда.

Итак, перед третьим подходом я и Николай имеем одинаковый результат, но у Пузышина есть преимущество — он легче меня. Весловуцкий отстает на 5 килограммов и практически уже выбыл из числа претендентов на чемпионское звание.

На штанге 170 килограммов. Пузынин не берет вес. А мне надо взять, непременно надо, иначе я проиграю! Штанга на груди. Вот я, поднимаясь, уже выталкиваю ее на прямые руки. Команда судьи-фиксатора: опустить! А я, я не опускаю, а, полон радости, бросаю штангу с высоты своего роста. И со страхом вижу, как, поднимаясь с места, сердито качает головой главный судья соревнований Яков Самойлович Шепелянский, как советуется он с другими судьями и объявляет решение — не решение — приговор:

— За повторное бросание штанги вес участнику не засчитывается.

Вот и все! Можешь жаловаться, кричать, апеллировать хоть к самому господину-богу! Не поможет! Ты сам виноват, твоя несдержанность... Поделом же тебе, дурень, учись в дальнейшем владеть собою!..

Вот так вместе со штангой выскользнула из моих рук победа. Чемпионом Спартакиады объявляют Николая Пузынина, а я с такой же суммой, 455 килограммов, занимаю второе место. Досадно, ужасно досадно! Но ведь недаром говорят, что за битого двух небитых дают. Наперед буду умнее и осторожнее.

И тут же радость. Узнаю, что, несмотря на мой проигрыш, именно меня утверждают участником сборной команды республики для выступления на финальных соревнованиях II Спартакиады народов СССР в Москве. Значит, надеются на меня, доверяют...

У замечательного украинского поэта Максима Рыльского есть такие строки:

Кто сеет хлеб, кирпич кладет,

Кто славен песней громкой —

Желанным предком будет тот

Для своего потомка!

Велико и драгоценно оно, чувство твоего причастия к трудам твоего народа, полезности ему, ответственности перед ним. В том-то и состоит наибольшее счастье советских спортсменов, что всегда живет в них это чувство, что любовь народа окрыляет их на добрые дела. И по мере того, как растет мастерство спортсмена, расширяются границы того коллектива, перед которым он должен держать ответ за свои выступления. Сегодня это — завод, колхоз, институт, завтра — область, республика, вся Родина!

Нам доверяет теперь свой спортивный стяг Украина. В последние недели перед Спартакиадой тренируемся в Одессе. Работаем по оптимальному режиму — четыре раза в неделю. Чаше — нецелесообразно: истраченная энергия не успевает восстанавливаться. По субботам занимаемся общей физической подготовкой— плаваем, играем в баскетбол, бегаем, прыгаем. У японцев это называется отвлекающей тренировкой.

Осматриваем чарующую Одессу, посещаем оперный театр — одно из лучших театральных зданий в мире. Здесь как-то особенно, всеми нервами ощущаешь красоту пения. Быть может, именно с этого времени берет начало еще одна моя страсть — собирание голосов лучших певцов мира. Теперь я уже имею порядочную коллекцию грампластинок и магнитофонных записей. Тут и арии, и старинные романсы, и современные песни; и певцы разных эпох — от Шаляпина и Карузо до Георга Отса и Муслима Магомаева. Люблю и сам попеть, хоть на людях решаюсь на это редко.

Мой дебют на большом всесоюзном помосте нельзя было считать особенно удачным. Пятое место, занятое мною на Спартакиаде, давало команде лишь два очка. Но уступил я первенство действительно сильнейшим в стране. Впереди меня были Юрий Власов, Алексей Медведев, Сергей Ромасенко и Евгений Новиков — опытные бойцы, большие мастера «железной игры». В такой компании не стыдно быть и пятым...

Отшумела Спартакиада. И я уже спешил в Харьков. Надо было готовиться к началу занятий в институте и сдавать «хвосты», которые поневоле «выросли» у меня в течение этого памятного и крайне напряженного года.

Странички из дневника

Но подлинное напряжение было еще впереди. Я перелистываю странички старого дневника и сам невольно удивляюсь: и откуда только бралось оно, это неудержимое стремление повсюду успеть, везде выступить? Много раз начинал я и бросал вести дневник. Часто пытался поверить тетради все, что заинтересовывало, волновало, радовало. В последние годы записываю лишь то, что непосредственно касается тренировочного режима, и дневник напоминает какую-то бухгалтерскую книгу, где «сальдо» не всегда в мою пользу. Во время поездок за границу или вообще в незнакомые места дневник немного оживляется, но все-таки далеко ему до тех, юношеских, где рядом с цифрами поднятых килограммов мирно сосуществуют и описания природы, и строчки из Есенина, и собственные лирические излияния.

Быть может, отдельные странички из дневника 1960 года будут уместны и в этой книжке. Сначала несколько сухих протокольных записей, которые, собственно говоря, и дали мне повод удивленно воскликнуть: «И откуда столько сил бралось?!»

«9 февраля. Матчевая встреча Киев—Харьков— Львов. $145 + 130 + 165 = 440$.

21 февраля. Молодежное первенство СССР. Таллин. $140+130+160=430$.

7 марта. Кубок Москвы. $140+140+175 = 455$.

24 марта. Отборочные соревнования к первенству СССР. Минск. $147,5 + 145+167,5 = 460$ ».

Вправду, только смолоду можно так щедро (и прибавлю — не слишком рассудительно) расходовать мускульную и нервную энергию, выступая почти каждые две недели в довольно-таки ответственных соревнованиях. Конечно, каждое из них было хорошей школой, обогащало опытом, закаляло. Но каждое требовало и усиленной подготовки по оптимальному графику, что, в конце концов, ложилось большим грузом на организм. Так что повторять этот изнуряющий ритм я бы не советовал никому, даже молодым и очень сильным атлетам. Впрочем, от такой загрузки спортсменов постепенно отказывается уже и наше спортивное руководство. «До занадто (чересчур), то не здорово» — вполне резонно говорят наши друзья-поляки.

Ну, здорово или не здорово, а я все-таки рвался на помост и отчаянно старался превзойти свои 460 килограммов. А эта сумма снова, как заколдованная, держалась на штанге и не давала мне двинуться вперед ни на шаг. И это в то время, как все дальше уходило от меня и Власов, и Медведев, и зарубежные соперники!

Снова «психологический барьер», снова грустные раздумья. И настроения мои отражает верный друг-дневник:

«Май. Так вот он какой, Ленинград! Как хорошо, что именно тут состоится лично-командное первенство страны. Сегодня впервые увидел Зимний дворец, «Аврору»,

«Медного всадника». Впервые, а, кажется» все знакомо, столько читал об этом у Пушкина, Достоевского, Шевченко, в книгах советских писателей!.. А белые ночи, когда «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»! До рассвета любовался бы ею, если бы завтра не выступать...

...У меня сегодня большая неудача. Седьмое место... И снова те же 460. Да доколе ж оно будет? Ведь кажется, уже все правильно делаю, и тренируюсь сознательно, и уже ведь в анатомии и физиологии — спасибо институту — кое-что понимаю. И вот тебе на! Досадно, чертовски досадно! Подумать только, что уже и Миша Курбатов, с которым мы когда-то на велосипеде вместе гоняли, призер первенства страны, а я все еще в аутсайдерах!.. Лучше было б и вовсе не ехать, чем так срамиться!..»

Что и говорить, смолоду все воспринимаешь с повышенной эмоциональностью — и успехи, и неудачи. Иногда, поддавшись настроению, не понимаешь, что и поражение многому учит, что уже сама возможность тренироваться и выступать рядом с большими мастерами указывает тебе путь к будущим победам.

А с этой точки зрения ленинградский чемпионат был для меня превосходной школой, сдружил со многими первоклассными тяжелоатлетами. Я снова внимательно присматриваюсь к тому, как тренируется и ведет себя на соревновательном помосте Рудольф Плюкфельдер, «железный Рудик», как называют его друзья. В самом деле, этот сибирский шахтер — человек железной воли, с горячим сердцем и трезвым умом. Аккуратный до педантизма, Рудольф живет и тренируется по строгому режиму. По нему можно проверять часы, и штангисты шутят, что Плюкфельдеру лучше всего было бы работать в палате мер и весов, — с такой точностью дозирует он свои тренировочные нагрузки и поднимает на помосте запланированные килограммы.

Такой же точности и дисциплинированности учит Рудольф Плюкфельдер своих воспитанников, в том числе и знаменитейшего из них, мирового чемпиона и рекордсмена Алексея Вахонина. Впоследствии я видел, с какой отцовской заботливостью и внимательностью опекал Рудольф Алексея на соревнованиях, где они выступали вместе, а однажды услышал такой разговор:

— Не спал сегодня всю ночь, — сказал Рудольф поутру товарищам, здороваясь с ними.

— Неужели волновался? Что-то на тебя не похоже.

— Конечно, волновался, — отвечал Плюкфельдер. — За Алексея...

Рудольфу Плюкфельдеру обязан своими успехами коллектив тяжелоатлетов его шахты. Именно этому коллективу в 1963 году, на III Спартакиаде народов СССР, уступили первенство штангисты «Запорожстроя», где в то время работал и я.

В Ленинграде зародилась и та многолетняя дружба, которая связывает меня с хабаровским

тяжелоатлетом Владимиром Каплуновым. В прошлом году он побывал в Киеве на чемпионате Вооруженных Сил, и я имел удовольствие принимать Володю у себя дома. Он вошел в комнату легкой поступью, с той юношеской, несмотря на свои 35 лет, улыбкой, какая еще в шестидесятом озарила его приятное лицо, когда он впервые оглядел меня с головы до ног и весело протянул:

— Ниче-го-о себе малютка вымахала! Рад познакомиться!

И я сразу почувствовал себя так, словно мы сто лет знакомы.

Владимир Каплунов вступил в «железную игру» довольно поздно, лет в двадцать пять. Кое-кто считал его бесперспективным: мол, в таком возрасте, пока в люди выйдешь, так уж и сходить пора... Но Каплунов с такой серьезностью и настойчивостью работал над собой, что очень скоро заставил скептиков изменить свои взгляды. Он не только сам добился всего, о чем только может мечтать штангист, но и воспитал в родном своем Хабаровске целую плеяду блестящих мастеров. Достаточно вспомнить хотя бы чемпиона мира Виктора Куренцова и чемпиона XVIII Олимпийских игр Владимира Голованова, чтобы понять, как много сделал для нашего тяжелоатлетического спорта этот искренний и общительный человек.

Среди ленинградских знакомств хочется вспомнить еще и первую близкую встречу с Евгением Минаевым. В тренировочном зале я услышал восклицание:

— Поглядите-ка, что делает светлячок!

Я обернулся и увидел, как на краю помоста отлично выполняет стойку какой-то белокурый атлет. Это и был Евгений Минаев, в то время сильнейший полулегковес страны. За русые волосы друзья прозвали его «светлячком». Минаев прошел большой спортивный путь, увлекался многими видами спорта. Памятью о его гимнастическом прошлом осталась стойка, которую Евгений выполняет действительно виртуозно. К сожалению, тяжелоатлетическая фортуна не всегда была благосклонна к этому талантливому спортсмену. Наряду с совершенно блестящими успехами на многих соревнованиях крупнейшего масштаба у Минаева было и немало серьезных неудач.

Евгений начал свой путь на Украине, в Житомире. Вскоре началось его восхождение по ступеням спортивной славы, вплоть до олимпийских и мировых вершин. Он и доньше не складывает оружия, являя собой завидный пример спортивного долголетия.

В Ленинграде сблизился я и с Аркадием Воробьевым, чьими подвигами на помосте восхищался уже давно. Как и Каплунов, он пришел в тяжелую атлетику в зрелом возрасте, имея за плечами службу военного моряка-водолаза. Наверняка эта тяжелейшая из морских профессий и дала Аркадию Никитичу ту прекрасную закалку, которая помогла ему впоследствии стать подлинным властелином помоста. Вспоминаю, с каким восторгом узнал я о действительно замечательном мировом рекорде Воробьева в полутяжелой

весовой категории — 472,5 килограмма в сумме троеборья. Для того времени это был фантастический результат.

Этот человек умел идти к цели. В течение многих лет Аркадий Воробьев завоевывал для нашей страны рекорд за рекордом, одерживал победы на крупнейших международных соревнованиях и одновременно с удивительными настойчивостью и трудолюбием овладевал профессией врача, спортивного врача, о которой мечтал с юности. И вот диплом в руках. Аркадий Никитич сразу же поступает в ординатуру. Еще несколько лет — и он успешно защищает диссертацию. С того времени кандидат медицинских наук, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Аркадий Никитич Воробьев бесценно возглавляет сборную команду тяжелоатлетов Советского Союза.

Я вспомнил лишь нескольких из той когорты, к которой имел счастье приобщиться уже тогда, в Ленинграде. Так разве по зрелому размышлению могу я считать неудачей свое пребывание на том чемпионате?

Однако возвратимся к дневнику. Есть в нем несколько особенно дорогих мне страничек.

«Август. Приехали на Спартакиаду профсоюзов Украины в Запорожье. Чудесный город! Вернее, их два — старый и новый, и оба по-своему прекрасны. Старый — уютными, поросшими травой улочками с опрятными домиками под сенью густых деревьев. Новый — широкими проспектами, высокими светлыми строениями, Днепрогэсом. Ну, а главное, конечно, сам Днепр!

На днепровском берегу происходят и выступления штангистов по программе Спартакиады. Место это называется Дубовой рощей. Правда, роща не слишком густая. Солнце палит всюду. Пришлось устраивать над эстрадой специальный навес. Иначе выступать невозможно. А народу собралось — тьма-тьмуша. Спорт в Запорожье очень любят. Особенно борьбу и тяжелую атлетику.

Вчера вечером познакомился с девушкой. Пошел на концерт в Зал имени Глинки. Наши места оказались рядом. Зовут Раей. Очень любит музыку, и на этой почве мы быстро нашли общий язык. Она заканчивает педагогический техникум. Провожал домой. Условились встретиться сегодня после соревнований, но не знаю, чем они закончатся для меня.

Ура! Все великолепно! Не только выиграл, но и рекорд Украины улучшил. Жим шел, как никогда.

150,5 кг. Наконец и я смог чем-то олимпийский год отметить. Рая меня поздравила. Гуляли с ней по Дубовой роще. Хорошая девушка...»

...Снова хожу на тренировки, читая каждый раз на воротах стадиона ХТЗ яркий плакат: «Олимпиада не только для олимпийцев!» Правильно, но для меня не слишком утешительно. В эти последние дни лета все мои мысли там, в «вечном городе», где так

славно состязаются друзья. Понимаю, что никакими своими качествами еще не заслужил права быть среди них, но завидую сильно.

А из Рима приходят вести одна другой лучше. Лариса Латынина... Тамара Пресс... Роберт Шавлакадзе... Виктор Цыбуленко... А на помосте творят чудеса Евгений Минаев, Виктор Бушуев, Александр Курынов, Аркадий Воробьев...

И вот они, последние известия последнего дня XVII Олимпиады! Приникаю к приемнику и жадно слушаю, как долетает из далекого Рима невероятная, ни с чем не сравнимая орация в честь первого богатыря планеты, нашего славного Юрия Власова. И сам, не сдержавшись, срываюсь с места, размахиваю руками, кричу как оглашенный:

— 537,5! Это ж подумать только! Такой рекорд! Андерсена за пояс заткнул!

И отец тут же, лихо подкручивает усы:

— Вот это парень! Знай наших! Учись, Ленка. Он смог, а ты почему не можешь?..

В ту же ночь записал в дневник:

«Слава Власову! Слава советскому спорту! То, что наши сделали в Риме, навсегда останется памятно людям. Неужто ж я никогда не добьюсь таких результатов, чтоб и меня на олимпиаду послали?..»

А тем временем беседа, начатая в Дубовой роще, теперь продолжалась в письмах, которые едва ли не каждый день летели из Харькова в Запорожье и обратным маршрутом. Через несколько недель я, не выдержав, снова посетил Запорожье. Познакомился с Раинными родителями. А в конце года все было решено. Я объяснил заводским друзьям ситуацию, получил отцовское и материнское «добро», распрощался с Харьковом и сделался, как меня со временем начали титуловать журналисты, «запорожским казаком». Рая Прокофьева стала моей женой.

Есть пятьсот!

Вероятно, в любом другом месте тоска по родному Харькову была бы нестерпимой, но Запорожье так пришлось по сердцу, так тепло и приветливо приняли меня здесь, что я очень скоро почувствовал себя своим человеком в городе металлургов и энергетиков.

Вечерами подолгу блуждаем с Раей по улицам, любимся сполохами мартенов над «Запорожсталью», ожерельем огней над плотиной Днепрогэса — всей гаммой красок большого индустриального города. А весной влекут Дубовая роща и Хортица — славное гнездо запорожской вольницы, воспетой Гоголем и Шевченко. Не оскудело и нынешнее Запорожье сильными и мужественными людьми! Немало таких дало оно и спорту. Вот идет улицей невысокий коренастый человек, с круглым лицом и сидящей головой. То и дело приветствуют его встречные:

— Добрый день, Яков Григорьевич!

Ведь все знают здесь Якова Пункина — чемпиона XV Олимпийских игр 1952 года в Хельсинки по классической борьбе. Еще до войны начал Пункин заниматься борьбой, а едва зажили солдатские раны, снова вышел на ковер, чтобы бороться и побеждать. Не менее популярен в Запорожье и представитель младшего поколения борцов — неоднократный чемпион мира Сергей Рыбалко. И оба чемпиона — из нашего общества «Авангард».

В этом обществе работаю теперь и я — инструктором физкультуры треста «Запорожстрой». «Сосватал» меня сюда Константин Сергеевич Ельцов — председатель областного совета профсоюзов, к которому я обратился по рекомендации моих новых друзей. Константин Сергеевич, старый партийный работник, хорошо знает цену спорту, положил много усилий для его развития в Запорожье, да и теперь немало делает для него — уже как директор завода «Днепроспецсталь».

— Значит, нашего запорожского спортивного полку прибыло? — сказал Ельцов, внимательно осматривая меня. — Ну что ж, наши девчата знают, за кого замуж выходить! А с образованием как? Заочник третьего курса факультета физвоспитания? Годится. — И потянулся к телефонной трубке. — Александр Денисович? Инструкторы физкультуры куда-нибудь требуются? Ну конечно хороший. Плохих не держим. Говоришь, на «Запорожстрой»? Отлично. Так вот, сейчас придет к тебе Леонид Жаботинский. Прошу любить и жаловать.

Так же приветливо принял меня и председатель областного совета спортивного Союза Александр Денисович Тимофеев, и уже на другой день я приступил к своей новой работе.

Впервые довелось мне обучать начинающих спортсменов, организовывать сдачу норм ГТО, набирать молодежь в секции. И в этой непривычной для меня работе с новичками

очень помогла мне Рая, в то время уже окончившая педагогический техникум.

Дружелюбно встретили меня и в тяжелоатлетической команде «Запорожстрой». И хотя сильно не хватало мне на первых порах моих тракторостроевских друзей, я сразу же сблизился с Михаилом Шитиковым, Артуром Макуртумяном, Иваном Плаксюком, Ананием Либманом, Владимиром Шевердиным и другими здешними штангистами. Кое с кем из этих сильных и приветливых ребят я встречался раньше на различных соревнованиях...

...Сошел лед на Днепре. И сразу, по-южному быстро и бурно, наступает весна на Запорожье. Набухли почки деревьев над могучей рекой, и вот уже зазеленели днепровские берега, залило щедрое солнце проспекты, площади и парки города. Мы выходим после тренировки из зала «Металлург» и видим: на улице происходит что-то необычайное. Замерли пешеходы, остановился бег машин, люди толпятся у репродуктора, а из него звучат удивительные слова:

— Космический корабль «Восток» пилотирует гражданин Советского Союза, летчик-космонавт Гагарин Юрий Алексеевич!..

Вот оно, сбылось! То, о чем мечтало человечество тысячи и тысячи лет и что в последнее время буквально уже носилось в воздухе! Человек в космосе! Наш, советский человек! Подумать только!..

И едва смолкает торжественный голос Левитана, как целая буря поднимается на улице. Перекатывается из края в край могучее «ура», незнакомые люди обнимаются, обмениваются рукопожатиями. И мы тоже обнимаемся, изо всех сил хлопаем друг друга по еще влажным от недавнего душа плечам:

— Вот это да! Вот это рекорд, ребята! Кто ж он такой, этот Юрий Гагарин? Откуда он? Спортсмен, наверно? А как же, там все спортсмены!..

Да, там были все спортсмены. Уже через день-два вся страна, весь мир узнали о том, как готовился к своему эпохальному подвигу первый летчик-космонавт, какая сложная система разносторонних тренировок предшествовала его дерзновенному взлету в околоземное пространство. И мы, спортсмены, снова ощутили гордость, что Юрий Гагарин — из наших, что ему, как и лучшим из нас, присвоили звание заслуженного мастера спорта.

И пусть в разных масштабах действуют космические и земные спортсмены, — разве не роднит их одна и та же борьба против главного закона природы — закона всемирного тяготения! Разве не стремятся, каждый по-своему, разорвать путы гравитации — пилот космического корабля, штангист, метатель, прыгун в высоту!..

Быть может, было оно немного и по-детски, но о Юрии Гагарине прежде всего подумал я и тогда, когда в том же 1961 году меня призвали в ряды Советской Армии. Вспоминаю, с

какой гордостью и радостью впервые надел я военную форму. А штангистское трико с красной звездочкой на груди совершенно такое же, как то, в котором выходит на помост другой Юрий — мой кумир и образец Юрий Власов!..

Служить довелось дома, в Запорожье. С того времени и связана моя спортивная судьба и вся моя жизнь с Вооруженными Силами. И подобно миллионам советских людей, я на всю жизнь сохраню самую глубочайшую благодарность нашей славной Армии — лучшей в мире школе мужества и закалки, давшей нашему спорту столько доблестных, умелых и храбрых бойцов!

Большим счастьем было для меня приобщение к могучей плеяде армейских тяжелоатлетов. Вот я уже и тренируюсь рядом с ними — рядом с Юрием Власовым, Владимиром Стоговым, Евгением Минаевым, Сергеем Лопатиным, Виктором Ляхом и другими сильнейшими штангистами страны. Опекает нас подполковник Александр Иванович Божко — вдумчивый и требовательный воспитатель, бывший неоднократный чемпион Советского Союза.

Тренируемся много и настойчиво. Значительно выросли мои тренировочные нагрузки. Тяжеловато, но тянусь изо всех сил. В такой компании стыдно отставать, и страшно не хочется плохо выступить на предстоящем межведомственном первенстве страны. Переворачиваю за тренировку по семь-восемь тонн металла. Ведь Власов переворачивает еще больше...

Хорошей репетицией перед чемпионатом стала для меня товарищеская встреча украинских тяжелоатлетов с польскими, состоявшаяся в Киеве. Что и говорить, быстро пошла вперед «железная игра» у наших друзей! Восхищенно наблюдал я филигранную работу на помосте Мариана Зелинского, Иренеуша Палинского и других корифеев. Откровенно говоря, наши земляки на сей раз выступили без особого блеска. И стоило сорваться одному из нас, как поражение стало неминуемым. Это неудача, так сказать, местного значения, стала ранней предвестницей того большого поражения, которое нанесли нам польские штангисты через четыре года — на чемпионате Европы и мира в Софии и Тегеране. Жаль, что киевский «конфуз» своевременно не привлек внимания товарищей, ответственных за тяжелоатлетический спорт, — наверное, можно было предотвратить будущие неприятности.

Вообще-то от случайных поражений, конечно, никто не гарантирован. Но главный враг в спорте — самоуверенность, самоуспокоенность. И не только у отдельных спортсменов, но и у целых спортивных держав. Недооценивать здесь нельзя никого. В начале книги я уже писал о «миграции» тяжелой атлетики по городам Украины. Нечто подобное происходит и в мировом масштабе. Какое теперь место занимает на тяжелоатлетической карте мира, скажем, Египет? Почти незаметное. А в 30-е годы это была подлинно классическая страна

«железной игры». Имена Кадра эль Туни, Чамса, Носеира и других чародеев штанги повергали в священный трепет любителей тяжелой атлетики во всем мире. Их рекорды казались несокрушимыми, как египетские пирамиды. Но вот явились в те же 30-е годы Николай Шатов, Георгий Попов, немного позднее Григорий Новак — и облетели лавры с триумфальных венков могучих потомков фараонов.

Такою же недолговечною оказалась «тяжелоатлетическая империя» Соединенных Штатов Америки. И имена Джона Дэвиса, Пауля Андерсена, Джима Бретфорда сменились в таблицах мировых рекордов именами Алексея Медведева, Юрия Власова и других.

Нечего греха таить, определенной неожиданностью явился для нас и выход Польши в ряды первых тяжелоатлетических держав мира. Когда-то, еще в дореволюционные годы, гремели на всю планету имена могучих поляков Пытлясинского, Збышко-Цыганевича и других, но затем долгие десятилетия почти ничем не заявляла о себе Польша в мировой «железной игре». А мы, увлекаясь своими многолетними успехами на всех крупнейших международных соревнованиях, как-то просмотрели, что появились у нас в некоторых весовых категориях уязвимые места. А «свято место пусто не бывает». Вот и заняли их высокоодаренные Мариан Зелинский, Вольдемар Башановский, Иренеуш Палинский, Норберт Озимек. И пришлось нам только вздыхать и повторять следом за героиней гоголевского «Ревизора»: «Ах, какой реприманд неожиданный!»

А впрочем, спорт есть спорт, но выводы, конечно, делать надо...

Однако я несколько забежал вперед. Лично для меня киевская встреча была удачной. Я впервые набрал тогда в сумме троеборья 485 килограммов, и заветный полутонный вес был уже где-то совсем близко — вот-вот рукой дотянешься!

Вижу, как все внимательнее посматривает на тренировки в мою сторону Юрий Власов. Мне не придется соперничать с ним на будущем первенстве — мы в одной команде. Да и, откровенно говоря, куда еще мне до него! Я буду выступать в личном зачете, мои килограммы, как бы весомы они ни были, не дадут армейской команде очков. Но для меня они будут значить очень много. И это понимают мои новые товарищи. Евгений Минаев добродушно говорит, массируя мне спину (дает еще себя чувствовать некогда травмированная поясница):

— Ничего, будет порядок в танковых войсках! Ты ведь, Леня, будешь выступать почти дома. А дома, сам знаешь...

Да, Днепропетровск, где будет происходить первенство страны, это и в самом деле почти дома. Всего 90 километров от Запорожья. Жители этих двух городов всегда ездят друг к другу на интересные футбольные матчи. Конечно, и на чемпионат приедут многие. Ребята с «Запорожстроя» все непременно придут. И Рая тоже...

Кажется, я неплохо подготовился на этот раз. Главное — не волноваться, если не пойдет

как следует жим, не терять «кураж», как говорят французы. Рая недавно прочитала в одной книжке высказывание Платона. Очень правильные слова:

«Атлет — это тот, кто сочетает в себе силу, здоровье и выносливость со стойкой волей, разумом и сердцем».

Первые три компонента у меня, кажется, имеются. А вот как с тремя другими?.. Увидим, увидим...

...Идет последний день соревнований. Осталось одиннадцать тяжелейших участников. Все другие уже сделали свое и стали болельщиками.

В зале не то что яблоку упасть — иголку воткнуть некуда. Стоят в проходах, сидят на подоконниках, только что на люстре не висят. Вижу много знакомых лиц — приехали-таки хлопцы-запорожцы! Нет, конечно, не только и не столько для того, чтобы поболеть за меня, а, прежде всего, чтобы увидеть Власова.

Юрий, как всегда, собран и сосредоточен. Само собой разумеется, что судьба первого места его сегодня нисколько не волнует. На его чемпионскую корону тут никто не покушается — равных ему не то что на этом чемпионате — во всем мире сейчас нет. Но все понимают — Власов настраивается на результат. Юрий стремится себя преодолеть, превысить те римские 537,5 килограмма, которые поднимаются, словно Эверест, над всеми мировыми тяжелоатлетическими вершинами. На какую же сумму замахивается теперь этот высоколобый, с мягкой улыбкой человек в очках?

...Власов выходит на помост, когда на штанге стоит уже 170 килограммов. Девять штангистов второго тяжелого веса уже закончили жим, а у меня, десятого, остался лишь последний подход. Первая попытка у Юрия неудачна. Ну, Леня, теперь твоя очередь!

Есть! — и я с радостью вижу, как салютуют мне белым светом все судейские столики: в добрый час! Столько я еще никогда не выжимал. И не только я — никто на Украине! Если и дальше пойдет не хуже... Нет, не буду наперед загадывать, чтобы не сглазить!..

Со второй попытки Власов четко фиксирует вес, а потом так же отлично справляется и со 180 килограммами. Рывок. Я начинаю со 145. Власов удивительно легко берет этот вес, а потом и 150. Надо тянуться! Вот и мне уже покоряется такой же вес. Еще один рекорд Украины! Ребята поздравляют меня, но я только отмахиваюсь: что-то дальше будет?

Юрий кивает головой, и ассистенты добавляют еще 10 килограммов. О, это уже выше мирового рекорда Норберта Шеманского!

Безупречно четкое движение — слово судьи на помосте «опустить» сливается с овацией зала. Ах, как он это сделал! Пробую и я, но тщетно! Ну, ладно, нечего жадничать. Еще ведь толчок впереди!

А Власов вновь является на помосте, и теперь уже 162,5 килограмма металла ожидают его дополнительного подхода.

Великолепно! А когда штангу взвешивают, то она оказывается еще на 0,5 килограмма тяжелее. Итак, мировой рекорд теперь весит 163 килограмма. Ох, и нелегко придется тем, кто попробует отвоевать его у нашего богатыря!..

Ну, а теперь венец троеборья. Увенчает ли он меня тем результатом, о котором я сейчас и думать боюсь? Беру 175. Это тот самый вес, с которым еще десяток лет назад ушел с помоста Яков Куценко. Неужели мне не удастся сегодня превзойти его? Неужели не дотяну, когда до давней мечты остается лишь один шаг?

На штанге 180 килограммов.

— Ну, давай, ни пуха ни пера! — говорит сурово и дружелюбно Божко,

Если бы я умел креститься, наверно, перекрестился бы. Но не помню, как это делается. Просто отчаянно взмахиваю рукой и выхожу на сцену, словно бросаюсь в холодную воду. Дольше, чем обычно, натираю подошвы и ладони магниезией, лишь бы как-нибудь оттянуть время и унять противную дрожь в коленях. Наконец подхожу к штанге, кладу руки на гриф — и вот снаряд уже на груди... Теперь только б подняться и удержать!.. Ну, еще одно усилие!..

«Взял! Взял! — кричит и торжествует все мое существо. — Есть 500 килограммов!» «Клуб пятисотников» пополнился еще одним атлетом. И этот атлет — я! Вижу, как, поднявшись с места, аплодируют мне запорожцы, и различаю среди них тоненькую фигурку Раи. Родная моя, ты знаешь, что это значит для меня: 500 килограммов!..

— Молодец! — жмет мне руку за кулисами Юрий Власов и спешит на сцену. Для своего первого подхода он заказал 190 килограммов. И как чудесно взял!

И вот уже на штангу ставят 200 килограммов. Если Юрий возьмет их, будет новый рекорд в троеборье — 540!

Есть! Кажется, своды зала не выдержат бури, поднявшейся в нем. Мы обнимаем Юрия, а он, едва успевая пожимать отовсюду тянущиеся к нему руки, говорит только:

— Погодите еще минутку, ребята!

Что ж он задумал? Неужели 550?..

Да, на штангу навешивается еще 10 килограммов!

Весь зал поднимается с мест, и в настороженной тишине слышно только прерывистое дыхание сотен людей.

— Если он это сделает, — шепчу я ленинградцу Юрию Вильковичу, стоящему подле меня, — честное слово, я на руках вынесу его со сцены

— Е-е-сть! — неистово кричим мы вместе со всем залом, и я в восторге выбегаю на сцену, хватаю героя на руки и, почти не ощущая веса его — 120 килограммов, легко несущего этого человека, который только что у нас на глазах доказал всему миру, что нет предела людской силе и воле...

Такое не забывается...

Друзья и враги

— Дружба! Дружба! Дружба!

На разных языках звучит это крылатое слово над расцветенным флагами и транспарантами Хельсинки. Его подхватывают молодые голоса в неисчислимых шеренгах, шагающих по широкой площади, и радостно улыбаются навстречу молодости жители финской столицы, шпалерами выстроившиеся на тротуарах.

Шумит, бурлит, отливает всеми цветами радуги фестиваль. Как все-таки хорошо, что мой первый выезд за границу состоялся по такому торжественному и праздничному поводу!

Вчера наш теплоход «Грузия» отшвартовался в хельсинкском порту.

Я бы на этой «Грузии», когда она отслужит свой срок, непременно спортивный музей устроил. Ведь это то самое судно, которое возило наших олимпийцев «завоевывать» Мельбурн. Каждый матрос тут лично знаком со многими олимпийскими чемпионами. Были у «Грузии» и другие «спортивные рейсы», да и своих хороших спортсменов в составе экипажа немало. В кают-компании судна масса всяческих спортивных трофеев.

Теперь «Грузии» довелось везти советскую делегацию на Всемирный фестиваль молодежи. В спортивной части делегации тяжелую атлетику представляют Михаил Хомченко, Сергей Лопатин, Петр Сибирияков и я. Наш шеф — Алексей Сидорович Медведев.

За время короткого переезда из Ленинграда в Хельсинки все пассажиры успели перезнакомиться. На палубе не стихают музыка и песни. Охотно читает свои стихи Евгений Евтушенко. Мы подружились с ним, и с того времени я не раз встречался с автором «Братской ГЭС», чьи произведения покорили меня своей искренностью, непосредственностью и гражданским пафосом.

Вот и Хельсинки! Ну кто это пустил по свету слухи, будто бы финны — холодные, сдержанные люди? Всюду — и в Хельсинки, и в Турку, и в Лахти — посланцев советской молодежи принимали с такой сердечностью и экспансивностью, что и одесситам впору.

18 тысяч юношей и девушек из почти 140 стран мира приняли участие в VIII фестивале молодежи и студентов. 120 советских спортсменов стартовали в международных спортивных играх. Вместе со всеми финнами и гостями восторженно воспринимали мы блестящие выступления Валерия Брумеля, которому было присуждено звание лучшего спортсмена фестиваля, Петра Болотникова, Ирины и Тамары Пресс, Игоря Тер-Ованесяна и других наших заслуженных мастеров. Два мировых рекорда подарил фестивалю наш Сережа Лопатин. А мне удалось повторить свой днепропетровский результат в троеборье. Значит, уже выработалась «привычка» к пятисотке. Что ж, неплохо!..

Финская рабочая спортивная организация «ТУЛ» взяла над нами шефство, знакомит со спортивными базами столицы, возит по заводам. Снова и снова наполняется гордостью

сердце, когда нас, посланцев Советской страны, приветствуют рабочие, когда расцветают в нашу честь красными флажками заводские цеха и значок с изображением Ленина принимается как самый дорогой подарок.

Мы идем в шеренге по широкой улице города. Мои руки лежат на плечах негра и француза. Мы скандируем вместе со всеми дорогие слова «мир», «дружба» и влетаем свои голоса в тысячеголосую песню фестиваля. Ей рукоплещет весь город.

Внезапно аплодисменты еще более усиливаются. Взоры тысяч людей прикованы к молодому военному, идущему в первой шеренге и приветствующему толпу взмахом руки с зажатой в ней авиационной фуражкой.

— Га-га-рин! Га-га-рин! — радостно скандируют люди.

Юрий Алексеевич приезжает к нам, на «Грузию», знакомится со спортсменами. Приятно, что в спортивном арсенале первого космонавта мира числится на вооружении и штанга.

— Если доведется полететь на какую-нибудь небольшую планету, непременно возьму ее с собой, — шутит Гагарин. — Там легче будет рекорды ставить.

Кто бы мог подумать, что всего лишь через шесть лет наш гордый сокол так трагично сложит свои крылья...

На наше судно идут все новые и новые посетители. Каждому из иностранных гостей хочется побывать на этом кусочке советской территории. Их гостеприимно принимают здесь, показывают все, что интересует. На пирсе подле «Грузии» звучат песни, кружатся разноплеменные хороводы.

Но вместе с друзьями пытаются проникнуть сюда и те, кто держит камень за пазухой.

— Леонид Жаботинский, Владимир Трусенев! Вас приглашает руководитель делегации, — объявляет дежурный.

— Вот что, товарищи, — говорят нам в штабе. — Финские друзья предупредили нас: прибывшие из Западной Германии фашистские молодчики готовят диверсию. Обращаться к властям не будем, попробуем обойтись своими силами. Думаем, что вы двое наиболее подходите для такой операции, — руководитель делегации обвел взглядом меня и Володю Трусенева — ленинградского дискобола моего роста и комплекции. — Будете дежурить на пирсе. Если увидите человека в пестром костюме, с портфелем или каким-нибудь свертком, не зевайте. Очевидно, он попробует подложить куда-нибудь мину замедленного действия. Вы должны помешать этому. Но, — руководитель усмехнулся, — в полную силу не действовать. Вы такие ребята, что хватит и полсилы...

И вот мы медленно прохаживаемся вдоль борта нашей «Грузии», тихо беседуя и провожая глазами бесконечный людской поток, льющийся мимо судна в обоих направлениях. Пока ничего подозрительного. Проходит полчаса, час...

— Он! — дергает меня за рукав Володя. И мы быстро прячемся за порталый кран.

Коренастый, среднего роста человек в пестром пиджаке и с объемистым портфелем останавливается перед судном. Он поднимает голову, словно рассматривая что-то на верхней палубе, затем приближается еще на несколько шагов и останавливается перед открытым иллюминатором. Воровато оглянувшись, неизвестный протягивает к иллюминатору портфель и...

В тот же миг мы вырастаем перед негодем. Через мгновение его руки сжаты мертвой хваткой. Диверсант пытается вырваться, что-то кричит, но мы, невзирая на совет действовать вполсилы, держим его так, что, верно, не на один день остались у него на запястьях синие браслеты.

Задержанного вместе с его опасным грузом — взрывательным механизмом мы передали полиции. А на другой день нам с Владимиром торжественно объявили благодарность за бдительность и решительные действия.

Доныне вспоминаю я это первое столкновение с силами старого мира. С тех пор много раз довелось мне бывать за рубежами Родины. С разными людьми встречался — и с доброжелателями, и с предубежденными, и с откровенными врагами. По-разному приходилось и разговор вести.

Вот в позапрошлом году мне случилось побывать на Всемирной выставке «ЭКСПО-67» в Монреале в составе делегации Советской Украины. Множество людей стремилось посетить советский павильон на выставке, поговорить с посланцами нашего великого народа. Но наряду с теми, кто искренне хотел познакомиться с достижениями Советской державы, шатались вокруг и «перемещенные лица», главным образом из числа украинских буржуазных националистов. Один из этих людишек, довольно-таки потрепанный субъект с бегающими глазками, подошел ко мне.

— Пан Жаботинский, если не ошибаюсь? — заискивающим тоном заговорил он. — Я ваш земляк, харьковчанин. Очень рад познакомиться...

Я сделал вид, что не замечаю протянутой мне руки, и только кивнул в ответ.

— Ну, как вам нравится Канада? — продолжал «земляк». — Тут наших много. И, знаете, живется им совсем не плохо. Вот хоть меня возьмите, — он перешел на конфиденциальный тон. — Человек я простой, но тоже имею свой небольшой бизнес и, слава богу, живу в достатке. А уж такому человеку, как вы, тут было бы просто райское житье... Скажите откровенно, не хотелось бы вам остаться в Канаде?..

Ох, как чесались у меня руки захватить «агитатору» от всего сердца да со всего размаха! Но надо, черт побери, соблюдать «дипломатический этикет».

— Нет, не хотелось бы! — отрезал я и так посмотрел на «земляка», что тот невольно отступил на шаг. — У меня есть своя Родина. А вот вам наверняка хотелось бы вернуться на Украину, да беда ваша, что вас, пан запродавец, она знать не хочет!

...Быстро пролетели десять фестивальных дней. И вот я уже возвращаюсь в Запорожье, где ждет меня Рая с трехмесячным сыном. Руслан родился 19 мая, через день после моего возвращения с личного первенства страны в Тбилиси. Как я рвался оттуда домой! Все мысли были о жене и о предстоящем большом событии в нашей жизни! За этими мыслями как-то незаметно прошло мое выступление, и даже сумма 512,5 килограмма и второе, после Власова, место не произвели на меня особенного впечатления. Прилетел в Запорожье и в ту же ночь отвез Раю в больницу. До рассвета мерил тротуар у родильного дома, а едва только открылось окошко дежурной сестры, кинулся к нему:

— Сын!!

„Второй номер”

Есть в спорте вечная проблема так называемых «вторых номеров». У каждого большого спортсмена, как правило, имеется кто-то «наступающий ему на пятки». Наступает, наступает, но бог весть, когда наступит, догонит. Это, конечно, принуждает лидера быстрее прогрессировать, но ой как нелегко приходится тому, кто длительное время вынужден оставаться на «вторых ролях» и часто ограничиваться малоприятной функцией запасного! Дело не в ущемленном самолюбии того, кто стремится обязательно быть чемпионом, но еще не готов к этому. Конечно, было не слишком приятно, скажем, нашему известному гимнасту Юрию Титову оставаться «вечным вторым» после Бориса Шахлина. Однако Юрий имел возможность каждый раз вступать в борьбу с Борисом и другими сильнейшими гимнастами страны и мира, утешаясь мыслью, что сделал все, на что был способен. Куда хуже футболисту, которого просто не выставляют на игру, и он, полный сил и боевого порыва, вынужден «перегорать» на скамье запасных. Так бывает и в других видах спорта.

Ясное дело, выступать, особенно на международных соревнованиях, должны действительно сильнейшие. Но, глядя в завтра, надо обстреливать и молодых. Кроме того (хоть рисковать подчас и боязно), надо помнить, что большая ответственность способна удвоить силы. Так иногда в театре дублер, вынужденный заменить заболевшего премьера, нередко выдвигается на первые роли.

Эти соображения я изложил, имея в виду не самого себя, хотя и мне длительное время доводилось оставаться вторым. Это было справедливо, и обижаться на кого-то здесь не приходится. Но ведь как еще часто в различных видах спорта случается видеть ненужную боязливость и оскорбительное неверие в молодых, когда «ареопаг мудрейших» решает вопрос о составе команды на то или другое ответственное выступление! Вот тут бы и хотелось посоветовать смотреть не только на заслуги, но и на перспективы...

Я подумал обо всем этом, вспомнив мой дебют на больших международных соревнованиях, хотя, повторяю, никаких оснований обижаться у меня тогда не было. На чемпионат Европы и мира в Будапеште я поехал запасным. Рвался в бой, но, как правильно предвидела Всесоюзная тяжелоатлетическая федерация, шансов ни на первое, ни на второе место не имел и поэтому наблюдал соревнования из-за кулис Дворца спорта.

Но даже в такой незавидной роли я получил от этого большого тяжелоатлетического спектакля изрядную пользу. А выступление нашего чудесного Юрия!.. Он снова покорила не только стальную громадину — 542,5 килограмма, но и искушенную в тонкостях тяжелой атлетики будапештскую публику.

— Ойра, Дьердь! Ойра, Дьердь! — бушевал зал, переиначив на свой лад имя нашего богатыря.

Меня восхитил неувядаемой силой и спортивным мужеством Норберт Шеманский. Этот 39-летний американец, поляк по происхождению, снова показал уже стабильный для себя результат — 537,5 килограмма. Спокойно и методично выполнял он подход за подходом, ни разу не сорвавшись, и заслуженно завоевал второе место. Да, правы были руководители нашей федерации — мне бороться с Шеманским было еще не по силам.

Правда, очень хотелось попробовать счастья в моем любимом рывке. Мировой рекорд в этом движении (164 кг) принадлежал именно Шеманскому (всесоюзный, которым обладал Власов, был на 1,5 кг меньше). И хоть мой лучший результат составлял 157,5, мне казалось, что я могу снять этот последний рекорд мира, «прописанный» в США. Но время для этого еще не пришло.

Еще два года после этого продолжал успешно выступать Норберт Шеманский и оставил помост третьим призером Токийской олимпиады. И как же было мне обидно и больно за него, когда я впоследствии узнал, что этот замечательный спортсмен, так много сделавший для своей страны, остался безработным и живет в нищете. Вот она, благодарность капиталистического мира своим поверженным кумирам!..

Наша команда уверенно завоевала в Будапеште первое место. Очень успешно выступили хозяева помоста, особенно атлет легчайшего веса Имре Фельди и средневес Дьезе Вереш, впоследствии прославившиеся еще на многих соревнованиях высшего ранга.

Очаровал Будапешт с его чудесными строениями, ажурными мостами через Дунай и величественным Монументом Свободы на горе Геллерт. Мне довелось увидеть и творца этого и многих других скульптурных шедевров — маститого Кишфалуди-Штробля, чье искусство покорило мир.

Прекрасное впечатление производят спортивные сооружения венгерской столицы, в частности «Непштадион». Директор этой первоклассной базы, некогда один из сильнейших в мире метателей молота Имре Немет, познакомившись со мной, спросил с интересом;

— А как поживает Александр Канаки? О, это отличный спортсмен и мой друг!

Я рад был сообщить, что подполковник Александр Спиридонович Канаки, как и прежде, здоров и могуч, что он успешно обучает молодых курсантов военного училища, передает им свой многолетний спортивный опыт.

Канаки всегда вызывал у меня искреннее восхищение своей незаурядной силой и, главное, негибкой волей, столь ярко проявившейся в трудные для него дни. В довоенное время Александр Спиридонович был одним из лучших метателей страны. На фронте командир батальона Канаки получил тяжелое ранение, которое почти вывело из строя одну руку. Казалось, со спортом покончено навсегда. Ну какой же дискобол с одной рукой? Но спортивная душа Александра Спиридоновича никак не хотела мириться с этим. Канаки решил во что бы то ни стало возвратиться на стадион. Он начал овладевать метанием

молота, где львиная доля нагрузки приходится на одну руку. Кто знает, сколько надо было для этого упорства и воли, сколько неудач было у ветерана на этом пути! Но Канаки не только снова стал действующим спортсменом, но и несколько лет подряд завоевывал звание чемпиона Советского Союза среди «молотобойцев».

Я вспомнил эту давнюю историю потому, что считаю: наша молодежь должна, обязательно должна знать о таких людях, как Канаки, Раевский и другие, преодолевших все, чтобы вернуться в спортивный строй, живых носителях патриотических традиций советского спорта.

Одно из ярчайших будапештских впечатлений — остров Маргит, «остров здоровья», как называют его будапештцы. Мы побывали тут в воскресный день, когда сотни тысяч жителей венгерской столицы заполняют его золотые пляжи, спортивные площадки и многочисленные плавательные бассейны. Те самые бассейны, где начинали свой спортивный путь Ева Новак и другие прославленные венгерские чемпионы и рекордсмены голубых дорожек.

Вот мне и думается: а почему бы не стать такими же «островами здоровья», скажем, киевскому Трухановому острову или запорожской Хортице? Природные условия здесь ничуть не хуже, чем на Маргите. Зеленые заросли, золотой песок, ласковая вода. А вот спортивных баз все еще мало, да и деятельных организаторов физкультурно-оздоровительной работы ой как недостает! Пора бы уже «дойти рукам» наших спортивных организаций до этих и других островов на Волге, Днепре, Дону! Большая польза будет от этого.

Покорись, мировой! . .

Говорят, у студента перед экзаменами всегда одного часа не хватает. Это верно — по себе знаю. Но сейчас мне не хватает, по крайней мере, 12 часов в сутки. Никогда еще не попадал в такой цейтнот. Солдатская служба, четыре тренировки в неделю, курсовая работа в институте, семья... Рая все понимает и делает все, чтобы как-то облегчить мне эту чрезмерную нагрузку. А вот Русик ни с чем считаться не хочет — тянет ручонки, лепечет: «Папа» — и не отпускает...

Но ничего не поделаешь, надо готовиться к Спартакиаде. В эту спортивную страду все спортсмены стремятся сделать что-то особенно хорошее, выступить с особым блеском. По четыре часа в день не выхожу из зала «Металлург», а кроме того, по давней привычке, толкаю ядро (уже под 17 метров), играю в баскетбол и «режусь» с друзьями в настольный теннис. Очень люблю эту игру и в немалой степени обязан ей тем, что при своем большом весе не теряю подвижности. А вешу я уже около 140 килограммов — оставил позади и Юрия Власова (эх, когда же обойду его и по весу на штанге!), и других тяжеловесов.

Уже и ребята с «Запорожстроя», тренирующиеся рядом со мной в зале «Металлург», начинают сдерживать:

— Ну, может, хватит на сегодня? Ведь, пожалуй, тонн десять перетаскал, не меньше!..

— Сейчас, сейчас! Вот еще один подход сделаю!..

Спартакиада Украины на этот раз избрала своей тяжелоатлетической «резиденцией». Луганск. В то время этот славный своими революционными, и трудовыми традициями город и впрямь стал республиканской столицей нашего вида спорта и сохраняет этот титул и поныне. Этим званием Луганск обязан «могучей кучке» — тяжелоатлетам тепловозостроительного завода имени Октябрьской революции, объединенным в клуб «Заря».

Свои симпатии луганчане делят между двумя видами спорта — футболом и тяжелой атлетикой. В последние годы, когда футбольная команда «Заря» вошла в высшую лигу, ее популярность возросла.

Луганские ребята рассказывают, что однажды во время концерта в местной филармонии произошел такой курьезный случай. Певец исполнял знаменитую арию Ивана Сусанина. В зале, конечно, царил торжественная тишина. И вот со сцены прозвучали слова:

— *Ты взойдешь, моя заря!..*

И в то же мгновение кто-то громко зааплодировал. Соседи зашикали на нарушителя тишины, а он шепотом оправдывался:

— Виноват, не сдержался! О нашей «Заре» вспомнил. Она ведь завтра играет...

Лечу в Луганск полон надежд. В Запорожском аэропорту встретился с работником нашего горкома партии, страстным любителем спорта Валерием Нестеровичем Махониным. Заболтались с ним о разных спортивных делах и не услышали объявления о посадке на самолет до Луганска. Тогда лишь спохватились, когда загремело на весь аэропорт:

— Пассажиры Жаботинский и Махонин! Вы опаздываете на посадку!

Мы, конечно, со всех ног к самолету. Пропуская нас в салон, стюардесса укоризненно заметила:

— Что ж это вы опаздываете, товарищи штангисты ?

Мы с Валерием Нестеровичем переглянулись: с какой это стати его штангистом называют? А стюардесса (как оказалось, болельщица тяжелой атлетики), разнося конфеты, обратилась к моему спутнику:

— Ну, как вам, товарищ Вахонин, наше Запорожье понравилось?

Немного недослышав, девушка приняла Махонина за Алексея Вахонина и не могла отказать себе в удовольствии побеседовать с ним.

За время, прошедшее между II и III Спартакиадами, произошла в значительной степени смена спортивных поколений, и на луганском помосте появилось немало атлетов младшего поколения. Особенно хорошо показали себя луганчане Георгий Дяченко и Юрий Яблоновский, криворожец Станислав Батищев и другие представители новых тяжелоатлетических центров.

К ним присоединилось в те дни и Запорожье, у которого тогда впервые явился свой абсолютный чемпион республики. Мне сравнительно легко удалось завоевать это звание. Результат Георгия Дяченко, занявшего второе место, был значительно ниже моего. Приятно, конечно, но немного испортило всю «обедню» то, что так и не смог я побить мировой рекорд Шеманского в рывке. А ведь так стремился к этому!.. Ну ладно, еще впереди Москва!

Знакомый клуб общества «Шахтер», куда когда-то я робко входил зеленым новичком, поглядывая снизу вверх на премьеров «железной игры». Теперь уже и по моему адресу звучат аплодисменты москвичей, когда судья-информатор представляет участников соревнования в тяжелом весе. Что ж, такой аванс надо отработать! Недаром ведь я стою в одной шеренге с Юрием Власовым, Алексеем Медведевым (это уже одно из последних выступлений Алексея Сидоровича), Юрием Вильковичем, Виктором Поляковым, Виктором Андреевым! Последний — могучий и кряжистый чуваш — «прорезался» как-то неожиданно и уже стоит на самом пороге «клуба пятисотников».

В зале, уже в роли зрителей, отсоревновавшиеся мои недавние одноклубники-запорожцы. Славно поработали на спартакиадном помосте бульдозерист Иван Плаксюк, слесари Игорь Леонтьев и Николай Рогачев, инженер Ананий Либман, монтажник Александр Стрельцов

и другие посланцы «Запорожстроя». Они заняли второе командное место в соревнованиях коллективов физкультуры. Только шахтерам удалось опередить моих земляков.

— Ну, как чувствуешь себя, Леня? — спрашивают ребята перед моим выходом на помост.

— Как в трамвае — трясусь, но держусь, — отшучиваюсь я.

А самому и вправду не по себе: сделаю или не сделаю?..

Ну, слава богу, жим уже позади! 175 килограммов. Это для меня очень важно. Больше выжал только Власов, и теперь, если не сорвусь, второе место, пожалуй, от меня не уйдет. Но с какой суммой? Преодолею ли самого себя? И, главное, удастся ли тот рывок, о котором думаю столько месяцев?

Для первого подхода заказываю довольно скромный для себя вес — 145 килограммов. Так, «прожиточный минимум» уже обеспечен. Взял вес без особого напряжения, и можно несколько минут передохнуть перед следующей ступенью.

В разминочной открыты окна. Сквозь них доносятся аромат цветов в садике за клубом и затихающий шум вечерней Москвы. Снова мой выход.

На штанге — 155. Туже затягиваю пояс. Это обычное движение штангистов всегда напоминает мне действия солдата перед боем, когда невольно подтягивается каждый, проверяет, все ли застегнуты пуговицы на гимнастерке, чтобы в следующую минуту бросить себя в решающую атаку...

Есть!

Осторожно (ведь помню киевский урок!) опускаю снаряд на помост и радостный возвращаюсь в разминочную комнату. Теперь спокойствие! Ни о чем не думать, ничего не загадывать! Через какой-нибудь десяток минут решится все: пан или пропал? Но попробуй не думать о белом медведе, как в той сказке о неудачнике искателе клада! А что как не убью этого медведя и клад снова на семь верст под землю уйдет!..

Вот уже снова слышится моя фамилия. Давай, Леня!..

Передо мною рекордный вес. 165 килограммов. На один больше, чем поднял Норберт Шеманский. Покорится ли мне стальная громадина? Натирая руки магнезией, искоса, словно на живое и опасное существо, бросаю взгляды на снаряд. Потом смотрю в зал, хочу разглядеть хоть одно знакомое лицо, найти в нем поддержку, но все сливается в глазах...

Кладу руки на гриф, согретый ладонями моих предшественников, ощущаю его округлость каждым бугорком мозолей, каждой клеточкой. Тяга! Подрыв! Подсед!.. Нет! Штанга вырывается из рук и с тяжелым грохотом падает на помост!

«Не взял! Не взял!» — стучит кровь в висках. И я бегу от этого стука за кулисы, расталкивая товарищей, столпившихся у входа на сцену.

— Пойдешь на четвертый? — спрашивает меня Николай Петрович Лапутин, и в этом вопросе одного из руководителей нашей украинской команды я слышу утверждение: ты

должен пойти, ты можешь взять! Вперед!..

Дружеские руки массируют мне мышцы, дружеские голоса подбадривают меня, и я решаю сделать последнюю попытку.

Снова я стою перед снарядом, снова залегает тревожная и настороженная тишина в зале. И лишь кое-где кто-то выдает кашлем волнение, охватывающее сейчас сотни людей. А ко мне внезапно приходит удивительное спокойствие. Ну и что, если не возьму? Я ведь сделал все, что мог, не только для самоутверждения — для команды. Почему-то, вовсе некстати, выплывает в памяти строчка из «Василия Теркина»: «Это ж, брат, еще у немцев не последний самолет...» А может, и кстати? В самом деле, разве это мой последний выход на помост? Не сегодня, так завтра, а-таки возьму тебя, рекордный вес!

Нет, надо сегодня! Сейчас!

Р-раз!

Точное, заученное, тысячи раз повторенное движение — и штанга взлетает над головой, замирает на вытянутых вверх в нечеловеческом напряжении руках. Какое-то мгновение я держу ее, сам еще не веря, что удалось, что я сделал это.

— Опустить!

И маленькие белые солнца на судейском светофоре озаряют мое счастливое лицо и все вокруг. Сделал! Взял! Последний из мировых рекордов в тяжелом весе стал твоим, Родина! Ну, теперь мне все по плечу! Толчок идет у меня на диво свободно и раскованно. Я набираю в этом движении 200 килограммов и обеспечиваю себе отличную сумму — 530 килограммов и второе место после Юрия Власова. Он набирает 542,5. На третью ступень пьедестала почета поднимается Виктор Поляков.

Едва заканчиваются соревнования, как ко мне бросаются хлопцы-запорожцы. Обнимают, жмут руку. Безгранично счастливый, выхожу с ними из зала.

— Да, неплохой рекорд Запорожской области! — говорит, смеясь, тренер «Запорожстроя» Михаил Шитиков.

Эти слова слышит какой-то паренек и удивленно пожимает плечами:

— О каком это вы рекорде говорите?

— То есть как о каком? — подмигивает мне Шитиков. — О 165 килограммах в рывке!

— Так это же мировой рекорд!

— Нет, вы что-то перепутали, молодой человек, — с серьезным видом возражает Михаил.

— Это рекорд Запорожской области! Разбираться надо!..

Стокгольм, 1963

Бегу по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Вихрем врываюсь в комнату и еще с порога кричу:

— Раечка! Все в порядке! Все отлично! Я еду в Стокгольм!

— Тише, Леня,— поднимается мне навстречу жена.— Русика разбудишь!..

А у самой глаза так и сияют от радостной новости. Ведь знает Рая, как ждал я этого известия, как боялся, что его не будет! Но теперь уже все решено. Я еду в Стокгольм, на чемпионат Европы и мира, уже не на «несчастный случай», не запасным, а основным, полноправным участником. Буду соревноваться рядом с Юрием Власовым, вместе с ним буду защищать честь Родины на соревнованиях высшего уровня. Ну как тут не радоваться!

Времени на подготовку в обрез. Готовимся в Дубне под Москвою. С того времени центр атомных исследований стран социалистического лагеря часто становится столицей и советских тяжелоатлетов. В Дубне прекрасная спортивная база, а уж лучших природных условий и искать нечего! Березовые рощи, красавица Волга — все привлекает здесь, все создает тот чудесный фон, на котором легко и приятно тренироваться.

В городе мирного атома любят и ценят спорт. И к нам, штангистам, тут отношение дружеское и приветливое. Хотя среди ученых поклонников нашего вида спорта сравнительно немного, но спортсмен спортсмену всегда рад, пусть и разными видами спортивного оружия владеют они. А спортсменов тут много. Вот, идя мимо теннисного корта, я вижу, как ловко отбивает мяч за мячом и сам легко посылает сильные «смешки» уже немолодой человек.

— Бруно Понтекорво,— называют мне фамилию известного советского физика.

Вспоминаю, что в Киеве видел в такой же позиции президента Академии наук Украины Бориса Евгеньевича Патона. Невольно думаю: вот свести бы их на корте! Интересно, кто кого?

Охотно отдают свой досуг спорту и президент Всесоюзной академии Всеволод Мстиславович Келдыш, и директор Объединенного института ядерных исследований Дмитрий Иванович Блохинцев, и много других выдающихся ученых, с которыми мне довелось познакомиться в Дубне. Кое-кто из них приходил на наши тренировки и проявлял изрядную осведомленность в «железной игре».

Теперь эта игра достигнет высшего своего накала в Стокгольме. Сопровождаемые добрыми пожеланиями, мы прощаемся со столицей атомников и летим в столицу Швеции. Она встречает нас первыми осенними холодами и сердечным теплом своих жителей. Хотя популярность тяжелой атлетики никак не может конкурировать в Швеции с

популярностью, скажем, хоккея или конькобежного спорта, все же недаром Стокгольм в 1953 и 1958 годах уже становился ареной борьбы сильнейших штангистов мира. Любителей спорта сильных здесь достаточно. На аэродроме сотни встречающих. Всем хочется увидеть Юрия Власова. А он этим рейсом не прилетел. Репортеры «набрасываются» на меня и... на писателя Анатолия Софронова, прибывшего вместе с нами. Он и вправду тяжеловес — 125 килограммов! Анатолий Владимирович подмигивает мне и по просьбе журналистов становится рядом. Щелкают затворы фотоаппаратов, стрекочут кинокамеры. А когда заканчивается традиционный ритуал, Софронов, улыбаясь, говорит оторопевшим газетчикам:

— Спасибо за внимание, но я, простите, не спортсмен, а писатель и прибыл сюда по сугубо литературным делам.

Зато уж потом обманутые репортеры отыгрались на нашем Юрии, преследуя его в отеле, на прогулках, да и после тренировок. Да и вообще Власов всюду был в центре внимания и шутя говорил:

— Уж не знаю, как штангу буду поднимать. От автографов рука болит!

В Стокгольм прислали весь цвет своих штангистов как старые тяжелоатлетические державы, так и те, кто лишь недавно вышел на первые роли в «железной игре», — Польша, Япония, Венгрия, Англия. Тут и Фельди, и Мияке, и Башановский, и Палинский, и могучий англичанин-негр Луис Мартин. Но наибольший интерес, естественно, вызывает предстоящая схватка советских и американских богатырей.

Американцы приготовились дать решительный бой своим многолетним соперникам. В интервью журналистам Боб Гофман и тренер команды США Джон Терпак не скупятся на эпитеты, расписывая готовность своих бойцов, особенно полутяжеловеса Гарри Марча и неуязвимого Норберта Шеманского. Но о тренировочных результатах и они, и другие наши соперники предпочитают помалкивать. В то же время знание возможностей противника очень важно для правильного тактического построения выступлений. Здесь мы в наименее выгодном положении: только что прошла Спартакиада, и все наши результаты как на ладони.

Во время одной из прогулок по уютным улицам и чудесным паркам Стокгольма встречаем американских атлетов. Здороваясь, Норберт Шеманский не забыл поздравить меня с рекордом, добавив, что счастлив скрестить оружие с достойным соперником. Боб Гофман растянул губы в улыбку, потрепал меня по плечу и промолвил:

— О'кэй! Прима!

Вскоре, однако, мне довелось убедиться, что похвала многолетнего мецената и менеджера американской тяжелоатлетической команды обернулась для меня другой своей стороной.

И грянул бой! Зал «Ерикسدальс-халле» — уже традиционное место проведения мировых

чемпионатов — в эти дни полон, как никогда, да и есть на что поглядеть стокгольмцам! Уже с первых выходов на помост борьба атлетов приобрела небывалую остроту и упорство. Впервые выступая на мировом чемпионате, Алексей Вахонин победил всех своих соперников, и в их числе очень сильного японца Исиносеки. В четвертый раз выиграл первенство среди сильнейших атлетов полусреднего веса казанский штангист Александр Курынов. А воспитатель Вахонина, наш славный ветеран Рудольф Плюкфельдер, хотя на этот раз удовлетворился лишь серебряной медалью, но показал действительно прекрасный результат. Не подвел и дебютант — днепропетровец Эдуард Бровко. Он завоевал бронзу, но в такой борьбе она, пожалуй, могла цениться на вес золота. Обошли нашего могучего и приземистого Эдуарда Луис Мартин и Иренеуш Палинский, но американец Марч отстал от него на целых 20 килограммов. Да и вообще перед последним днем соревнований шансы американцев были, как никогда, низки — их кроме нас опережали венгры, поляки, японцы.

И вот последний день. Вспыхивают огни «юпитеров» кино и телевидения, направлены на сцену десятки объективов, сотни жадных до рекордов глаз. Занимают свои места «вершители судеб» мировой тяжелой атлетики — президент Федерации Кларенс Джонсон, вице-президенты Константин Назаров и Жан Дам, генеральный секретарь Оскар Стейт. Садятся за столы судьи. А арбитр на помосте — не кто иной, как тот же Боб Гофман. Сегодня он бросает на кон большой игры свои последние козыри — ветерана Шеманского и молодого Сида Генри.

Да, пора американских триумфов на мировом помосте уже позади. На Мельбурнской олимпиаде они спели свою «лебединую песню». Но в тяжелом весе американцы еще сильны, очень сильны...

— Ничего, друзья! Конец — делу венец,— повторяет руководитель нашей делегации Николай Петрович Лапутин, похаживая по разминочному залу.

Аркадий Никитич Воробьев дает последние наставления Власову и мне. Собственно говоря, за Юрия ему нечего беспокоиться — он наверняка обойдет Шеманского. А вот что касается меня... Тактика наших выступлений продумана до мельчайших деталей, но кто гарантирован от различных неожиданностей?..

Первым из четверки основных соперников выходит на помост Генри. Он выжимает 162,5 и 170 килограммов. Этот второй вес довольно покорно поддается и мне. Американец берет 175, а для меня Аркадий Никитич заказывает 177,5.

Снаряд на груди. Начинаю выжимать его на прямые руки. Н-ну, еще немного! И вот штанга застывает вверху. Есть! Но где же команда «опустить»? Почему молчит Боб Гофман?..

А он молчит. Чувствую, как кровь приливает к лицу, как под тяжестью огромного веса

начинают дрожать ноги. А команды все нет. И, не выдержав страшного напряжения, я... схожу с места!

Все! Вес не засчитан! Так вот оно, «секретное оружие» американского менеджера!

В зале звучит свист возмущения. Обеспокоено и апелляционное жюри. Но поправить ничего уже нельзя. Вконец расстроенный коварством судьи, я не в силах справиться с этим весом в третьем подходе. Драгоценные 7,5 килограмма потеряны для меня!

Шеманскому удается выжать 180. Власов с удивительной легкостью фиксирует 180 и 187,5. Он пробует повторить свой мировой рекорд—взять 192,5, но тут ему не везет.

Рывок. Снова первым стартует Генри. Остановившись на 147,5, он покидает помост. Власову и мне покоряются 150. Наш чемпион затем фиксирует 155 и 160. Не отстает и Шеманский.

Во втором подходе я беру 157,5. Надо, непременно надо догнать американца в сумме двух движений! Именно тут я могу это сделать. Ведь это «мое» движение — рывок!

Ассистенты прибавляют на штангу сразу 7,5 килограмма. Именно те, которые «отнял» у меня ловкий Боб Гофман. Теперь на снаряде вес моего мирового рекорда. Сделанное однажды можно повторить, не так ли?.. Я ведь готов и к большему!

Подсед! Подняться!.. Но проклятая ошибка — штанга уходит немного вперед и вырывается из рук! Не догнал, черт побери!

— Ничего, ничего! — успокаивают меня Воробьев и Лапутин.— Отдохни перед толчком!

Но я не хочу отдыхать. Пусть не удалось, пусть отстаю от Шеманского. Но я могу, я должен сделать то, что задумал! Пусть все увидят, что я не слабее его, что мировой рекорд в рывке принадлежит мне по праву!

— Заказывайте 167,5, — говорю я и чувствую, как охватывает все мое существо какая-то спокойная и даже веселая злость — та спортивная злость, которая так часто приносит победу.

Воробьев просит разрешения на дополнительный подход для побития мирового рекорда.

Я снова на помосте. Спокойно, спокойно! Ошибка не может, не должна повториться. Вперед!

Вкладываю в движение все силы мускулов и души, все свое желание взять!

И беру! Беру чисто! Так, что поднимается весь зал, что даже наимудрейшие из Федерации одобрительно кивают поседевшими в спортивных баталиях головами.

Вот и есть еще один мировой! Но сумму моих двух движений он несколько не улучшил.

Что же покажет толчок? Смогу ли я здесь превзойти Шеманского? А быть может, Генри догонит меня? Ведь он отстает всего на 5 килограммов!

Младший американец начинает толчок со 182,5 и заканчивает на 195. Отличный результат! Я толкаю 190, потом повторяю результат Генри. В последнем подходе

Шеманский берет 197,5. Ох, какой же он все-таки молодец, этот сорокалетний спокойный человек в очках!

Я должен превзойти его! Не только для бронзовой медали — она уже моя. Для себя, для своего самоутверждения. Имею ведь я, в конце концов, на это право?!

И последним усилием я толкаю 200 килограммов! Вот и утвердился. Доказал, что и в толчке я сильнее. Но к радости трудной победы примешивается привкус досады и гнева. Мог ведь, мог быть вторым призером, если бы не те отобранные у меня семь с половиной!.. Отхожу за кулисы и продолжаю следить за финалом этого чудесного тяжелоатлетического спектакля.

Теперь в игре остается один Юрий Власов. Он уже толкнул 195 и борется лишь с самим собою. Со своим мировым рекордом.

Еще 10 килограммов «блинов» навешивают ассистенты на стальной гриф.

Вес взят!

— Bravo, Юрий! — невольно вырывается у меня.

Он набрал уже 552,5 килограмма! Как никто в мире! На два с половиной больше своего рекорда!

Еще 5 килограммов! Да есть ли предел возможностям этого человека?! Это чудо, просто чудо! «Потолок» мирового рекорда поднят уже до 557,5! Зал безумствует от восторга. Когда и где еще увидишь такое?!

А Юрий улыбается и жестом руки показывает, что еще вернется на помост.

На табло появляется ошеломляющая цифра — 212,5 килограмма.

Трижды в один вечер улучшить мировой рекорд! И это, когда чемпионское звание уже давно завоевано и можно, казалось бы, отдыхать! На такое способен только Власов!..

Взял! И как легко, красиво, изящно!

Буря бушует под сводами «Ериксдальс-халле». А Юрий снимает со штанги маленький диск — тот последний пятикилограммовый довесок — и целует его. А потом прижимает к груди четыре деревянные цифры, которые, сняв с табло, подают ему ассистенты.

И вновь плывут над залом могучие аккорды Гимна нашей Родины, во славу которой так много и вдохновенно потрудились этот мужественный и сильный человек, вся наша дружная команда... Вижу, как вдруг краснеют глаза у некоторых моих товарищей, чувствую, как и у меня закипают слезы радости и гордости за нашу землю богатырей...

Будет буря — мы поспорим! ...

Все-таки хорошо это придумано — встречать Новый год в зале нашего спортклуба! Вынесены в коридоры кони, брусья, помост. А во всю длину зала — праздничный стол. Падают в торжественную тишину хрустальные капли с далекой Спасской башни. Привет тебе, грядущий шестьдесят четвертый!

Звенят бокалы. И уже тянутся ко мне со всех сторон дружеские руки. «За твой олимпийский успех, Леня!» Спасибо, друзья!

Кто-то запекает на мотив старой украинской народной песни:

*На поміст токійський,
Та и на олімійський, Козаки йдуть!
И все подхватывают припев:
— Гей! Долиною гей!
А запевала ведед дальше:
— Попереду Юрій Власов.
А позаду Жаботинський!..*

Смеюсь весело вместе со всеми, но где-то в глубине шевелится мысль: «Доколе ж так будет? Не пора ли вперед пробиваться?»

Поживем, поработаем, увидим! Что год грядущий мне готовит?..

А приготовил он прежде всего действительно большую, напряженную до предела работу. С самого начала года сборная страны начала готовиться к Олимпиаде. Репетицией на далеких подступах к токийскому форуму должен был стать традиционный мартовский розыгрыш Кубка Москвы.

Тренируемся снова по оптимальному графику, четырежды в неделю. Понедельник, среда, пятница, суббота... Тренировочные нагрузки достигают невиданных размеров — до 15—20 тонн в день. Раньше после такой работы наверняка лежал бы пластом, а теперь ничего — выходит! Все рассчитано, все «по науке»! Да, отошли в прошлое в нашем виде спорта «стихийные» богатыри, которые, ориентируясь лишь на собственные субъективные данные и ощущения, «таскали железо» как бог на душу положит. Современное развитие тяжелой атлетики (как и других видов спорта) требует научного подхода, обоснованной дозировки нагрузок, режима труда, отдыха, питания и всего прочего...

Вот и за нашей подготовкой внимательно и неотступно следят сотрудники Центрального научно-исследовательского института физической культуры. Определяют состояние утомления, перетренированности, дают советы, рекомендации. Едва приступаем к работе, как уже кто-нибудь из ребят подает шуточную команду:

— Смирно! На медицину равняйся!.. И в зал уже входят, улыбаясь, наши друзья-врачи из

Александрович Титов. Много, очень много сделали для нас эти люди в белых халатах! В рекордные килограммы каждого из нас заложена немалая доля их труда и души...

...Да, год начался для меня на редкость счастливо и многообещающе! На первом предолимпийском испытании в знакомом зале общества «Крылья Советов» я выступал, так сказать, вне конкуренции. Власов в розыгрыше Кубка участия не принимал. В тот навсегда памятный для меня вечер я записал на свой «счет» три мировых рекорда — 168,5 килограмма в рывке, 213 — в толчке и заветную, выношенную сумму — 560 килограммов! Оглушенный аплодисментами, усталый от дружеских объятий, я сижу в уже опустевшем зале, неспособный постичь, как это все случилось. Неужели я сделал это? Неужто я вправду сильнейший?

Этот вопрос может совершенно естественно возникнуть и у читателя. Как же так? Отставал, отставал, и вдруг превзошел самого Власова?

Конечно, не вдруг. Пожалуй, и тут кстати вспомнить закон перехода количества в качество. Тренировки и режим всегда в конце концов вознаграждают тебя высокими результатами. А за последних два-три года, с того времени, как окончательно остановился на штанге, я даром времени не терял и старательно учился у выдающихся мастеров, с которыми тренировался рядом, в армейской и всесоюзной сборных. Нарастивалась сила, под руководством лучших тренеров страны шлифовалась техника.

И кое в чем я уже начинал ощущать некоторое свое преимущество перед нашим общепризнанным лидером. Прежде всего оно было заметно в рывке. Дело в том, что Власов довольно долго и упорно придерживался «ножниц», не хотел переходить к низкому седу, хотя все лучшие атлеты мира уже давно пользовались этим более прогрессивным способом выполнения темповых движений. Что касается меня, то я взял на вооружение низкий сед еще в 1958 году, перед выходом на большой помост. В конце концов, пришлось переучиваться и Юрию, но он сделал это лишь в 1963 году. Очевидно, уже само это обстоятельство давало мне определенный перевес. По мнению специалистов, у меня были немного лучше развиты чувства координации и дистанции, что также помогало держаться вплотную к лидеру и даже превосходить его. Уязвимым моим местом, как и прежде, оставался жим, и понадобилось еще несколько лет, чтобы я добился и здесь мирового рекорда, оставив позади Власова.

Но, разумеется, мой тогдашний успех вовсе еще не решал вопроса, кто сильнее. И я думал тогда: нет, не увлекайся, парень! Просто не было сегодня настоящего хозяина помоста. Ведь впереди еще и чемпионат страны, и Токио! Ну, что ж! Будет буря — мы поспорим!..

Кто знает, с какой горячностью (и, признаюсь, с немалой тревогой) готовился я к встрече с Власовым на личном первенстве СССР! Хотелось доказать ему, себе, всем, что не

случайным был мой мартовский успех. Желание это было тем больше, что выступать приходилось перед земляками — чемпионат должен был состояться в Киеве. Неужели это не будет встречей «на равных»?

Ох, как это важно для меня! Ведь по результатам киевского чемпионата будет окончательно определен состав нашей сборной для выступлений на токийском помосте! Конечно, у меня есть уже все основания надеяться, что на Олимпиаде, как и на стокгольмском чемпионате мира, честь нашей страны будут защищать двое тяжелоесов. В соревнованиях на высшем мировом уровне всегда выступает семь участников (первый тяжелый вес еще не получил международного признания). Только семь! Но тяжелоатлетические специалисты каждой страны в результате наблюдений и скрупулезного взвешивания шансов ближайших соперников в каждой из весовых категорий заранее определяют, в какой именно из них шансы своего кандидата на призовое место наименьшие. В этом и состоит командная тактика в тяжелой атлетике.

В нашей сборной ахиллесовой пятой является полулегкий вес. Здесь безраздельно господствует маленький, крепко сколоченный японец Мияке. Очень силен и американец Бергер. И так, наверное, и в Токио наш полулегковес не будет выступать. За этот счет наверняка выставим снова двух тяжелоесов. Говорят, у меня есть все шансы быть вторым. Но кто знает, что еще может случиться... Буду спокоен лишь тогда, когда билет в Токио положу в карман. А заработать право на него надо здесь, в Киеве...

Говорят, что только на концерты Джордже Марьяновича так рвались киевляне в свой Дворец спорта. Очередь за билетами — словно на большой футбол. Еще бы! Ведь на афишах имя Власова...

А Юрий взял и не приехал. Значит, широко разрекламированная газетами «битва гигантов» не состоится? Досадно зрителям. А во мне борются два чувства: с одной стороны, тоже досадно, что не смогу испытать себя в непосредственном поединке с Власовым, но одновременно радуется перспектива стать чемпионом страны. Пусть, может, «калифом на час», но все-таки «калифом»!

Погоди, им еще надо суметь стать! Теперь мой ближайший соперник — Виктор Андреев. А он тоже не лыком шит. Достаточно хоть в одном из девяти подходов сделать что-нибудь не так, и могучий соперник не преминет воспользоваться этим...

Нет, все в порядке. В ярко освещенном и переполненном до предела Дворце спорта я впервые всхожу на высшую ступень всесоюзного пьедестала почета. Хотя и со скромным результатом — 545 килограммов, — а все же чемпион! Жму руку соседям по пьедесталу — двум Викторам — Андрееву и Полякову.

Отгремели приветственные рукоплескания, и я снова с головой ухожу в тренировки. Олимпийский сбор проводится в Алуште. Море, конечно, большая радость, но в июле и оно

не спасает от жары. А штанга и сама требует обильного пота, и крымское солнце ей плохой помощник. К моей большой радости, сборная перебазируется в Запорожье. Теперь Рая с двухлетним Русиком частые гости у меня на острове Хортице, где мы упорно готовимся к выступлению на Японских островах.

Юрий Власов недолго тренируется вместе с нами и выезжает в Москву. У него свой режим, своя система подготовки. А вообще мы уже привыкли к тому, что Юрии нередко довольно неожиданно меняет свои планы и в выборе места тренировок, и насчет участия в соревнованиях. Что ж, ему виднее...

А мы продолжаем тренироваться в Запорожье. Мы — это двадцать три атлета. А поедут в Токио только семь. И уже точно известно, кто именно. Но и остальные работают с полной отдачей, хотя и знают: не им улыбнется счастье. Однако уже сама по себе тренировка в олимпийской команде — немалая честь для спортсмена и школа большая.

В свободное время знакомлю ребят с городом, который так быстро стал мне родным. Им нравится здесь. И широкий днепровский плес, и могучая плотина над ним. И гигантский, словно дворец, прокатный цех «Запорожстали», где с бешеной скоростью мчится по рольгангам раскаленный до белого свечения тонкий стальной лист.

Четыре дня остается до отъезда в Москву. Я отпросился у тренера побыть немного дома. Сидим с Раей за столом, тихо говорим о своем. Раскинувшись в кровати, спит Руслан. Что снится сейчас нашему мальчику? Зайцы, котята, а быть может, тот смешной деревянный верблюд на парковой карусели, на котором я сегодня сидел вместе с Русиком на страхе «карусельщику» и на превеликую потеху отдыхающим.

Одиннадцать часов. Пора в постель. Режим есть режим. Но хочется по давней привычке обязательно послушать спортивный выпуск «Последних известий». Говорит Москва! Сначала, конечно, о футболе...

И вдруг:

«Сегодня на предолимпийском выступлении в городе Подольске блестящего успеха добился наш прославленный тяжелоатлет Юрий Власов. Он выжал 195 килограммов, поднял в рывке 170, толкнул 215 и набрал в сумме классического троеборья рекордную сумму — 580 килограммов. Таким образом, советский богатырь во время одного выступления улучшил все четыре мировых рекорда, снова подтвердив свою репутацию сильнейшего человека планеты».

Мы с Раей вскакиваем с мест.

— Ох и молодец! — кричу я во весь голос, забыв и про спящего Русика, и обо всем на свете.

— Это ж подумать только!

И внезапно до моего сознания доходит, что сегодня, вот так сразу, я лишился всех своих приобретений. За каких-нибудь полчаса этот могучий и спокойный человек в очках там, в

Подольске, отобрал у меня все мои рекорды. 580 килограммов! Это что-то неслыханное, фантастическое! Да смогу ли я когда-нибудь хоть приблизиться к такому грандиозному результату) Снова второй! Вечный второй!..

Рая тоже взволнована до предела. Но она понимает мое состояние и с притворной веселостью говорит:

— Ну что же, снова, как в той песне: «Попереду Юрий Власов. А позаду Жаботинский!..»

— И добавляет ласково: — Все будет хорошо, милый! Я верю в тебя...

Как это чудесно, когда тебя любят, в тебя верят!..

Под олимпийскими кольцами

— Фудзияма! — закричал кто-то.

Наш воздушный лайнер медленно шел на снижение, и в разрывах туч вырисовывался на горизонте знаменитый японский погасший вулкан, ставший символом Страны восходящего солнца. Итак, приехали! За каких-нибудь четыре часа перенес нас «ТУ-114» из Хабаровска в Токио — столицу XVIII Олимпиады.

Быстро пролетели недели пребывания во Владивостоке, где советские олимпийцы завершали свои тренировки и привыкали к дальневосточному климату. Остались в памяти красивый, своеобразный город над бухтой Золотой Рог, дружеские встречи с владивостокскими рабочими и моряками, их сердечные пожелания успеха. И все мы верили в успех. Хотя спорт есть спорт, и тут нередко оправдывается старая испанская поговорка: те, кто идет стричь овец, иногда возвращаются сами остриженными. Но об этом и думать не хотелось. Каждый тренировался изо всех сил, каждый чувствовал себя в боевой форме.

Вот и Токийский аэропорт. Народу пришло нас встречать много. Красные флажки пламенеют в руках улыбающихся людей! Все нетерпеливо ждут нашего выхода. Но произошла неожиданная задержка. Поданный к самолету передвижной трап оказывается слишком низким для нашего гиганта. Пока ищут другой, мы стоим в открытых дверях и шутя спорим, кому первому прыгать.

— Нет, ребята, прыжки в глубину в программу Олимпиады не входят, — замечает, смеясь, Володя Каплунов. — Лично я от этого упражнения категорически отказываюсь. Наконец все улажено, и мы сразу же попадаем под обстрел десятков фото и кинообъективов и в осаду сотен людей, стремящихся заранее запастись автографами потенциальных олимпийских чемпионов. Особенно достается, конечно, Юрию Власову, которого сразу же узнали и атаковали с удвоенной энергией. Широкими улицами одиннадцатимиллионной японской столицы едем в Олимпийскую деревню. Всюду по дороге бросаются в глаза пять переплетенных колец под большим ярко-желтым диском. В Токио все живет предстоящим выдающимся событием, собравшим здесь спортсменов 94 стран и сотни тысяч любителей спорта со всего мира.

Олимпийскую деревню японцы называют городом в городе. Тут имеется все для удобного и комфортабельного пребывания восьми тысяч участников Олимпиады. Мы знаем, что эту большую территорию японцам едва удалось «отвоевать» у американских военных, разместившихся тут, как у себя дома. Надо, в самом деле, потерять остатки совести, чтобы по-хозяйски топтать землю народа, ввергнутого тобой в огонь атомного ада!..

Единственное средство передвижения на десятках довольно длинных улиц Олимпийской

деревни — велосипеды. Тут их к услугам олимпийцев несколько тысяч. Садись, езжай куда хочешь, оставь машину прямо на улице — ею воспользуется нуждающийся, а ты потом возьмешь другую. Фотокорреспондентам очень хотелось поймать меня в объектив в тот момент, когда я сяду на велосипед: как выдержит он мои 154 килограмма? Я тоже побаивался, что не выдержит, и, чтобы, избави бог, не повторилась печальная история с моим первым велосипедом — отцовским подарком, ходил повсюду пешком. Но потом надоело бить ноги» и я, воспользовавшись вечерней порой, все-таки оседлал стального коня. И ничего не случилось. С того времени я уже всюду ездил на велосипеде, и конечно, попал не в один объектив.

В дни, предшествующие соревнованиям, мы осматривали Токио. Огромный город, как и каждая столица капиталистического мира, поражает своими контрастами. Совсем неподалеку от ультрасовременных зданий и шикарных магазинов главной торговой магистрали города — Гинзы — убогие хижины из фанеры и бамбука Фукагавы — района токийской бедноты. Рядом с роскошными банкетными богачей в фешенебельном ресторане «Ньго Отани отеля» жалкая горстка риса, которую бедняк съедает прямо на пороге своего убогого жилища.

Но именно там, в кривых и грязных улочках Фукагавы, нас, советских олимпийцев, встречали особенно сердечно и приветливо. Тут при нашем появлении особенно часто звучали три слова:

— Руска! Совето! Орипник! (по-японски — олимпиада).

И выговаривались эти слова с таким неподдельным восторгом, столько искренности и душевной теплоты вкладывали в них японский рабочий или школьник, что и наши сердца раскрывались навстречу этим проявлениям любви и дружбы к нашей великой Родине, к советским людям, которые помогли возродить во всей чистоте благородную олимпийскую идею мира между народами.

Живым воплощением этой идеи мира и дружбы была торжественная и волнующая церемония открытия XVIII Олимпийских игр. Глубоким содержанием был наполнен ритуал зажжения олимпийского огня. Его внес на Национальный стадион и зажег в огромной чаше мало кому известный студент Исионори Сакаи. Ему выпала эта высокая честь лишь потому, что Исионори родился в тот самый год, месяц и день, когда поднялся смертоносный атомный гриб над мирными жилищами его родного города — Хиросимы.

И этим многозначным актом словно сказал японский народ, вся молодежь мира тем, кто угрожает человечеству атомной смертью: — Нет! Этому не бывать больше! Только мирному огню пылать над нашими городами! Только спортивными битвами греметь над Землей!..

Олимпийские бои еще не начинались, но наибольшая сенсация уже волновала умы и

сердца всего одиннадцатимиллионного Токио, людей всего мира. Рано утром в наш коттедж ворвался кто-то из ребят:

— Спите? Не слышали?

— А что такое?

— Наши снова в космосе. Трое! В одном корабле! Вот так рекорд!

А через какой-нибудь час вся Олимпийская деревня поздравляла нас, советских спортсменов, с чудесным подвигом Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова. Вскоре и в городе незнакомые люди, завидев на наших костюмах советские олимпийские значки, широко улыбались, указывали рукой вверх и старательно выговаривали:

— «Вос-ход»!

И как радостно было слышать вдали от Родины это русское слово, ставшее, как и «Спутник», всечеловеческим благодаря вдохновенному труду, научным дерзаниям и отваге наших славных земляков!

Тяжелоатлеты вступили в борьбу на Олимпиаде одними из первых. Еще не завоевала своей высокой награды самая младшая из наших чемпионки, севастопольская школьница Галя Прозуменщикова, еще брали только первые старты рыцари «королевы спорта» и лишь готовились к первым упражнениям Лариса Латынина и Борис Шахлин, когда уже лился нескончаемый людской поток в огромный дворец из стекла и бетона «Сибуйя паблик холл». Сегодня тут происходит первый акт волнующего семиактного спектакля при участии мировых премьеров «железной игры». Мне выступать еще не скоро, но я уже полон тревоги. Да и есть отчего! Накануне я вместе с товарищами пришел на тренировку. Как и всегда, перед самыми соревнованиями большие тренировочные нагрузки пошли на снижение. Разминаясь, подхожу в рывке к небольшому для меня весу — 130 килограммов. Привычно берусь за гриф, делаю подрыв — и вдруг острая боль в правом плече заставляет выпустить снаряд. Этого только не хватало! Что ж это такое случилось? Неужто теперь, на самом олимпийском пороге, я выйду из игры по вине этой проклятой травмы?

Вывод врача неутешителен: порыв передних пучков дельтовидной мышцы. Боль не проходит, не проходит и вызванное ею состояние угнетенности. А это хуже всего...

— А ну, где тут ваш больной? — слышу я из передней женский голос.

В комнату заходит заслуженный мастер спорта профессор-медик Зоя Сергеевна Миронова. Все мы знаем и уважаем эту некогда отличную спортсменку, ныне — великолепного медицинского специалиста. Зоя Сергеевна внимательно осматривает травмированное плечо, глядит на мою кислую физиономию и говорит:

— Только без паники! Не смертельно. Будешь работать, а быть может, еще и золотую

медаль выиграешь. Если, конечно, носа не будешь вешать. Эти слова звучат для меня сладчайшей музыкой. По указанию Мироновой мне сделали несколько сеансов блокады новокаина с гидрокортизоном. Боль сразу утихла, а вместе с нею как рукой сняло и скверное настроение. Товарищи очень обеспокоены моей травмой. Каждое утро заходит ко мне в комнату председатель республиканского совета спортивного союза Владимир Васильевич Сокол.

— Ну, как дела, Ленья? Не тужи, дружище, все уладится!..

И впрямь уладилось. Вскоре я уже вышел на тренировку и с радостью убедился: могу работать! Вовеки буду благодарен Зое Сергеевне! Я всегда уважал медиков, а после этого случая готов перед каждым настоящим врачом шапку снимать.

...Сегодня первый день. Алексей Вахонин должен скрестить оружие с сильнейшими атлетами легчайшего веса, в том числе с мировым рекордсменом венгром Имре Фельди и блестящим японским штангистом Исиносеки. Все мы, конечно, волнуемся за товарища, а больше всех — Рудольф Плюкфельдер. И надо видеть, как опекает он своего ученика во время соревнований, как заботливо накрывает его одеялом в перерывах между подходами, как дрожат губы «железного Рудика», когда Алексей на помосте!

Но волнения наши были безосновательны. Вот уже последний решающий подход — и Алексей Вахонин становится первым советским чемпионом XVIII Олимпийских игр.

Итак, снова, как и в Стокгольме, Вахонин сделал «золотой запев». Как же наша шестерка подхватит его? «Пропоет» ли каждый во весь голос?

На второй день соревнований мы «выходные». Но приходим в «Сибуйя паблик холл» и видим, как бурно приветствуют японцы своего первого чемпиона-олимпийца Мияке, который на 15 килограммов обошел американца Бергера. Третье место занял поляк Новак. Хороший почин Новака развили его друзья, и польская команда заняла на Олимпиаде высокое и почетное место.

Олимпиада набирает разгон. Со всех арен грандиозных состязаний приходят вести о новых победах, новых выдающихся достижениях. Уже «позолотил» свою победоносную шпагу мушкетер Григорий Крисе. Уже надели чемпионские медали наши боксеры и еще выше взлетела слава нашего «космического прыгуна» Валерия Брумеля. Изо дня в день растет «золотой запас» советской команды.

А вот наша штангистская копилка пока драгоценным металлом не очень-то пополняется! Хотя как прекрасно выступили Владимир Каплунов и Виктор Куренцов, но недаром говорят: на каждую силу найдется сила. Первый проиграл лишь по собственному весу Вольдемару Башановскому, а второй — сильному и техничному чеху Хансу Здражиле. Конечно, и олимпийское серебро тоже, как говорится, на улице не валяется, но все же...

Зато сразу поднял настроение наш чудесный, нестареющий Рудольф Плюкфельдер.

Спокойствие и красота — вот, пожалуй, наиболее лаконичная характеристика, которую следовало бы дать выступлениям этого удивительного спортсмена. Его отточенная до ювелирного блеска техника то и дело вызывала горячие аплодисменты в «Сибуйя паблик холл». Это было последнее выступление Рудольфа на крупных соревнованиях, и он покинул помост непобежденным, с золотой олимпийской медалью.

В тот вечер мы праздновали победу Плюкфельдера в Олимпийской деревне. Ели испеченный в его честь огромный торт, запивали фруктовыми соками, пели песни. К нам пришли в гости поляки, корейцы, мексиканцы. Хозяева будущей Олимпиады принесли с собой свои гитары, и горячие, как южное солнце, мексиканские мелодии втянули в танец даже тех, кто отродясь не умел танцевать.

— Ждем вас всех в Мексике! — говорили веселые гости. — Бьенбенидос (добро пожаловать), друзья!

Мы веселились, но не без тревоги думали о завтрашнем дне соревнований. Что-то принесет он нашему полутяжеловесу Владимиру Голованову? Ведь его противником будет мировой чемпион и рекордсмен Луис Мартин... Столько блестящих побед уже добыл он! А наш Володя еще новичок на большом помосте. Газеты единодушно отдают предпочтение Мартину. Вездесущие репортеры сумели проникнуть на его тренировки и раззвонить на всех перекрестках, что Луис поднимал в тренировочном зале вес мировых рекордов. Все это, разумеется, никак не способствует нашему настроению. Но Аркадий Никитич Воробьев — наш старший тренер — совершенно спокоен. А если даже и волнуется, то очень умело скрывает это.

— Помост покажет, — медленно говорит он. — Одно — ставить мировые рекорды на тренировке и совсем другое — на виду у всего мира. Увидим...

Наш опытный и дальновидный наставник как в воду глядел. С Мартином случилось то, что не раз уже бывало в истории спорта. Чрезмерное напряжение на тренировках, желание похвастаться своими результатами перед газетчиками и одновременно нагнать страху на соперника, работа с предельными весами очень часто приводят к неутешительным результатам на соревновательном помосте. Явно переоценил свои силы и преждевременно истощился и Луис Мартин. Представитель Великобритании не смог противостоять могучему натиску молодого советского богатыря. Мартин проиграл Владимиру Голованову 12,5 килограмма и занял второе место.

Итак, три золотые и две серебряные медали. А у американцев пока ни грамма олимпийского золота. Что ж, тем упорнее будет борьба в самой тяжелой весовой категории, где американцы, как и мы, выставляют двух участников — неизменного Норберта Шеманского и молодого Гарри Губнера.

Перед последним днем мы с моим наставником Алексеем Сидоровичем Медведевым

долго гуляем по Токио, стараясь отключиться, даже не вспоминая о завтрашнем решающем дне. Идем в гости к одному японскому учителю, который давно уже приглашал нас. Гостеприимные хозяева дарят нам на память красивые статуэтки работы народных резчиков-умельцев, угощают обедом. Все, в том числе и Алексей Сидорович, обедают сидя на циновках, но мне из уважения к моим почти 160 килограммам и солидному животу (где ты, юношеская стройность?!) ставят стул.

Но полностью отогнать мысли, конечно, не удастся. То и дело лезет в голову один вопрос: как же оно будет завтра?..

И вот настало 18 октября, когда думами всех гостей Олимпиады всецело завладела штанга. Сегодня встретятся четверо — Юрий Власов, Норберт Шеманский, Гарри Губнер и я. Других можно в расчет не принимать: за золото, серебро и бронзу будут бороться не они.

К «Сибуйя паблик холл» трудно пробиться сквозь многотысячную толпу, стремящуюся попасть внутрь, хоть одним глазком поглядеть на борьбу гигантов. Мы с Алексеем Сидоровичем пробираемся к служебному входу, и я слышу, как смешно выговаривают японцы мою трудную для них фамилию. «Власов» выговаривается куда легче, да и привыкли к этой фамилии японцы! Во всем мире к ней привыкли...

Сегодня я хочу сделать попытку снова заменить эту фамилию своей в таблице мировых рекордов. А если повезет, — то и олимпийских чемпионов.

— Ты готов к этому, — говорит мне просто Алексей Сидорович, — готов, как никогда. Только спокойствие. Работай, не думая о соперниках. Просто покажи зрителям все, что ты умеешь.

Да, я готов. И сам чувствую это. Нерушимый, железный режим, рациональные многомесячные тренировки сделали свое. Вот только правое плечо... Не подведет ли оно в решающее мгновение, когда маленький довесок на гриф будет на вес олимпийского золота?..

Слышали вы, как шумит приложенная к уху раковина? Вот так шумит и гудит сегодня «Сибуйя паблик холл», внешне и впрямь очень напоминающий гигантскую раковину. В зале на несколько тысяч мест ни одного свободного. Наготове десятки киноаппаратов и телевизионных камер, осветительные приборы готовы залить своим слепящим сиянием помост, на котором уже ожидает своих укротителей «властительница всех дум» — штанга. Я чувствую, как постепенно овладевает мною предстартовая «лихорадка». Плохо, но ничего не могу с собой поделать. Алексей Сидорович замечает мое состояние. Он не говорит ни слова, лишь кладет мне на плечо свою широкую ладонь. В этом молчаливом жесте — и успокоение, и заверение: все в порядке. Ты можешь, ты сделаешь!

Занимают свои места почтенные судьи. Садится за стол апелляционное жюри. Вижу

много знакомых лиц — президент Всемирной федерации Кларенс Джонсон, вице-президенты — Константин Васильевич Назаров, Бруно Ньюберг, Жан Дам, генеральный секретарь Оскар Стейт.

Размещаются близ штанги ассистенты. Началось!

Первым из ведущего квартета выходит на помост Гарри Губнер. Дебютант Олимпиады, он до этого несколько лет выступал в моем излюбленном толкании ядра. Штанга была для Губнера лишь вспомогательным видом спорта. Но, даже еще не занимаясь тяжелой атлетикой всерьез, Губнер выжимал 180 килограммов и набирал сумму 500. Что-то покажет он сегодня!?

Губнер заметно волнуется. Ответственная задача — поддержать довольно-таки пошатнувшийся престиж команды США — давит на него, пожалуй, не меньше, чем вес. Выжать больше 175 килограммов Губнеру не удастся, а это значит, что его шансы на призовое место катастрофически уменьшаются.

Медленно и тяжело выходит на помост Норберт Шеманский. Вероятно, в последний раз испытывает ветеран свою все еще громадную силу, в последний раз посягает на звание сильнейшего в мире, которое так и не посчастливилось добыть ему. Норберт приглаживает русые, уже поредевшие волосы, и кладет руки на гриф. Вес штанги 180 килограммов.

Шеманский берет снаряд на грудь и начинает жать. Тяжело, слишком тяжело идет вверх штанга и, не дойдя до зенита, падает на помост.

Ну, вот и мой первый подход.

— Ни пуха ни пера! — слегка подталкивает меня в спину Алексей Сидорович.

Как много людей в этом зале! Перед такой многолюдной аудиторией мне доводилось выступать разве что этим летом в Киеве... Но ведь там были родные стены... Да что об этом думать?! Давай!..

Ах, как легко пошли у меня эти 180 килограммов! Как бы там дальше ни сложился жим, а стартовая площадка уже есть. И неплохая!

Второй подход Норберта Шеманского. И снова вспыхивает сплошной красный свет на судейском светофоре. Это уже очень серьезно. Угроза нуля нависает над американским атлетом... Словно как-то сразу сгорбившись, сходит Шеманский с помоста. Я вижу за кулисами, как дергается рот у Боба Гофмана, как он что-то сердито говорит своему фавориту.

Лишь в третьем подходе покоряется Шеманскому начальный вес.

Теперь только выходит на помост Юрий Власов. Для его первого подхода заказаны 187,5 килограмма. Юрий привычным, известным сотням тысяч людей движением поправляет очки и без особенного напряжения берет вес.

Моя очередь. Я подхожу к тому же весу. Надо делать все, что делает Юрий. Иначе нельзя...

Есть!

Власов просит прибавить еще 5 килограммов.

Блестяще!

У меня есть еще один подход. Взять, непременно взять!

Ох, и какая ж она тяжелая, эта штанга! Столько я еще никогда не поднимал. А сейчас надо!

Кажется, уже все силы потратил на то, чтобы взять снаряд на грудь... А где ж взять их, чтобы выпрямить руки с ним? Отчаянным усилием пробую сделать это и... бросаю штангу на помост.

— Ничего, ничего, — успокаивает меня Медведев. — Твое еще впереди!

Слабое утешение. Ведь Юрий заказывает 197,5 — вес мирового рекорда. А если заказал, значит, возьмет. Он никогда не зарывается, не тратит напрасно сил, необходимых ему для последующих движений.

И вот уже громоподобно бьет в ладоши переполненный зал. Только что тут родился новый мировой рекорд, а Власов кланяется, сжимая над головой могучие руки, и благодарит зрителей.

Теперь он опережает на 10 килограммов меня и на 17,5 — Шеманского. Смогу ли я преодолеть такое отставание?

Начинается второй акт богатырского поединка. Гарри Губнер тут уже не более как статист: слишком сильно отстал он, чтобы рассчитывать на призовое место!

Шеманский осторожно начинает со 155. Еще два раза прибавляют ассистенты по два 2,5-килограммовых «блина», и американец покидает помост с результатом 165. Я беру 160.

Начальный вес Власова — 162,5. Он быстро подходит к штанге, делает подсед и, не успев выпрямиться, бросает снаряд за спину и падает сам...

Как один человек, ахнул огромный зал. Юрий поднимается, идет за кулисы и успокаивающим движением руки останавливает метнувшихся ему навстречу товарищей: все будет в порядке.

Я заказываю для второй попытки 167,5 и фиксирую этот вес. Второй подход Власова. Снова залегает в зале настороженная тишина. И снова неудача! Зрители взволнованы. Я вижу, как тревожно переглядываются Воробьев и тренер Власова Сурен Богдасаров. Еще один такой срыв — и Юрий потеряет все!..

А он внешне все так же спокоен. Разве что немного чаще поправляет очки и немного дольше, чем обычно, натирает ладони магнезией. Вот Власов снова на помосте, снова наклоняется к снаряду. Ну наконец-то!

Итак, я все-таки отыграл 5 килограммов. А быть может, удастся и вовсе ликвидировать разрыв? Ведь у меня есть еще один подход... И как-никак рывок — это ведь мое коронное упражнение!

Алексей Сидорович одобрительно кивает головой: давай!

На штанге 172,5. Стоит взять их — и я вновь мировой рекордсмен.

А, черт побери!.. Тяжелое падение неподнятого снаряда, и я, раздосадованный, спешу за кулисы.

Теперь, как обычно, все решит толчок... Но что это? Никто не готовит штангу к последнему движению, а Юрий, обменявшись несколькими словами с Богдасаровым, снова выходит на сцену.

Значит, четвертый подход. Неужто после того, как едва покорились ему 162,5 килограмма, он замахнется на мировой рекорд? Сделает то, что сейчас не удалось мне?

Смелость всегда импонирует зрителям. И авансом летят аплодисменты навстречу Юрию. Что ж, он из тех, кто всегда отрабатывает авансы.

Короткое, напряженное мгновение... Кажется, одно сердце бьется сейчас в груди у тысяч людей...

Взял!

И тишина раскалывается рукоплесканиями и криками на всех языках. Но нам слышнее всего приветствия «Мо-ло-дец!», летящие с трибуны, где сидят советские туристы.

Мне, неудачнику, остается утешаться лишь тем, что рекордный результат в зачетную сумму не входит.

Толчок. Уже несколько часов продолжаются соревнования. Пока не дойдет очередь до лидеров, можно немного отдохнуть и собраться с мыслями, рассыпанными, как магnezия в вазах, которым придана форма цветов. Один из журналистов довольно образно написал, что из этих цветов на зеленом ковре, напоминающем травяной покров, словно черпают волшебную силу руки атлетов.

Улегшись на кушетку и накрывшись легким одеялом, я думаю о родном доме, о Рае, Русике. Они давно уже спят в этот поздний под нашими широтами час. А утром радио принесет им весть о результатах этого трудного и долгого поединка. Порадует или огорчит? Э, да что там загадывать!.. Кто-то из наших ребят вчера напомнил смешной афоризм бравого солдата Швейка: «Пусть будет, как будет, потому что как-нибудь да будет, и никогда еще не было, чтоб как-нибудь да не было!» Нечего сказать, хорошенькое утешение! Нет, не улежать мне на этой жесткой кушетке. Я встаю и делаю несколько разминочных упражнений со средним весом. Надо собраться. Настает мой час!..

Уже закончил свое выступление Гарри Губнер. Уже Норберт Шеманский взял в последнем подходе 192,5 килограмма, набрав сумму 537,5. Давно ли такая сумма была

пределом мечтаний? А теперь с нею больше чем на бронзу нечего и рассчитывать.

Итак, золото уже безусловно будет нашим, советским. То, что запланировал для нас с Юрием Аркадий Никитич Воробьев, вырабатывая тактику командной борьбы в нашей весовой категории, осуществлено. И тренер больше не вмешивается в наши действия. Теперь мы вдвоем, только вдвоем будем разыгрывать золотую и серебряную медали. Чьими ж будут они?.. Медведев заказывает для моего первого подхода 200 килограммов. Я слышу, как диктор объявляет об этом ломаным русским языком. О, это уже что-то новое! До сих пор все объявления делались только по-японски и по-английски. Хорошая примета!

Начальный вес беру довольно легко. И с такой же легкостью Власов фиксирует 205 килограммов. Снова пролег меж нами десятикилограммовый рубеж. А Юрий уже готовится ко второму подходу. Старательно и неторопливо натирает магниезией руки, грудь, шею, подошвы ног... И вот берется за гриф снаряда. Я уже не вижу, что делается на помосте, но вспыхивают аплодисменты в зале, и мне все понятно: взял! Что же делать мне? Подойти к этому же весу и попробовать снова сократить до 5 килограммов дистанцию между мною и Власовым? А дальше что будет?

А может...

— Ну как, справишься? — тихо спрашивает Алексей Сидорович, и я понимаю: мы думаем об одном.

— Попробую, — отвечаю хриплым от волнения голосом, и Медведев просит поставить на штангу 217,5 килограмма.

Вот она, «вся тяга земная», которую носил с собой в суме переметной былинный богатырь Микула Селянинович! На что же ты замахиваешься, бедняга? Ведь такого веса еще никто и никогда в мире не поднимал!

И я не поднимаю. Едва оторвав штангу от помоста, бросаю этот страшный груз и убегаю прочь...

В первых же интервью после окончания Олимпиады кое-кто из слишком «проницательных» газетчиков говорил мне:

— Ну, признайтесь, ведь вы могли взять этот вес во втором подходе? Это была ваша тактика, не так ли? Вы просто хотели усыпить бдительность Власова, заставить его пойти на меньший вес, а уж потом... О, это было очень предусмотрительно и хитро!..

Если кто-нибудь и теперь думает так, я повторяю то, что сказал тогда: чепуха! Ну как можно на соревнованиях такого масштаба и накала терять подход, предпоследний подход, ставить на карту все во имя какой-то глупой тактики?! При такой хитрости легче всего перехитрить самого себя. Да, я был готов взять этот вес, но за время между двумя подходами Власова несколько остыли мышцы, которые и не справились с рекордным

весом. И пока на помосте Юрий Власов совершал свою третью безуспешную попытку, я старательно разминался. Такова правда об этом обросшем тиною выдумок и сплетен эпизоде...

Вот и настает финал почти семичасового акта олимпийской борьбы тяжеловесов. Я остаюсь один на один с непокоренной штангой. Вот лежит она, эта гора металла, готовая вмиг взбунтоваться, едва я попробую стать ее властелином. А стоит ли пробовать? Стоит ли класть на одну чашу весов 217,5 килограмма стали, чтобы на другую лег почти невесомый кружок олимпийского золота?..

Но если я скажу не стоит, то, значит, к черту все эти девять лет борьбы с металлом! Значит, всю свою сознательную жизнь я гнался за химерой и спорт вообще не мое призвание!

Но все эти мысли пришли ко мне позже, когда все уже было кончено. А тогда, в азарте борьбы, я вряд ли был способен рассуждать так логично и глубокомысленно. Просто знал: надо взять! А если не попытаюсь, то никогда самому себе этого не прощу!

И я выхожу на помост, совершаю обычный ритуал у «жертвенной» чаши с магниезией, ту же затягиваю пояс, словно солдат перед смотром, и кладу натруженные ладони на еще теплый от рук Юрия гриф. Слышу только напряженное дыхание зала и тихое стрекотание кинокамер.

Р-раз! Штанга уже на груди. Ну, теперь толкну! Толкну или копейка мне цена! Копейка, а не золото!..

И я толкаю! Вот уже и выпрямлены вверх руки. Три секунды!.. Только б удержать!.. Только б...

Я не слышу команды судьи. Горный обвал рукоплесканий обрушивается на меня. А я еще не верю. Еще держу над головой стальную громадину, словно окаменелый...

Все! Сбылось! Покорным, ласковым зверем лежит снаряд у моих ног, а я все еще не понимаю, что произошло, и только улыбаюсь счастливо и растерянно, внимая разноязыким восклицаниям: «ура!», «банзай!», «вива!», «хох!». Да неужто это правда? Неужто я — олимпийский чемпион?.. Неужели набрал 572,5 килограмма в сумме?.. Снова и снова сжимаю над головою руки в знак благодарности всем этим милым людям, что так приветствуют меня. А потом попадаю в переплет и, изрядно помятый, выхожу из объятий товарищей. Подходит Власов, крепко жмет руку:

— Поздравляю! Не думал, что ты возьмешь...

Спасибо, Юрий! Спасибо за науку, за пример!

И вот мы уже стоим втроем — я, Власов и Шеманский — на пьедестале славы. Звучит твой гимн, Родина, и медленно поднимается ввысь наш гордый, победоносный стяг... Вот оно, счастье!

И снова бой!..

Правду говорят: слава тяжелее штанги! Едва вырвался из окружения репортеров и любителей автографов. Насилу добрался до своего коттеджа, где жили мы втроем — с Рудольфом Плюкфельдером и Владимиром Каплуновым. Утомленный до предела всеми переживаниями этого навеки памятного для меня вечера, свалился на кровать, выжатый как лимон, и проспал почти до полудня.

Разбудили меня ребята, принесшие целый ворох утренних газет, где во всех деталях описывались вчерашние соревнования. «Тот, кто не видел поединка Власова и Жаботинского, — не видел Олимпиады», — писала одна из них.

Утром первый же визит к моей спасительнице — Зое Сергеевне Мироновой. Принес ей все полученные вчера цветы...

Олимпиада финиширует. Последние старты, последние решающие встречи. И вот уже подводятся итоги двухнедельной напряженной борьбы под олимпийскими кольцами. Не все удалось нашим олимпийцам. Были и досадные проигрыши, и неожиданные потери. Но и завоевано много. Все сделали что могли, соревнуясь за честь своей Родины, во славу спорта. И на торжественном вечере, посвященном чествованию наших олимпийцев, среди других чемпионов был вручен и мне значок заслуженного мастера спорта Советского Союза.

И еще одной большой чести был удостоен я в эти дни. На параде закрытия XVIII Олимпийских игр я пронес по дорожке Национального стадиона государственный флаг Страны Советов.

А когда завершили свое шествие знаменосцы, поле стадиона расцвело всеми оттенками радуги. С цветами и флажками в руках на него вступила многотысячная интернациональная колонна. Плечо к плечу шли спортсмены 94 стран, слившись в единый цветистый и радостный поток. Шли обнявшись вчерашние соперники — соперники в спорте, друзья в жизни, объединенные общей идеей мира и дружбы между народами, которой так славно послужила Токийская олимпиада...

Мы прощались с японской столицей. Город, ставший близким каждому из нас, каждому устами своих жителей-тружеников сказал сердечное: «Сайонара!» (До свидания!).

Сайонара, Токио!.. Сайонара, друг, так гостеприимно принимавший нас в своем доме, так искренне говоривший о своем стремлении побывать в нашей стране, поклониться Ленину!

И вам сайонара, малыши-школьники, с такой сердечностью дарившие нам бумажных журавликов — символ счастья и долголетия!

Сайонара, друзья!

Снова несколько часов полета на «ТУ-114» — и здравствуй, Родина! Уже знакомый Хабаровский аэропорт, и те же люди, которые две с лишним недели назад провожали нас в

далекое путешествие, теперь приветствуют олимпийцев с победой. Чуть ли не весь город собрался здесь, и хабаровский житель Володя Каплунов сияет от радости:

— Видишь, как у нас любят спорт! Где еще найдешь таких болельщиков, как хабаровцы! Вместе с Медведевым, Плюкфельдером, Вахониным переночевали в гостеприимном доме Каплунова, а утром продолжили путь в Москву.

Снова многолюдная встреча в аэропорту. И тут ждала меня самая радостная неожиданность. Едва ступив с самолета на трап, я увидел в толпе встречающих мою Раю с Русланом на руках.

Москва раскрыла объятия олимпийцам. Навсегда останутся в памяти, в сердце торжественный и сердечный прием в Кремле, беседы с Алексеем Николаевичем Косыгиным, Анастасом Ивановичем Микояном, Родионом Яковлевичем Малиновским. В тот вечер министр обороны поздравил меня с офицерским званием...

Через несколько месяцев я снова прошел широким кремлевским подворьем, вместе с другими нашими спортсменами вошел в большой зал и с невыразимым волнением принял из рук Анастаса Ивановича Микояна дорогую награду Родины — орден Трудового Красного Знамени.

В те дни, впервые за много лет, я почти не тренировался. Ездил по запорожским заводам, снова и снова рассказывал о всех перипетиях олимпийских баталлий, отвечал на бесчисленные вопросы. Да и в квартиру нашу не прекращалось паломничество. Дом большой, соседей много, и все ведь болели за меня — ну как тут откажешься снова и снова вспоминать о поединке с Юрием Власовым, о Валерии Брумеле, Галине Прозуменщиковой, о феноменальном абиссинском марафонце Абебе Бикиле и обо всем прочем!

В конце концов, мой ближайший сосед и спутник по охоте Григорий Наумович Жеребило по собственной инициативе берет надо мною «шефство».

— Ну, сколько можно рассказывать одно и то же? — ворчит он, когда очередной гость садится за стол и готовится слушать. — Давайте уж я расскажу, а Леонид пусть немного передохнет.

— Ничего, ничего, — смеется Рая. — Умел выступать — пусть умеет и ответ держать!

Идут и к Руслану (как он подрос, мой мальчик!) все дворовые дети — от трех до пятнадцати, и он показывает им отцовские награды, смешные фигурки, подаренные мне токийским учителем, и другие японские сувениры.

Ко мне приехали отец и мать, и вместе с Раинными родителями — Николаем Михайловичем и Татьяной Яковлевной — мы в тесном семейном кругу отмечаем мою победу. А затем я еду в Харьков. И вот уже вхожу через знакомую проходную на ХТЗ, иду в свой котельно-монтажный и попадаю в объятия Юрия Манченко, Бориса Кривошеева — всех моих верных друзей.

— Это ж подумать только! — разводит руками Михаил Владимирович Зобарев. — Ленка Жаботинский — олимпийский чемпион! — И добавляет, смеясь: — Что значит моя школа!.. Да, это ваша школа, дорогой Михаил Владимирович! Школа нашего завода, всей нашей советской жизни, которая учит работать, бороться, стремиться к цели!..

В течение нескольких дней встречаюсь с тракторостроителями в цехах во время обеденного перерыва, выступаю в заводском Дворце культуры, в своей школе, институте. В этом году я наконец заканчиваю учебу. Если удастся сдать как следует государственные экзамены, значит, будет достигнута еще одна цель...

Да, надо работать! Готовиться и к экзаменам, и к предстоящему первенству страны. А то я уж совсем тренировки забросил! Не успеешь оглянуться, как из чемпиона в аутсайдеры попадешь! Вон Виктор Андреев (он сейчас присоединился к луганской «могучей кучке») побил мировой рекорд Власова в жиме — взял 198 килограммов. Да и сумма у него такая, что с нею считаться надо, — 542,5... Хватит, хватит бездельничать. За работу!

А я-таки соскучился по ней. По той тяжелой и благословенной работе с металлом, которая каждый раз вгоняет тебя в седьмой пот, но зато ведь и поднимает на «седьмое небо», когда ты пожинаешь ее плоды... Втягиваюсь в обычный ритм тренировок, и к майскому чемпионату СССР подхожу в неплохой форме.

Соревнования происходят в Ереване. Я впервые попадаю в этот южный город, люблюсь его красивыми, своеобразной архитектуры строениями из розового туфа и священной горой армян Араратом, чем-то напоминающей мне недавно виденную Фудзияму.

Ереван — город славных тяжелоатлетических традиций. В один из первых дней моего пребывания здесь в двери номера гостиницы постучали:

— Войдите!

Вошел большой, могучий человек с седыми висками.

— Будем знакомы — Амбарцумян!

Так вот он какой, этот легендарный Серго Амбарцумян! Тридцать лет назад это имя гремело по всей стране. Амбарцумян был сильнейшим советским тяжеловесом, пока не победил его молодой Яков Куценко. Серго спрашивает о Якове Григорьевиче, о Киеве и Харькове, где у него много добрых друзей. А тут, в Ереване, он и теперь окружен общим почетом. В народе его называют «варпет», что означает — мастер. Так величают армяне лишь очень* уважаемых и заслуженных людей.

Знакомлюсь с экс-чемпионом мира Рафаэлем Чимишкяном, Рубеном Манукяном и другими известными армянскими тяжелоатлетами. Перед такими знатоками хочется выступить как можно лучше. Я выиграл соревнования с суммой 552,5 килограмма, обойдя на 12,5 Виктора Андреева. Бронзовым призером стал Станислав Батищев. Этот студент Криворожского

горнорудного института прогрессирует от соревнования к соревнованию. Он и сейчас еще далеко не сказал своего последнего слова в «железной игре».

Гостеприимные армяне сердечно приветствуют победителей.

По народному обычаю нам преподносят корзины с цветами и виноградом. Как писал некогда Максим Рыльский:

Цветы и виноград!

Прекрасное с полезным!..

Едва успеваю немного отдохнуть от ереванского первенства, как в двери уже снова стучится «муза дальних странствий». И с какой приятной вестью! Мне предлагают ехать в Париж для участия в соревнованиях в честь 60-летия Французской тяжелоатлетической федерации.

Напевая песенку Ива Монтана о Больших Бульварах, укладываю чемодан... И вот уже вижу их воочию, Большие Бульвары, Елисейские поля, Триумфальную арку, Собор Парижской Богоматери и все другие парижские чудеса, о которых столько слышал и читал. Вместе с моим спутником, мировым рекордсменом в полутяжелом весе волгоградцем Анатолием Калиниченко, с утра до вечера осматриваем чудесный город, долгие часы бродим по залам Лувра, в немом восхищении останавливаемся перед шедеврами мирового искусства.

В федерации Жан Дам представил нас пожилой даме с большими черными, совсем еще молодыми глазами. Это вдова Шарля Ригуло — знаменитого французского тяжелоатлета 20—30-х годов. Мадам Ригуло живо интересуется спортивной жизнью в Советском Союзе, расспрашивает о своих давних знакомых — Куценко, Шатове, Воробьеве. Да и вообще, где бы мы ни бывали в Париже, нам приходилось без конца рассказывать о нашей стране, нашем спорте. Во время посещения Сорбоннского университета любознательные студенты заставили нас провести едва ли не целую пресс-конференцию. Разговор вышел далеко за пределы чисто спортивных вопросов и нередко прерывался аплодисментами и восклицаниями:

— Вив ля Совет!

Побывали мы и в Высшей школе физической культуры. Тут разговор с преподавателями и студентами был уже специальный — расспрашивали о советской системе физического воспитания, об особенностях наших тренировок. Популярность физкультуры и спорта во Франции огромна. Недаром ведь именно здесь родилась выдвинутая великим гуманистом Пьером де Кубертэном идея возрождения олимпийских игр.

Уже установилась такая традиция, что советские спортсмены, находясь во Франции, непременно посещают редакцию «Юманите». Побывали и мы там, «Юманите» широко и квалифицированно освещает спортивную жизнь. Кому не известны проводимые каждую весну кроссы «Юманите», в которых вот уже столько лет неизменно побеждают советские бегуны! В редакции нам показали старый фотоснимок, на котором изображены наши

старшие товарищи — Яков Григорьевич Куценко и Аркадий Никитич Воробьев вместе с одним из основателей газеты, выдающимся деятелем коммунистического движения Марселем Кашеном. Этот снимок сделан в 1950 году. Сфотографировались и мы вместе с сотрудниками редакции на добрую память.

Познакомились мы с еще одной, правда мало кому известной, парижской газетой. Как-то к нам подошел высокий старый человек атлетического вида и отрекомендовался:

— Александр Красовский. Спортивный обозреватель «Русских новостей».

Мы невольно насторожились: белоэмигрантская газета! Такое знакомство, казалось, не обещало ничего хорошего. Но это была ошибка. Газета и в самом деле была эмигрантской, но «белого» в ней ничего не осталось. Давно уже произошло расслоение среди русской эмиграции в Париже, и лишь жалкая кучка престарелых монархистов продолжает питать свои последние дни лютой злобой против Советского Союза. Абсолютное же большинство бывших белоэмигрантов, не говоря об их детях и внуках, давно смотрит по-новому на нашу страну, восторгается ее великими свершениями, гордится ее всемирной славой, Многие из них в послевоенные годы получили советское подданство. И небольшая газета «Русские новости» вполне лояльно, доброжелательно и объективно освещает все стороны жизни в Советском Союзе, в том числе и наше спортивное движение. Жадно ловят парижские россияне каждую вест с Родины, мечтают посетить нашу страну.

— Да, это мечта каждого! — вздыхает Александр Красовский. — И я еще надеюсь на склоне лет поклониться родной земле, моей Киевщине.

В предреволюционные годы Красовский был одним из известных киевских атлетов, соратником Константина Павленко, Федора Гриненко и других наших первых рекорсменов мира в поднятии тяжестей. В период революции, не разобравшись в ходе событий, он покинул Родину в трудные для нее дни. Со временем пришли раскаяние и нестерпимая тоска по родному краю, перед которым Красовский теперь искупает свою вину, правдиво и умело рассказывая читателям «Русских новостей» о советском спорте, его успехах и победах.

В Париже нам еще не раз доводилось встречаться с русскими эмигрантами. И от каждого из них слышали мы слова горького сожаления о совершенных некогда непоправимых ошибках, жадные вопросы:

— Ну, как там у нас дома?..

Очень много было русских и во время нашего выступления на соревнованиях. После окончания они обступили нас тесным кругом, и каждый непременно хотел пожать нам руки, сказать несколько восторженных слов, хотя, откровенно говоря, уровень соревнований, а стало быть, и спортивных результатов был довольно скромным.

Хочу вспомнить об одном небольшом эпизоде перед соревнованиями. Готовясь ехать на выступление, я вдруг обнаружил, что забыл дома пояс — тот самый широкий пояс, который является непременной деталью амуниции каждого штангиста и выступать без которого довольно рискованно.

Вот беда! Ну что теперь делать? Организаторы соревнований начали лихорадочно подыскивать для меня другой пояс. Перемерили пояса всех участников соревнований, но (снова, уже в который раз, с печалью вспоминал свою былую юношескую стройность!) ни один не сходил на моем животе. Как же быть?..

— Поехали на фабрику, — сказали мне. — Там сделают...

Вряд ли выполнила в этот час свое производственное задание фабрика кожгалантереи. Работа прекратилась, все рабочие ближних цехов сбежались туда, где лучший мастер взялся срочно выполнить «почетный заказ», и не расходились, пока я не примерил отличный новый пояс. И каждый хотел пощупать его и одновременно пожелать советскому спортсмену носить на здоровье обновку и ставить в ней новые рекорды. А владелец фабрики вовсе не жалел о потерянном рабочем времени. Он использовал это небольшое происшествие по-своему. Уже перед отъездом из Парижа мне показали газету с большим рекламным объявлением:

«Сильнейший человек мира, олимпийский чемпион Леонид Жаботинский пользуется поясом нашей фирмы! Покупайте наши изделия!»

А пояс я храню и теперь. И каждый раз, надевая его перед выступлением, вспоминаю прекрасный Париж и крепкие пожатия рук его рабочих — умелых рук, так быстро и старательно изготовивших для меня эту действительно отличную вещь.

Я видел эти руки и тогда, когда они держали плакаты с лозунгами протеста против развязанной американскими империалистами войны во Вьетнаме, с призывами к забастовке, с требованиями повышения зарплаты. Это было в аэропорту Бурже, персонал которого бастовал в эти дни. Это был другой Париж, Париж без ночных кабаре, Париж внуков коммунаров и сынов Марселя Кашена. Таким и запомнил я его в последние часы своего пребывания во французской столице. И единственный самолет, поднявшийся в тот день с бетонированной дорожки аэропорта Бурже, взял курс на Москву...

...Возвратившись домой, я сразу же закопался в учебники. Надвигались государственные экзамены в институте, и надо было подготовиться как следует. Спортивные и семейные обстоятельства заставили меня в свое время взять академический отпуск, а теперь приходилось наверстывать упущенное. Подготовка к экзаменам заставила меня отказаться от участия в первенстве Европы, происходившем в Софии. Хотя причина была, безусловно, уважительной, но я и донныне чувствую угрызения совести, когда думаю о том, что все-таки

мог чем-то помочь нашей команде, потерпевшей в Софии поражение. Первое поражение за пятнадцать лет!

И надо ж было так случиться, что и Владимир Беляев, и Виктор Андреев — оба, дебютанты европейского помоста, получили в жиме нули! Володя не смог преодолеть просто смехотворный для себя начальный вес — 125 килограммов, а Виктор — мировой рекордсмен в жиме — спасовал перед 180 (на 18 кг меньше его рекорда!). На первое место вышла сильная и дружная сборная команда Польши.

Софийское поражение снова подтвердило, казалось бы, давно известную необходимость заранее обстреливать молодых на больших международных соревнованиях. Ведь большая сила и хорошая техника Беляева и Андреева не вызывали никаких сомнений. Не хватило, стало быть, воли к победе и опыта соревнований на высоком уровне. Поучительный, но горький урок!

...И вот сданы государственные экзамены. Отныне я дипломированный учитель физического воспитания. Что и говорить, неплохое прибавление к профессии токаря четвертого разряда и лейтенантскому званию!

— Теперь мы с тобой наконец найдем общий язык. Я учительница и ты учитель! — смеется Рая.

Она приехала вместе со мной в Харьков и страшно переживала под дверьми аудитории, где я сдавал экзамены. Вместе пришли мы и на выпускной вечер, организованный в одном из живописных уголков парка имени Горького. Снова сидим мы рядом со старыми институтскими друзьями — двумя Юриями — Поярковым и Венгеровским, с Леней Савенковым, поднимаем прощальные бокалы, я беру гитару, и снова звучит давняя студенческая песня:

— От Евы и Адама

Пошел студент упрямый.

Пошел неунывающий народ.

Студент бывает весел

От сессий и до сессий,

А сессии всего два раза в год!

Попрощались, поблагодарили в последний раз преподавателей и профессоров, а через два дня я уже ехал в составе советской спортивной делегации в Вену на празднование юбилея газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме». Такой уж выдался урожайный на поездки год! Был штангистом — стал туристом!

Едем смешанной штангистско-боксерской группой. Первую часть этого содружества представляют Рудольф Плюкфельдер, Александр Курынов и я, вторую — Валерий

Попенченко и Вячеслав Степашкин. Ребята все веселые, компанейские, в таком обществе не заскучаешь.

Вена очаровала сразу красотой своих улиц и парков, поэзией знаменитого Венского леса, прославленного Штраусом на все времена. Мы осмотрели штраусовские места в австрийской столице, побывали на могиле творца непревзойденных вальсов. Неподалеку покоится прах великого Бетховена. И на этом же кладбище мы возложили венок у памятника советским воинам, отдавшим свои жизни в боях за Вену, за освобождение австрийского народа от гитлеровского ярма. Память павших героев свято чтят жители города. Никогда не вянут живые цветы на их братской могиле.

Осмотрели центр города, чудесный Пратер, побывали в музеях, посетили редакцию «Фольксштимме», где нам устроили сердечный прием. Соревнования в честь юбилея популярной газеты не представляли значительного спортивного интереса. Это были, скорее, показательные выступления, однако венцы так горячо воспринимали каждый выход советских штангистов и боксеров, словно решалась судьба, по меньшей мере, олимпийского золота или мирового первенства.

Но оно, это первенство, вскоре должно было состояться совсем в другом месте, за несколько тысяч километров от Австрии, Уже не первый месяц жили мы мыслями о Тегеране — резиденции чемпионата мира 1965 года. О предстоящих соревнованиях и вела бесконечные разговоры наша штангистская тройка. Собственно говоря, непосредственно касался будущий чемпионат лишь двоих из нас — Саши Курынова и меня. Рудольф Плюкфельдер уже завершил свои выступления на большом помосте и волновался лишь за своего ученика и друга Алексея Вахонина — нашу надежду к легчайшему весу. А я ждал встречи на помосте со своим токийским соперником Гарри Губнером, а может быть, и с новой звездой американской тяжелой атлетики — Робертом Беднарским, если Боб Гофман решит снова выставить двух тяжеловесов.

...Остается позади советская земля. Наш автобус едет по мосту через реку Араке. За нею — Иран. И тут мы не в образном, а в буквальном смысле этого слова собственными глазами видим «границу на замке». Посреди моста — ворота. На воротах — замок. Обыкновенный замок, как на любых обыкновенных воротах. Наш пограничник открывает его обыкновенным (вовсе не государственного вида) ключом, ворота распахиваются, и мы проезжаем в них. Еще несколько десятков метров по ничейному участку моста — и нас уже встречают иранские пограничники.

Нас — это значит Алексея Вахонина, Виктора Курепцова, Владимира Каплунова, Александра Курынова, Александра Кидяева, Анатолия Калиниченко и меня. Возглавляет наш коллектив Аркадий Никитич Воробьев. С нами и врач — Герман Александрович Титов.

Едем по опаленной солнцем каменистой иранской земле и то и дело видим странные картины, знакомые нам разве что из кинофильмов. Вот крестьянин пашет землю деревянной сохой, покрикивая на истощенных буйволов. Вот улицей убогого села идут завешенные паранджой женщины с глиняными кувшинами на головах. Да, бурный мутный Араке разделяет не только две страны, но и две эпохи!

В Тегеране нас приветливо встречают представители местной тяжелоатлетической федерации. Среди них — Прославленный Намдью — бывший неоднократный чемпион и рекордсмен мира. Как старые знакомые, по-дружески обнимаются они с Аркадием Воробьевым, который был участником прошлого тегеранского первенства мира, в 1957 году.

В Иране любят и почитают тяжелую атлетику и борьбу. Эта страна дала миру немало выдающихся силачей. В Тегеране существует единственное в своем роде заведение — Зурхане. В буквальном переводе это означает просто «низкое помещение», но название это давно уже устарело, и все с полным основанием называют его «Домом силы».

Мы побывали в этой основанной много столетий назад школе богатырей. Что и говорить, она заслуживает подробного описания.

Над входом возвышается чудесный барельеф, изображающий древнего иранского воина, поднявшего над Головою противника. Внутри дома — небольшой зал, украшенный бронзовыми барельефами и множеством маленьких зеркал, среди которых спрятаны разноцветные лампочки. Их свет, отражаемый зеркалами, Придает помещению совершенно сказочный вид. В зале против круглой арены — несколько десятков мест для зрителей. Тут же расположены ложа шахиншаха (Мохаммед Реза Пехлеви нередко посещает Зурхане) и ложа певца-декламатора, сопровождающего исполнением стихов древних иранских поэтов выступления богатырей.

Вот появились и они, десять полуголых атлетов, В коротких кожаных штанах, украшенных национальным орнаментом. В такт пению и звукам барабана «тебло» они сначала выполняют разминочные и дыхательные упражнения, а затем берут в руки булавы.

Вес их довольно солидный — 20—30 килограммов, но в Зурхане сохраняется и 50-килограммовая булава, которой орудовал какой-то силач древности. Атлеты выполняют упражнения с булавами — перебрасывают их из руки в руку, подбрасывают вверх, жонглируют ими. Далее следуют более легкие упражнения — прыжки, обороты в воздухе, в которых атлеты проявляют недюжинную ловкость. А потом начинаются самые тяжелые упражнения — с железными цепями, которыми силачи пользуются словно эспандерами.

Школу Зурхане прошло большинство известных иранских штангистов и борцов. Намдью тоже воспитывался здесь. Это заведение пользуется большой популярностью в народе, и иранцы охотно показывают его гостям своей столицы.

Тегеран, как и большинство азиатских городов, резко разграничен на две части — старую и новую. Контраст между ними огромный. Есть тут немало чудесных проспектов с многоэтажными, самого современного вида домами, фешенебельными отелями, роскошными дворцами местной знати и буржуазии. Но большинство населения этого почти двухмиллионного города до сих пор живет в глинобитных мазанках без всяких удобств. Даже водопровода тут нет, и население старого города вынуждено пользоваться водой из колодцев или арыков, а то и покупать ее у торговцев, которые развозят воду в бочках.

Нам устроили прием в советском посольстве. Помещается оно в старом, но очень красивом доме — бывшей резиденции посла царской России. Именно в этом доме 140 лет назад произошла большая трагедия. Подстрекаемая нанятыми на английское золото муллами разъяренная толпа убила тут «вазир-мухтара» — русского посла Александра Сергеевича Грибоедова.

Показали нам и дом, связанный с памятным событием недавних лет, — дворец, где происходила Тегеранская конференция руководителей великих держав. Да, Иран не раз становился узловым местом событий мировой истории, и иранский народ на опыте многих лет убедился, что его великий северный сосед — Советский Союз — надежный и испытанный друг. С помощью нашей страны здесь построен ряд промышленных предприятий. Наши новые тегеранские знакомые говорили нам о том, что советские специалисты уже приступили к проектированию большого металлургического комбината в Исфагани и что введение в строй этого предприятия избавит страну от необходимости импортировать металл.

Проведение в Тегеране тяжелоатлетического первенства мира вызвало огромный интерес у любителей спорта сильных. Мы приехали сюда полные надежд взять у поляков реванш за софийское поражение. Но не так сложились дела, как этого нам хотелось. На выступлениях наших атлетов, очевидно, сказалась в определенной степени усталость после переезда (пожалуй, надо было приехать несколько раньше), кое-кто вообще был не в лучшей форме. Уже само начало соревнований было отмечено для нас досадной неудачей. Алексей Вахонин не взял в жиме начального веса — 107,5 килограмма. Правда, после этого Виктор Куренцов в отличном стиле выиграл золотую медаль, но потом снова все полетело вверх тормашками. Владимир Каплунов проиграл Вольдемару Башановскому, а Александр Курынов вынужден был удовлетвориться даже бронзой. Не выправил положения и Александр Кидяев — его превзошел польский рекордсмен мира Норберт Озимек. Наконец, дошла очередь до Анатолия Калиниченко. Но и он выступил не лучшим образом и проиграл Луису Мартину. Невеселыми возвращались мы ежедневно из зала соревнований в отель. Как в воду опущенный ходил Аркадий Никитич Воробьев. А я даже аппетит потерял от таких дел. Ведь надо же! Впервые меня назначили капитаном нашей сборной, и вот тебе на!

— Ну, теперь надежда только на тебя, капитан! — невесело сказал мне старший тренер.

И в самом деле, не хватало еще и мне проиграть!

Но этого не случилось. Я победил Гарри Губнера, набрав в сумме 552,5 килограмма.

Американец отстал на 7 килограммов. Третьим был венгерский тяжеловес Эчер (512,5 кг).

Итак, у нас всего две золотые медали, и польская команда снова стала первой. Столько лет советские спортсмены никому не проигрывали на чемпионатах мира!

Немного подняло мое и наше общее настроение только то, что в рывке, в дополнительном подходе, я поднял 173 килограмма, улучшив на 500 граммов мировой рекорд Юрия Власова.

Итак, я снова стал обладателем двух мировых рекордов — в рывке и толчке. Все это, конечно, неплохо. Но мне не дает покоя мысль, что капитанского звания я все же не оправдал, если команда вернется домой побежденной. И вид у меня такой кислый, что неунывающий Володя Каплунов шутя толкает меня в бок:

— Капитан, капитан, улыбнитесь!

И хотя в день показательных выступлений Алексей Вахонин и Анатолий Калиниченко установили два мировых рекорда (первый — 143,5 кг в жиме и второй — 150,5 кг в рывке), настроение у меня ниже среднего. Да, не слишком хорошее воспоминание осталось бы у меня о 1965-м, если бы не одно очень большое и радостное событие, происшедшее именно в этом году: в августе меня приняли в ряды партии.

Новые путешествия.

— Вставай на зарядку, папа!..

На всю квартиру звенит веселый голосок Руслана, И хочешь не хочешь, приходится рано-ранешенько подниматься с постели и становиться рядом с сыном. А он уже здорово подрос, мой малыш, почти до пояса Рае достает. Жаль только, что мало я его вижу — тренировки отнимают уйму времени, да и ездить приходится слишком часто. Ничего не попишешь: назвался чемпионом — укладывай чемодан!

Вот и снова, в пору апрельского цветения, когда так хочется побыть с семьей, походить с Раей и Русиком по любимым местам нашего Запорожья, «молодому казаченьку дороженька пахнет». На этот раз — в Африку — в Алжир и Объединенную Арабскую Республику.

Сборная тяжелоатлетическая команда СССР едет для совместных тренировок с арабскими друзьями. Кроме давних спутников — Вахонина, Каплунова, Куренцова, Бровко, летят с нами молодой эстонский полутяжеловес русоволосый (немного похожий на моего любимого Георга Отса) Ян Тальтс, Владимир Беляев и Георгий Дяченко. Я очень рад, что возглавляет делегацию Николай Петрович Лапутин. Заслуженный мастер спорта, ректор Киевского института физкультуры, он умеет сплотить коллектив, скрасить трудную минуту отцовским словом и добрым советом. Старшим тренером команды назначен Владимир Стогов.

Летим через Белград, и вот уже под нами синие волны Средиземного моря и белокаменные строения города Алжира на побережье. Здравствуй, Африка!

Тяжелая атлетика и спорт вообще в Алжире еще только становятся на ноги. Но в этой стране, недавно освободившейся от 130-летнего колониального ига, чувствуется огромное тяготение молодежи к спортивным занятиям. Наши тренировки собирают большую аудиторию. А уж на показательное выступление советских тяжелоатлетов в центральном спортивном клубе столицы места брались буквально с бою.

Никто не стремился в этот день устанавливать какие-нибудь рекорды, но сумма килограммов, поднятых каждым из нас, была вполне приличной и вызвала искреннее восхищение публики. Только у меня произошла небольшая неприятность. Помост, на котором мы выступали, был необычно тонким, и когда я, толкнув 200 килограммов, немного неосторожно опустил штангу, тяжелый снаряд проломил помост и даже сцену. Но и это было своеобразным доказательством весомости «советских килограммов».

Вспомнился рассказ Якова Григорьевича Куценко о том, как в первые послевоенные годы некоторые буржуазные газеты пытались поставить под сомнение блестящие рекорды советских штангистов. «Сколько весит советский килограмм?» — ехидно спрашивали тогда ретивые писаки. Но очень скоро пришлось им прикусить языки. А уж после первого Леонид Жаботинский. СТАЛЬ И СЕРДЦЕ

же выступления наших спортсменов на олимпийских играх никто больше не решался оспаривать советские килограммы, метры, секунды...

Проводили совместные тренировки с алжирскими тяжелоатлетами. Они еще не выходили на большой помост, но с огромной жадностью и старательностью воспринимают все, что может быть полезным для их спортивного совершенствования. Тут немало способных ребят, о которых, я надеюсь, еще услышит тяжелоатлетический мир. Пришлось нам пропагандировать свой вид спорта и по местному телевидению. Впервые поднимали штангу в телестудии, перед объективом. Алжир — красивый город. Но следы вековой отсталости и страшной нужды на каждом шагу соседствуют тут с роскошью многоэтажных зданий из бетона и стекла, построенных в мавританском стиле вилл, утопающих в зелени и в цветах. В узкие и грязные улицы-ущелья кварталов городской бедноты — Касба, где галереями нависают убогие дома, насилу пробивается даже палящее алжирское солнце. В городе наряду со смуглыми арабами то и дело видишь европейцев — французов, итальянцев, испанцев.

Летим над пустыней. Вдали синеют Атласские горы. Короткая остановка на аэродроме в Триполи, снова непродолжительный полет — и под нами широкая извилистая лента Нила, по обе стороны которого раскинулись дома, сады и парки Каира.

Вот я наконец вижу тех, про кого так много слышал.

— Носеир...

— Чамс...

Мы жмем руку людям, чьи имена навсегда вписаны в историю тяжелой атлетики. А они еще вовсе не стары, эти славные египетские атлеты, пришедшие вместе с многими другими каирцами на аэродром встретить своих советских коллег. Знакомлюсь и с молодым, уже известным тяжеловесом Ибрагимом, с которым затем мы вместе тренировались.

Наибольший город Африки — трехмиллионный Каир закружил нас по своим многолюдным и шумливым улицам, широким площадям, знаменитым музеям, где собраны драгоценные памятники одной из Древнейших цивилизаций мира.

Пожалуй, только в Париже видел я столько чудес, как в Национальном музее Каира. В полутемном зале лежат в стеклянных саркофагах мумии Тутмосов, Рамзесов и других властелинов Древнего Египта, чью каменистую землю впоследствии топтали ноги стольких завоевателей — от турецких янычаров и гренадеров Наполеона до английских колонизаторов.

— Да, нашему народу пришлось страдать много веков, — сказал мне старый, одетый в традиционную галабею египтянин, в маленьком кафе которого я с наслаждением выпил чашечку душистого кофе. — Но, как говорят у нас, только мумии страдают молча. Пришла пора и нашего освобождения. Теперь все идут за ним, — он указал на портрет Гамаль

Абдель Насера. — Нет, нет, — замотал головою переводчик, когда я полез в карман, чтобы расплатиться за кофе. Он говорит, что счастлив хоть чем-нибудь угостить русского. — У нас нет более верных друзей, чем вы. Мы все помним!..

Народ помнит все! Никто не забыл здесь дней Порт-Саида, когда только грозное предостережение со стороны Советского Союза и других стран социалистического лагеря остановило англо-франко-израильских агрессоров. С того времени окрепла и закалилась советско-египетская дружба, чудесным детищем которой стала грандиозная Асуанская плотина, поднявшаяся в пустыне выше самых высоких пирамид.

Мне посчастливилось побывать на этой гигантской стройке. Как радостно было услышать тут, за тысячи километров от нашей страны, родную речь, увидеть, как плечо к плечу трудятся на благо древней египетской земли арабы, русские, украинцы, узбеки!

— Немного припекает, но ничего, работать можно, — широко улыбается экскаваторщик Николай Серегин, кивая в сторону безоблачного голубого неба, с которого нещадно палит высокое солнце. — Конечно, на Куйбышевской ГЭС было привычнее, однако и тут ничего, можно... Только домой очень уж тянет. Покуда письмо получишь!.. Знаете, как в песне поется:

*Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живет...*

И прибавил как-то особенно тепло:

— А народ хороший. Бедствует еще страшно. Надо ж помочь!..

Надо помочь! Кто из нас, советских людей, не думал об этом, когда в позапрошлом году снова нависла беда над Объединенной Арабской Республикой, Сирией, Иорданией! И кто в мире не знает, чья воля остановила танки израильских агрессоров в годину нового лихолетья! Больно думать, что они еще утюжат гусеницами арабские земли, еще сжимают петлей артерию жизни Египта — Суэцкий канал. Но «только мумии страдают молча». Никогда не смирится с иноземным гнетом народ, вдохнувший полной грудью воздух свободы!..

Незабываемые впечатления остались у нас от осмотра пирамид и сфинксов неподалеку от Каира. Вот и сейчас смотрю на фотоснимки, и всплывает в памяти раскаленный полдень близ пирамиды Хеопса, где я попробовал, но так и не смог поднять огромный камень — один из тех, из которых три тысячи лет назад воздвигали полуголые феллахи это мировое чудо. На мои напрасные попытки, смеясь, смотрит Владимир Стогов. Не мог я отказаться

...вспомогательству и залезть на верблюда.

— Лезь, Леня, не сомневайся! — поддевали меня товарищи. — Эта скотина привычная — все выдержит!

Очень хорошо, в исключительно сердечной и доброжелательной обстановке

прошло наше показательное, совместное с египетскими тяжелоатлетами, выступление в Каире. Я радовался, что смог показать друзьям свой лучший результат в рывке. Поднял тогда 173,5 килограмма, улучшив свой же мировой рекорд.

Выступать пришлось и в Александрии, куда мы поехали автобусом через Ливийскую пустыню. Очень приятно было после многокилометровой поездки по раскаленным пескам очутиться вновь у моря, в Александрийском оазисе, среди пальм и бесчисленных цветов. С огромным удовольствием погрузили мы свои высушенные солнцем пустыни тела в ласковые волны Средиземного моря и отдохнули в прохладных номерах отеля.

Посетили мы и город Суэц на берегу знаменитого Суэцкого канала, в котором тоже, конечно, не преминули искупаться. Наше выступление в Суэце вызвало такой восторг, что городские власти решили чем-то отметить визит советских спортсменов и торжественно вручили каждому из нас удостоверение почетного гражданина города. Вместе с самыми дорогими моими реликвиями я сохраняю этот документ дружбы в память о многострадальном и свободолюбивом народе, чья судьба тревожит ныне все прогрессивное человечество...

...Ну вот мы уже и дома. По приезде в Запорожье узнаю, что комсомольца области оказала мне большую честь — избрала делегатом на XV съезд комсомола Украины. На этом молодежном форуме в последний раз встретился я с незабываемым Юрием Алексеевичем Гагариным. До сих пор помню во всех деталях нашу краткую беседу с первым космонавтом. Говорили с ним о странах, где обоим нам довелось побывать, и, конечно, о спорте. С удовольствием узнал, что штанга и впрямь один из любимейших спортивных снарядов в Звездном городке, а Алексей Леонов имеет даже первый разряд по тяжелой атлетике.

— Как же это вы, ребята, проиграли? — спрашивал Юрий Алексеевич. — Неужто в этом году не исправите положения?..

Этот вопрос заботит нас больше всего. Быть может, надо менять методику тренировок? Но ведь она испытана в течение многих лет и не раз доказывала свою эффективность! В ней учтено все — и данные анатомии, и физиологии, в психологии, и режим питания, и витаминизация его, и строгий врачебный контроль. Недаром нашу методику заимствовали штангисты многих стран, в том числе и наши прошлогодние победители — поляки.

А вот дозирование нагрузок, усиление и снижение их уровня в разные периоды тренировок, очевидно, стоит пересмотреть. Над этим и трудятся со всем усердием руководители нашей сборной рука об руку с научными работниками. Прошлогодние неудачи не могут, не должны повториться на первенстве Европы и мира в Берлине.

Но оно еще далеко, осенью. На очереди — чемпионат страны в Новосибирске. Однако мне придется отказаться от участия в нем: снова взялся за книги. Во время нашей поездки в

Египет Николай Петрович Лапутин дал мне добрый совет: поступить в аспирантуру. Ведь вполне очевидно, что тяжелая атлетика останется для меня делом всей жизни. А ежели так, то почему бы не «влезть» в нее по-настоящему, до самых научных глубин? На кафедре Киевского института физкультуры будут аспирантские места. Итак, надо готовиться.

Экзамен выдержал. И уже в новом, аспирантском, "качестве" начинаю вместе с товарищами другую подготовку — к европейскому и мировому чемпионатам. Снова Алушту сменяет Дубна, и вот в октябре, когда уже опадает золотой лист с приволжских берез, мы едем в Берлин.

Сколько рассказывал мне об этом городе отец! Вот и перед отъездом наказывает он мне осмотреть знакомые ему места, поклониться праху его боевых друзей, с которыми вместе штурмовали Берлин.

Как и все советские люди, приезжающие в столицу Германской Демократической Республики, прежде всего мы посетили Трептов-парк и возложили цветы к подножью известной всему миру статуи воина-освободителя — памятника великому подвигу нашей Армии и народа в священной войне за свободу и счастье человечества.

Навсегда остались в памяти сердечные встречи и дружеские беседы с немецкими товарищами, с людьми, строящими новую жизнь на этой щедро политой кровью советских воинов земле.

Берлинский чемпионат прошел под знаком нового наступления наших спортсменов на мировые тяжелоатлетические позиции. И наступление это увенчалось победой. Стали чемпионами Европы и мира Алексей Вахонин, Евгений Кацура, Виктор Куренцов, Владимир Беляев. К сожалению, неудачным оказался дебют Яна Тальтса. Этого талантливого юношу, уже через год поразившего мир успешным штурмом 500-килограммового рубежа, тогда подвел жим. Так и не удалось ему поднять начальный вес 147,5 килограмма, и медаль, на которую мы очень рассчитывали, была потеряна.

Моими главными соперниками были Станислав Батищев и новая американская звезда — 22-летний Роберт Беднарский, поляк по происхождению. В то время Роберт — студент из города Йорк в штате Пенсильвания — был чемпионом США лишь среди юниоров. Но он не жалел сил и времени для совершенствования.

— Я не знаю другого штангиста, который работал бы так самоотверженно в тренировочном зале, как этот парень, — сказал берлинским репортерам тренер сборной США Джон Терпак.

И уже в Берлине все увидели плоды этого труда.

При собственном весе 109 кг Беднарский поднял сумму 537,5 килограмма и занял второе место.

Восторг зала Роберт вызвал не только своей недюжинной силой и хорошей техникой, но и

удивительно красивой атлетической фигурой, приобретенной благодаря занятиям культуризмом.

Хотелось бы, кстати, подать и свой голос в многолетнем споре, идущем в нашей прессе по поводу культуризма: полезно или не полезно? Признавать или не признавать? Мне кажется, что особенно спорить тут не о чем. Полезность специальных упражнений с отягощениями, как их не называйте — культуризмом ли, как на Западе, или атлетической гимнастикой, как у нас, — не вызывает сомнений. Выигрывают тут и здоровье, и красота фигуры, и весь тяжелоатлетический спорт. Что касается последнего, то достаточно вспомнить, пожалуй, таких в прошлом заядлых адептов культуризма, как Томми Коно или тот же Роберт Беднарский, чтобы не спорить по этому поводу. Ничего плохого нет, по моему мнению, и в конкурсах на красивую фигуру, которые уже проводятся в ряде социалистических стран. Стремление ребят иметь широкие плечи, рельефные мускулы и другие признаки атлетического сложения, как и стремление девушек к стройности и грациозности — извечны и естественны.

Другое дело — конкурсы на «мистера (или мисс) Универсум» с их крикливой рекламностью, культом секса и тому подобными атрибутами капиталистического мира. Точно так же лишь отвращение и протест могут вызвать излишества культуризма, когда в ущерб одним группам мышц (а нередко и здоровью) искусственно накачиваются другие, вплоть до полной гипертрофии, лишь бы иметь «самый большой в мире» бицепс.

А разумный культуризм или атлетическая гимнастика (дело, в конце концов, не в названии) завоевывают все новых и новых приверженцев и все увереннее занимают свое место в системе воспитания здоровых и всесторонне развитых людей. К тому же от занятий с гантелями, эспандером или резиной, как говорится, один шаг до тяжелоатлетического помоста.

Этот шаг и сделал в свое время культурист Роберт Беднарский. А на берлинском чемпионате он уже стал серебряным призером.

Мне золото далось не так-то легко. Едва не подвел меня мой любимый рывок. Выжал я 190 килограммов и начал второе упражнение с небольшого для себя веса — 160 килограммов. Казалось, он должен пойти легко, и я не вложил в подрыв всей силы. Штанга подалась вперед и упала.

Во втором подходе я допустил другую ошибку. Подрыв был настолько мощным, что штанга упала за спину, а за снарядом — и я.

Лишь в третьем подходе, наконец, справился с весом. Этот случай, который едва не выбил меня «из седла», снова подчеркивает, как важно даже опытному и не обойденному силой штангисту соразмерять свои усилия соответственно тому или иному весу, непрерывно развивать в себе мышечное ощущение — драгоценное качество атлета.

Толкнув 202,5 килограмма, я уже обеспечил себе первое место и во втором подходе решил попытаться побить мировой рекорд, то есть взять 218 килограммов. Но против этого запротестовало апелляционное жюри во главе с председателем Всемирной федерации Кларенсом Джонсоном. Ссылались на то, что по правилам прибавка на штангу не должна превышать 10 килограммов. Руководители нашей делегации начали убеждать, что речь идет не об обыкновенном подходе, а о попытке улучшить рекорд. В конце концов жюри согласилось, но взвешивать штангу перед подходом так и не разрешило.

Я толкнул снаряд. Лишь после этого штангу потащили на весы. И какая досада — она весила лишь 217,8 килограмма!

Наши возмущались. Джонсон и Стейт лишь равнодушно пожимали плечами, и мне пришлось еще раз подойти к весу. Третий подход принес мне новый мировой рекорд и сумму 567,5 килограмма. Успешно выступил на берлинском чемпионате и Станислав Батищев. С суммой 527 килограммов он стал третьим тяжеловесом Европы и мира.

...Снова по установившейся уже традиции встречаем мы, запорожские тяжелоатлеты, Новый год в своем спортивном зале. И первый наш сердечный и взволнованный тост — за нашу Родину, вступающую в эту торжественную минуту в «полдень века», в год своего славного пятидесятилетия.

Уже через несколько дней после новогодья у меня начинаются напряженные тренировки. Я еще не знаю, что удастся мне сделать в этом году, но очень хочется сделать что-то большое, не отстать от тех миллионов, которые стремятся не с пустыми руками прийти к юбилею Отчизны. Значит, надо работать, как говорят, на полную катушку.

В это время у меня появился новый тренер и добрый друг Ефим Самойлович Айзенштадт. Мы знакомы уже давно, еще с 1960 года, а в ноябре снова встретились в Запорожье, куда он привез на соревнования молодежную сборную команду республики. Айзенштадт, сам в прошлом неоднократный чемпион и рекордсмен Украины в полусреднем весе, уже многих молодых вывел на широкий спортивный путь. Этот серьезный и вдумчивый человек

умеет быть и требовательным наставником, и хорошим, веселым товарищем. Мы решили работать вместе, и с того времени ни разу не пробежала промеж нас черная кошка.

Несколько слов о системе моих тренировок, разработанной вместе с Ефимом Самойловичем, и вообще о моем режиме. Тренируюсь я обычно четыре раза в неделю — по понедельникам, средам, пятницам и субботам. День начинаю обязательно с 30—40-минутной гигиенической гимнастики. В нее, кроме упражнений на гибкость, пластичность, растяжение мышц, включаю и упражнения, имитирующие рывок и толчок.

В тренировках начинаю с нагрузки на мышцы ног, потом перехожу к нагрузке рук и спины. Но еще до этого с полчаса обязательно играю в настольный теннис. Считаю его

необходимым для каждого штангиста, не желающего отяжелеть и утратить подвижность. Настольному теннису в большой мере обязан я и реактивностью, играющей большую роль в выполнении темповых движений классического троеборья. Вот так почти невесомый мячик может стать союзником многопудовой штанги. Да и вообще я очень люблю настольный теннис и играю на уровне первого разряда.

Ежедневно стремлюсь также выкроить время, чтобы поиграть в волейбол, баскетбол, поупражняться с ядром (толкаю его за 17 метров), поплавать. Парной баней не пользуюсь. Быть может, потому, что по своему амплуа тяжеловеса мне никогда не приходилось сгонять вес. Теперь он у меня достигает 160 килограммов, но «ношу» я эти свои тоже почти рекордные килограммы довольно легко, не ощущаю ни одышки, ни других неприятностей. Опять-таки связываю это с разносторонностью своих спортивных увлечений.

Субботние дни посвящаются у меня общей физической подготовке. И только перед соревнованиями я берусь по субботам и за штангу. Продолжительность моих дневных тренировок — 5—6 часов. Иногда люблю потренироваться под музыку — это создает очень приятный эмоциональный фон, скрашивающий тяжелую физическую работу.

Как я уже говорил, питаюсь я по обычным нормам и никогда здесь рекордов не ставил. Во всяком случае, Рая на мой чрезмерный аппетит не жалуется. Но, конечно, пища должна быть достаточно разнообразной и обязательно с витаминами, Фрукты и овощи, молочные продукты у нас всегда на столе.

Вот, пожалуй, и все, если не говорить о вещах специальных, не представляющих для непосвященных читателей большого интереса.

...Новые наставники появились у меня и в Киевском институте физкультуры. Моей аспирантской учебой руководят заведующий кафедрой физиологии доктор медицинских наук профессор Михаил Яковлевич Горкин и издавна знакомый мне доцент Николай Петрович Лапутин. При нынешнем развитии тяжелой атлетики без науки на большой помост хоть и не выходи. Вот и «вгрызаюсь» в тайны клеток, нервов, головного и спинного мозга и во все прочее.

Но учебу и тренировки приходится прервать для новой поездки. На этот раз по другую сторону Атлантики — на Кубу и в Мексику — страну XIX Олимпиады. С кубинцами должны вместе потренироваться, поделиться опытом, а в Мексике — попробовать собственными легкими и сердцами, что это за штука, высокогорье, и как отразится оно на наших килограммах.

Четырнадцатичасовой прыжок «ТУ-114» из Москвы в Гавану как раз совпал с моим днем рождения — 28 января. Сегодня мне стукнуло двадцать девять, и все ребята — Алексей

Вахонин, Виктор Куренцов, Николай Ногайцев (наш молодой легковес), Владимир Беляев, Ян Тальтс, Станислав Батищев — наперебой поздравляют и норовят потянуть за уши: расти большой! А куда мне еще расти! Вверх не вырасту, а вширь — не хочется!

Подошел, услышав смех и шутки, и командир корабля Меньшиков. Подарил большой красивый аэрофлотовский календарь с автографами всех членов экипажа.

Ну что нам делать с нашими зимними пальто и меховыми шапками? Выехали из Москвы в январскую стужу, а в Гаване такая жара, какая бывает у нас разве что в июле. Пока добрались до отеля «Националь», семь потов сошло с каждого.

Из окон отеля открывается чудесный пейзаж. Пальмы на шумной набережной, золотая полоса пляжей, а дальше — океан, зелено-голубой, ленивый в своем дремотном полуденном покое. Но обманчив этот покой.

— Вон, поглядите! — говорит нам наш спутник товарищ Гарсия, показывая рукой в окутанную дымкой безграничную океанскую даль.

Мы всматриваемся в нее и видим на горизонте силуэты каких-то кораблей.

— Американские сторожевики, — поясняет Гарсия, и его приветливое лицо вдруг становится суровым и хмурым. — Вот так день и ночь они держат нас на прицеле...

Об этом всегда помнит вся трудовая Куба, держа «мачете» (нож для рубки сахарного тростника) в одной руке и винтовку — в другой. Помнит Плайя-Хирон и болота Сапаты, где нанятые на американское золото головорезы пробовали ворваться на Остров Свободы, задушить кубинскую революцию. Помнит и знает, что за маленькой Кубой стоит все могущество Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

В сердечных встречах, которые устраивали нам в Гаване, Санта-Кларе, Орадере — всюду, где бывали мы на Кубе, в желании принять советских спортсменов как можно гостеприимнее, любым способом выразить им свою дружбу мы видели, как глубоко благодарен кубинский народ нашей великой Родине.

Нам показывали заводы и музеи, институты и спортивные базы. Побывали мы и на селе, где видели, в частности, «сафру» — сбор сахарного тростника. Сезон только начинался. Немного позднее на «сафру» выходит и городское население. Мы попробовали и сами рубить тростник «мачете». Скажу откровенно, с непривычки это довольно трудно. Кубинские товарищи с радостью говорили нам, что кое-где уже работают уборочные комбайны, сконструированные и изготовленные в Советском Союзе.

С большим интересом осмотрели мы дом-музей Эрнеста Хемингуэя, который немало лет прожил на Кубе и написал тут несколько своих всемирно известных книг.

Успешно прошли наши показательные выступления в городах Кубы и совместные тренировки с кубинскими тяжелоатлетами. Один из них знаком мне еще по Токио. Тяжеловес Варонна — сильный и очень трудолюбивый негр — показал на Олимпиаде

сумму 480 килограммов. Теперь он берет уже 505.

— И все-таки семья у него растет быстрее, чем результаты, — шутят товарищи

многодетного Варонны. — Сколько у тебя на сегодня детей, приятель? Семь или восемь?

А Варонна только белозубо усмехается: мол, будут и результаты! В этом можно не сомневаться. Спорт на Острове Свободы вообще быстро прогрессирует. Советский опыт и в этой области тут перенимают охотно и старательно. И если до недавнего времени Куба могла гордиться именем лишь одного большого спортсмена — прославленного Хосе-Рауля Капабланки, то теперь тут не менее популярно и имя феноменального бегуна, олимпийского призера Энрике Фигеролы, весомо заявляют о себе на международных соревнованиях и многие другие талантливые, многообещающие спортсмены.

Быстро пролетели десять дней нашего пребывания на Кубе. За это время мы уже немного привыкли к жаркому и влажному климату острова, несколько напоминающему мексиканский. И все-таки, когда после короткого перелета наша команда вышла на поле аэродрома в Мехико, мы сразу почувствовали: вот оно, высокогорье! Да, 2250 метров над уровнем моря, что ни говорите, дают себя чувствовать. Легкий звон в ушах, небольшое головокружение — его признаки. Через несколько дней все прошло. Аркадий Никитич Воробьев каждое утро измеряет всем нам кровяное давление. Оно немного повышено. Необычные условия помешали мне во время показательного выступления улучшить рекорды в рывке и толчке, к чему я был готов. Но все мы убедились: непродолжительная акклиматизация — и в Мехико работать можно!

Своеобразен и неповторим облик столицы XIX Олимпиады. Справедливо замечают, что тут смешаны черты трех эпох. Окраины города украшают величественные пирамиды древних ацтеков, рядом — суровые католические храмы времен испанского владычества, а в центре — ультрасовременные небоскребы. Много прекрасных парков, среди них и знаменитый Чепультапек. День и ночь шумят широкие проспекты, и только на центральной площади Сокало, где высится Национальный дворец — резиденция президента, — царит торжественная тишина.

Очень популярна в Мехико стенная живопись. Она заимствована современниками у древних обитателей этой страны — ацтеков. Огромное впечатление произвели на всех нас величественные фрески работы прославленных мастеров Диего Риверы, Давида Сикейроса и других. С большим интересом осмотрели мы И олимпийские сооружения. Что и говорить, много труда и художественного вкуса вложили мексиканцы 168 в эти действительно прекрасные постройки.

Сборную олимпийскую команду штангистов страны тренирует наш давний и добрый

знакомый Томми Коно. Он похвально отзывается о своих подопечных. Томми был частым гостем на наших тренировках. Он не разлучался с киноаппаратом, то и дело нацеливая его объектив то на Алексея Вахонина, то на Яна Тальтса, то на меня.

А впрочем, большой интерес к нашим тренировкам, и особенно к нашему показательному выступлению, проявляли и люди, далекие от тяжелой атлетики. Зал дворца, где мы выступали, был переполнен.

— Столько зрителей у нас собирает разве что коррида, — говорили нам мексиканские друзья.

Нам довелось повидать и это, завезенное некогда из Испании, любимое зрелище мексиканцев. И хотя бой с быком действительно эмоциональное зрелище, хоть корридой и увлекался великий Хемингуэй, для нашего глаза она слишком кровава. Володя Беляев даже отвернулся, чтоб не видеть, как торреро наносит последний удар обессиленному, окровавленному животному.

Уж куда приятнее смотреть на другое зрелище, тоже при участии быка! Пестро одетые всадники играют с ним, гоняют по арене, а потом хватают за хвост и с непостижимой ловкостью и силой валят животное на песок. И зрителям весело, и быку никакого особенного вреда.

...Ну, пора и домой собираться. Летим снова на Кубу, переночевали в Гаване, и вот нас уже гостеприимно встречает на борту своего лайнера тот же экипаж, с которым мы раньше летели за океан. Четырнадцать часов в воздухе — и надевайте, хлопцы, снова пальто и шапки! Февральским морозцем и веселой метелицей приветствует нас родная Москва.

Тебе, Родина!

Полон трудового напряжения и ожидания великого праздника идет по стране юбилейный год. Во всем чувствуется приближение знаменательного пятидесятилетия, О нем напоминают и памятные доски, которые торжественно прикрепляют к стенам досрочно сданных объектов наши запорожстроявцы: «Построено в честь 50-й годовщины Великого Октября».

У спортсменов, кроме трудовых, есть еще и свои, особые, заботы. Сзывает под свои знамена сильных, ловких, настойчивых юбилейная Спартакиада народов Советского Союза, и каждому хочется выступить как можно лучше на ее состязаниях.

Есть и у меня свои планы. Очень хочется поднять хоть немного «потолок» мировых рекордов, и чувствую, что смогу это сделать. Снова хороший пример подает мне Юрий Власов. Первым из наших штангистов отмечает он таким образом юбилейный год. Выступая в апреле на молодежном первенстве Москвы, Юрий выжимает штангу в 199,5 килограмма.

Мы с моим тренером Ефимом Самойловичем Айзенштадтом готовим свой подарок на несколько более позднее время. Мои тренировки спланированы таким образом, чтобы где-то в начале лета я достиг наилучшей формы и сохранил ее до июльско-августовских соревнований Спартакиады.

Все идет как надо. Успешной подготовке способствует и неожиданная возможность выехать со сборной командой страны на месячные тренировки в Болгарию. Сбор должен завершиться участием в международных соревнованиях с болгарскими и турецкими тяжелоатлетами в Софии. Что ж, это будет неплохой генеральной репетицией перед Москвой.

Есть у болгар такая старинная притча. Говорят, когда бог распределял землю между разными народами, болгары на распределение опоздали и явились перед господни очи, когда всевышний уже все роздал. «Ну, что с вами делать? — сказал бог. — Придется отдать вам то, что я думал для себя оставить!»

С этой притчей перекликается и любимая песня болгар, начинающаяся словами: «Милата родина, ти се земен рай!» Она и в самом деле чудесна, родина наших друзей, край гор, цветущих долин и ласкового моря. Вот уже говорит нам свое сердечное «Добре дошли!» красавица София с зелеными склонами и снеговой шапкой горы Витоша над ней. Вот встречает нас древняя болгарская столица — город Тырново, где лепятся причудливыми террасами старинные домики, заглядываясь в прозрачные воды реки Янтры. А вот и священное для болгар и русских место — легендарная Шипка. Застыли в вечном карауле над могилами героев десятки памятников, и среди них самый известный — 30-метровая усеченная пирамида с бронзовым львом на фронте. Свято бережет в сердце своем Леонид Жаботинский. СТАЛЬ И СЕРДЦЕ

болгарский народ память о тех, кто 90 лет назад принес с севера освобождение от пятисотлетнего оттоманского ига, и о тех, чьею силою и мужеством уже в наше время был свергнут фашистский гнет и открыт путь к новой, социалистической, жизни.

Более четырехсот памятников в городах и селах страны напоминают о бессмертном подвиге дедов и внуков — русских и советских воинов-освободителей. Их кровью скреплена вечная, нерушимая дружба двух народов, дружба, по словам Георгия Димитрова, необходимая Болгарии, как воздух каждому живому существу.

Тепло братских сердец ощущаем мы всюду, где пролегает наш путь по этой стране, всюду слышим ласковое и приветливое слово «братушки».

Наш сбор проходил на курорте «Золотые пески» близ чудесной, очень похожей на нашу Одессу Варны. Я очень рад, что впервые приехал за границу со своей маленькой семьей. Рая и Русик отдыхают тут же, у моря, и все свободное от тренировок время провожу с ними.купаемся, загораем, вместе ездим в недалекие экскурсии — в курортный городок Несебр, в старинный скальный монастырь Аладжа и в другие интересные места болгарского Причерноморья.

Быстро пролетел месяц, и снова путь лежит в Софию. 19 июня тут начинается встреча тяжелоатлетических команд трех стран. Соревнования идут во всех весовых категориях. Советский Союз представляют Вахонин, Куренцов, Четин, Ногайцев, Беляев, Тальтс, Дяченко, Батищев и я. От Болгарии выступают Колев, Стоев, Цветанов, мой добрый приятель Иван Веселинов и другие. Выставила и Турция лучших своих мастеров «железной игры».

Спортзал «Динамо» ломится от зрителей. Все наши ребята выступают здорово, выигрывают с большим отрывом от соперников и сходят с помоста под сплошные овации зала. Аркадий Никитич Воробьев сияет от удовольствия.

Настает последний день встречи. Что ж, надо и самому «выложиться», показать все, на что способен, доказать, что недаром потерял время, отблагодарить наших приветливых хозяев за гостеприимство. А главное — внести и свою каплю в тот могучий поток добрых дел, которыми так чудесно отмечает наш народ юбилей своего родного государства. Кажется, именно теперь я могу это сделать...

Я далек от хвастовства, но скажу откровенно, что борьбы на помосте у меня не было. Я вел в тот день заочный поединок с Юрием Власовым, с его новым мировым достижением, и с собственными рекордами, которые решил во что бы то ни стало превзойти.

И это мне удалось в полной мере. Начал жим с небольшого для себя веса — 180 килограммов. Во втором подходе довольно легко взял 192,5 и попросил поставить на штангу 201,5 — на 2 килограмма больше рекордного результата Власова. Вышел в третий раз на помост как никогда уверенный, что возьму. И вот уже меня поздравляют друзья с

моим первым (первым за все время!) мировым рекордом в жиме.

Ну что ж, в народе говорят: лиха беда начало! В рывке я поднимаю 165 и сразу же иду на рекорд. Тут у меня всегда все было в порядке — беру 174 и от третьего подхода отказываюсь. Надо собрать все силы для толчка — конец венчает дело!

Толкаю 210. Хорошо, легко пошло! Теперь последнее усилие — и ты «на коне», парень!

Зал бурлит от волнения. Волнуются и товарищи. Вокруг меня хлопочет почти вся команда — один массирует мышцы, другой набрасывает на плечи халат, третий заботливо закрывает окно, чтобы, избави бог, не потянуло ветерком, хоть на дворе жара страшная.

— Пора, — говорит Аркадий Никитич.

Я снова выхожу на помост, и сразу же замирает в напряженном ожидании зал. Внимательно осматриваю «блины» на штанге — все ли здесь, не ошиблись ли случайно ассистенты, не просчитались ли — ведь бывало такое, и не раз! Нет, все на месте... Беру снаряд на грудь и чувствую, как под невероятной тяжестью, словно ветка от веса зрелых плодов, выгибается гриф. Еще одно предельное усилие всех Мускулов тела — и штанга вверх!

Пока взвешивают снаряд и фиксируют третий, а вместе с ним и четвертый за этот вечер мировой рекорд, не умолкает громopodobный шум в зале. А я бесконечно горд и счастлив, что смог сделать это — дать «советскую прописку» сумме 590 килограммов! (А если бы подытожить все три результата, не округляя их, как того требуют правила соревнований, то были бы и все 594!)

И как-то особенно радостно, что среди приветственных возгласов, которыми щедро награждают меня «запальянковцы» (так называют по-болгарски болельщиков), все громче звучат слова любви и признательности моему великому народу:

— Веч-на друж-ба! Веч-на друж-ба!..

...Ну, теперь началась горячая пора. Каких-нибудь две недели прошли со времени софийского выступления, а уже поднимается в голубое киевское небо флаг IV юбилейной Спартакиады Украины и вспыхивает в огромной чаше над стадионом священный огонь. Мне выпала высокая честь зажечь факел Спартакиады от вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата, над которой в благоговейном молчании замерли лучшие спортсмены республики, отдавая честь павшим за их счастье героям-отцам...

Отзвучали выстрелы стартеров, грохот штанг, плеск весел, аплодисменты неисчислимых

зрителей в Киеве и Харькове, Одессе и Донецке, Львове и Запорожье, Отшумела республиканская Спартакиада, и вот уже встречает праздничным убранством и полыханьем знамен родная Москва участников финальных соревнований юбилейной Спартакиады народов Советского Союза.

По уже установившейся традиции штангисты соревнуются в зале «Шахтер»,

Каждому из нас давно знакомы эти стены, но сегодня они приобрели необычный вид. Во всю широту зала развешаны планшеты, на которых отражена в фотоснимках вся история советской тяжелой атлетики за пятьдесят лет. Это развернул свою огромную коллекцию судья всесоюзной категории, главный секретарь нынешних соревнований Михаил Аптекарь. На нас смотрят со стен могучие фигуры наших славных предшественников — Александра Бухарова, Константина Павленко, Яна Спарре (старшего), Якова Куценко, Георгия Попова, Григория Новака и других чемпионов и рекордсменов прошлых лет. Смотрят и словно спрашивают: а как вы, сынки, продолжаете наше дело? Нет ли перевода богатырскому роду?..

И то, что происходит в течение шести дней на спартакиадном помосте, со всей убедительностью отвечает: продолжается и множится давняя слава! Стал еще более сильным и могучим наш советский богатырский род!

Искренне обрадовали всех отличные килограммы Алексея Вахонина, Виктора Курекцова, Анатолия Калининченко. Между ними и Яном Тальтсом идет азартная борьба за золотую спартакиадную медаль. Зрители — что бывает не так-то уж часто — в течение каких-нибудь десяти минут стали свидетелями двукратного улучшения одного и того же мирового рекорда — в толчке для атлетов полутяжелого веса. Сначала это сделал волжанин, и сразу же у него отнял звание мирового рекордсмена эстонец. Яну Тальтсу и досталась золотая медаль юбилейной Спартакиады. В этот вечер он первым из полутяжеловесов мира переступил заветный полутонный рубеж — набрал в сумме классического троеборья 502,5 килограмма.

Подвиг волевого и техничного эстонца восхитил не только тех, кто присутствовал тогда в зале «Шахтер», но и всех любителей «железной игры». Недаром же о неофициальном всесоюзном конкурсе на лучшего спортсмена, ежегодно проводящемся журналистами, Ян Тальтс набрал столько голосов, что был признан советским спортсменом № 1 за 1967 год. Да и в мировом конкурсе он стал одним из первых в десятке. Через полгода Тальтс снова заставил говорить о себе, подняв «потолок» мирового рекорда уже до 510, а вскоре, на чемпионате Европы в Ленинграде, и до 512,5 килограмма. И это, конечно, еще далеко не последнее его слово...

Хорошо подготовились к Спартакиаде украинские тяжелоатлеты. Особенно «могучая кучка» из луганского клуба «Заря». Призовые места ветерана Николая Вараны, Александра Кидяева, Георгия Дяченко и золотая медаль, завоеванная в первом тяжелом весе Юрием Яблоновским, обеспечили «Заре» первое место среди коллективов физкультуры всей страны. Отлично выступили также молодой одессит Николай Ященко (который позднее вслед за Тальтсом перешел рубеж 500 килограммов) и криворожец Станислав Батищев, занявший второе место в тяжелом весе. На третьем был Георгий

Дяченко.

Очень хотелось мне отметить юбилейную Спартакиаду новой рекордной суммой. Казалось, все сделали мы с Ефимом Самойловичем для этого, все предусмотрели. И я вышел на помост полный надежд и решимости выполнить рекордную раскладку.

Начал жим со 180 килограммов и сразу же пошел на 192,5. Вес покорился, но пошел не так легко, как я думал. А третий подход — к 202,5 — и вовсе не удался. Очевидно, жим у меня еще не приобрел необходимой стабильности.

Что ж, очевидно, рекордную сумму не удастся в этот раз улучшить. Но ведь в рывке и толчке я еще могу сделать свое!

Уже во втором подходе я фиксирую в рывке рекордный вес — 175 килограммов. Штангу взвешивают, и она оказывается еще на полкилограмма тяжелее. Что ж, и это неплохой сюрприз!

Теперь последнее усилие. Я толкаю 205 килограммов, и Айзенштадт заказывает для второго подхода 219 — наибольший вес, который когда бы то ни было покорялся человеку.

Тяга! Штанга на груди! Теперь толкнуть!.. И я толкаю!

Есть рекорд! А сумма 585 килограммов хотя и не рекордная, но такой тоже никто до меня не набирал. Безгранично счастливый, поднимаю высоко над головой большой хрустальный с серебром кубок. Это наша коллективная награда. Впервые сборная команда тяжелоатлетов Украины стала чемпионом Советского Союза! Торжествуй, капитан!..

Снова, как и на празднике открытия юбилейной Спартакиады, я проношу в последний день этого большого спортивного форума знамя Советской Украины по дорожке Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

А через месяц это же красное с голубым полотнище развевается над моей головой уже далеко от Москвы, за океаном, на центральной площади Всемирной выставки «ЭКСПО-67» в Монреале.

Мне оказали большую честь — представлять тут нашу республику в составе украинской правительственной делегации. Все сферы жизни Украины представлены здесь уважаемыми, известными всей стране людьми. Возглавляет делегацию заместитель председателя Совета Министров УССР Петр Тимофеевич Тронько.

Сегодня на Всемирной выставке — день Украины. В сопровождении эскорта мотоциклистов наши машины подъезжают к центральной площади «ЭКСПО-67». Нас приветствует короткой речью генеральный комиссар выставки Жан Дюбуа. Украинские девушки в ярких национальных костюмах, прибывшие в Монреаль наши мастера искусств и мы все выстраиваемся в колонну. Впереди — народный артист СССР Дмитро Гнатюк с Государственным флагом Советского Союза. За ним я несу флаг Украинской ССР. Бурно приветствуют нас многочисленные посетители выставки, среди которых

много канадских украинцев.

Мы осматриваем советский павильон и экспозицию Украины в нем, знакомимся с павильонами Чехословакии, Югославии, Кубы, Франции. Петр Тимофеевич Тронько в пресс-центре выставки устраивает пресс-конференцию для канадских и других иностранных журналистов. От вопросов отбоя нет. Пришлось и мне в одном из помещений пресс-центра более часа удовлетворять любознательность поклонников спорта, подробно рассказывать им о физкультурном движении в нашей стране, о наших выдающихся спортсменах.

В тот же день украинские мастера искусств дали для посетителей выставки большой концерт. Радостно было слышать в далекой заокеанской стороне наши родные песни в исполнении Дмитро Гнатюка, Бэлы Руденко, Евгении Мирошниченко, Юрия Гуляева. Люди слушали их как замороженные, и я видел, как у седого старика в украинской вышитой сорочке, вывезенной, наверно, лет шестьдесят назад откуда-нибудь из Львова или с Волыни, катились слезы из глаз и стекали на длинные шевченковские усы.

— Тот, кто не жил долгое время на чужбине, верно, не постигнет, как терзает сердце тоска по родному краю, — говорит нам, указывая на старика, прогрессивный деятель украинской общины в Канаде Петро Кравчук. Он — один из инициаторов сооружения в городе Торонто памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко. Мы посетили этот большой и красивый город, где живет особенно много наших земляков, и возложили венок у подножия монумента великому Кобзарю.

И в Монреале, и в Торонто нас наперебой приглашали к себе в гости канадские украинцы. Каждый из них стремился высказать свое восхищение величественными свершениями Советского Союза и равной среди равных Советской Украины. Очень интересуются тут, в частности, нашим спортом.

Со спортивной жизнью Канады детально познакомиться мне, к сожалению, не удалось. Конечно, спортом номер один тут является хоккей, но и футбол имеет своих многочисленных поклонников. В тяжелой атлетике есть, пожалуй, одно действительно крупное имя — Даг Хепберн. Мне очень хотелось повидаться с этим прославленным тяжеловесом, который еще несколько лет назад претендовал на звание сильнейшего в мире. Но познакомиться с ним не удалось. Хепберн уже оставил помост и теперь служит в каком-то ресторане в амплуа эстрадного певца. Как он поет, я не знаю, но, наверно, посетителей привлекает туда не столько голос Дага, сколько возможность увидеть на эстраде в этой необычной роли бывшего рекордсмена мира.

Конечно, не отказали мы себе в возможности осмотреть мировое чудо — Ниагарский водопад. Долго стояли на мостике над клочкотанием бешеных вод, любясь их могучим падением и радугой, которая, образуясь в мириадах освещенных солнцем брызг, целыми

днями стоят над Ниагарой. 180 Десять дней, проведенных в Канаде, навсегда оставили в памяти эту суровую и прекрасную страну, ее добрый и трудолюбивый народ, искренне стремящийся к дружбе и взаимопониманию с великим советским народом. Хочется надеяться, что этой благородной цели в какой-то мере послужила и наша поездка в Страну великих озер...

...И еще одно путешествие — теперь уже по нашему, советскому, краю — Ждало меня в юбилейном году. Центральный Комитет ВЛКСМ и редакция газеты «Советский спорт» решили организовать поездку четырех известных спортсменов «по Октябрьским меридианам» — в крайние северную, восточную, западную и южную точки нашей Родины. К морьям Севера поехал прославленный бегун Владимир Куц, на Курильские острова — неоднократный чемпион мира по хоккею Александр Альметов, в легендарный Брест — заслуженный мастер спорта фехтовальщик Виктор Жданович, а я — к пограничникам Кушки.

Когда-то про этот «медвежий угол» проштрафившиеся офицеры царской армии говорили: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут!» Дальше Кушки на юг и теперь ехать, действительно, некуда. Пришлось добираться туда из Москвы двумя самолетами, вертолетом да еще автомашиной. Путешествовали мы с корреспондентом газеты «Советский спорт», бывшим чемпионом мира по тяжелой атлетике Дмитрием Ивановым. Бегут мимо нашей «Волги» горы, долины, сады, кишлаки, стада овец и табуны коней — тех самых стройных и сухопарых ахалтекинцев, которые славятся на весь мир.

Вот она какая, Туркмения! По дороге в Кушкинский гарнизон останавливаемся в пограничном колхозе имени Ленина Тахта-Базарского района. Навстречу нам выходит почти все население кишлака. Башлык (председатель) колхоза, подтянутый, в гимнастерке и галифе, Агали Акмамедович Акмамедов крепко жмет руку мне и говорит:

— Хош гельдиниэ, ин гучлы пальван!

— Добро пожаловать, самый сильный богатырь! — переводит мне его слова заведующий отделом пропаганды и агитации районного комитета партии Сары Гуллаев.

Знакомимся с многоотраслевым хозяйством артели, с жизнью колхозников. В их досуге спорт занимает немалое место. Кроме отличных юных всадников, лихо гарцующих на прекрасных ахалтекинцах, есть тут неплохие волейболисты, баскетболисты и приверженцы других видов спорта. Волейболистки колхоза являются даже чемпионками республики среди сельских спортсменов. И это в отдаленнейшем уголке Туркмении, где когда-то женщина не смела и на улицу выйти с открытым лицом!..

Отсюда едем машиной к афганской границе. Нас тепло встречают пограничники. Завязывается оживленная беседа. А потом в нашу честь проводится конкурс силачей.

Сильных людей на заставе немало. Скажем, победитель конкурса Анатолий Сайко выжал

двухпудовую гирию 18 раз, а его ровесник Анатолий Гуляев, занявший второе место, —13 раз. Сайко я и вручил именно двухпудовик, который отныне будет переходящим призом на будущих конкурсах силачей заставы.

Сильные, ловкие, смелые люди охраняют южную границу нашей Родины! Тут немало отличных стрелков, бегунов, гимнастов. Все воины заставы имеют спортивные разряды.

Стоя смирно, слушал я слова офицера Владимира Алексеевича Кочемасова, сказанные им на солдатском собрании:

— Мы приняли решение считать капитана Жаботинского почетным гвардейцем нашего самого южного гарнизона.

Хочется надеяться, что когда-нибудь смогу снова приехать в этот самый южный гарнизон страны, принявший меня в свою гвардейскую семью.

До новой встречи, друзья!

Олимпиада надевает сомбреро.

Говорят: аппетит приходит во время еды. Аппетит спортивных гурманов разгорается при виде рекордов. И если общепризнанный фаворит-рекордсмен на каких-нибудь соревнованиях показывает результат, уступающий его же мировому, болельщики чувствуют себя почти что обманутыми. Мол, какое же ты, парень, имеешь право лишать нас ожидаемой радости? Ведь ты можешь, а не делаешь!..

Должно быть, каждый, кому довелось ставить рекорды, если и не слышал подобных укоров, то читал выражение досады и разочарования на лицах своих почитателей, а порой и на газетных страницах — ведь ничто человеческое и журналистам не чуждо!

И мне вот уже два года и репортеры, и друзья-болельщики, и случайные знакомцы по вагонному купе или салону самолета, и даже, казалось бы, умудренные опытом спортивные деятели не дают покоя одним и тем же вопросом:

— Ну когда же будет шестьсот килограммов?.. И поскольку я, разумеется, не называю дня и числа, дорогие мои почитатели сами устанавливают сроки. И когда их прогнозы не сбываются, чувствуют себя так, словно я у них из кармана вытянул эти самые шестьсот килограммов.

Так было и перед чемпионатом страны в Луганске. Не только любители тяжелой атлетики, но и некоторые печатные органы не отказали себе в удовольствии оповестить, что, быть может, именно там и состоится открытие новой эры в «железной игре».

При этом жаждущие сенсаций совершенно не хотели учитывать того, что "эры" открываются не по заказу и не тогда, когда этого очень хочется болельщикам и самому первооткрывателю. У «эры», так сказать, крепкие двери, и чтобы отпереть их, нужны не только надежные ключи, но и всякие другие, побочные, условия. Скажем, как при серьезных физических экспериментах определенная температура.

А она-то как раз отнюдь не содействовала успеху «луганского эксперимента». Что и говорить, пожалуй, еще ни разу за последние два года я не чувствовал себя в такой отменной форме и боевой готовности. Но если термометр показывает за тридцать в тени, а в зале, по меньшей мере, на десять градусов выше и если в этом самом зале на 400 мест зрителей набилось невпроворот, согласитесь сами, обстановка складывается не слишком благоприятная для взлета в «тяжелоатлетический космос».

И «эра» не открылась! А я, откровенно говоря, был рад сумме 585 килограммов и уж конечно — новому мировому рекорду в толчке. Взял-таки запланированные 220 килограммов!

Однако не избежал сокрушенных вздохов торопливых болельщиков и полувопросов-полуутверждений:

— Ну уж в Ленинграде-то вы наверняка сделаете шестьсот?!

...У каждого крупного спортивного события наряду с его «горячими точками», периодами наиболее острой борьбы, бывают и моменты некоторого спада, которые сразу же отражаются на количестве зрителей. Ленинградским любителям тяжелой атлетики «отдыха» не было. В каждый из семи дней чемпионата Европы сотни людей просили лишнего билетика еще за квартал от Зимнего стадиона. Ведь вряд ли хоть один из трех тысяч счастливчиков, ежедневно заполнявших его трибуны, взялся бы с уверенностью назвать будущих призеров в каждой весовой категории — столько корифеев прислали сюда 18 стран-участниц. Да и то сказать: генеральная репетиция перед Олимпиадой! Путевки в Мехико добываются на этом помосте!

И снова мы ведем напряженнейшую — за каждые полкилограмма — борьбу с нашими главными соперниками — польскими атлетами. Кроме ветеранов — Вольдемара Башановского и Мариана Зелинского, безраздельно господствовавших в легком весе (где наши, увы, уже по печальной традиции не выступали), появились у Польши и новые богатыри. На самом старте чемпионата Вальтер Шолтисек выиграл по собственному весу у Алексея Вахонина и уступил первенство лишь непревзойденному Имре Фельди. Полулегковес Мечислав Новак уверенно обошел нашего Дито Шанидзе. Поляком был и третий призер — Рудольф Козловский.

Но этим наши друзья вынуждены были и ограничиться. Дальше все у нас пошло как пописаному. Просто великолепно выступал Виктор Куренцов. Надо было видеть, как чисто и красиво выжал он 161 килограмм — вес мирового рекорда (при взвешивании штанга оказалась даже на 400 граммов тяжелее)! А сколько спортивного мужества и воли проявил не известный нашим зарубежным гостям соратник Куренцова — ленинградец Евгений Смирнов! Были моменты, когда казалось — он опередит даже своего прославленного одновеса.

Трудно пришлось другому дебютанту европейского помоста — Борису Селицкому. Ведь его противником был прославленный Норберт Озимек — атлет неистощимого упорства и большой взрывной силы. И все-таки и здесь победа досталась ленинградцу.

А вот уже громче обычного зазвучала в зале эстонская речь, и словно прибавилось здесь русоволосых, светлоглазых людей. Многие сотни их приехали из близкой Эстонии поболеть за своего Яна.

И Тальтс был великолепен. Его замечательный рекорд — 512,5 кг — стал подлинным украшением чемпионата. Уже после первого движения швед Бу Юханнссон, верно, сам себя ругал за ту самонадеянность, с которой он заявил корреспондентам, что приехал в Ленинград за четырьмя мировыми рекордами. В результате оказалось, что он отстал от Тальтса на 17,5 килограмма!

Думал ли я улучшить в Ленинграде свою сумму троеборья? Где-то была такая мысль. Да и кто не стремился в преолимпийские дни «прокомпостировать» свой билет в Мехико самой высокой цифрой! Но я отдавал себе отчет в том, что слишком мало времени прошло после луганского первенства, чтобы можно было полностью восстановить силы для такого мощного прыжка вперед.

И когда довелось в жиме ограничиться скромными 190 килограммами, я смирился с мыслью, что и на этот раз сумму улучшить не удастся. Но к рекорду в рывке я был, бесспорно, готов. И он родился, один из трех мировых, показанных на чемпионате, — 176 килограммов!

Итак, 3 мировых, 18 национальных и восемь участников, перешедших 500-килограммовый рубеж. Что и говорить, ленинградская генеральная репетиция предвещала блистательную тяжелоатлетическую премьеру в Мехико!

А теперь — в горы! Туда, где дышится так же, как на мексиканской высоте, и где, стало быть, можно уже сейчас начать привыкать к каверзным проделкам кислородной недостаточности. Говорят, что Цейское ущелье именно такое место. И вот уже мы бродим по его тропинкам, овеваемые свежестью близкого ледника, собираем землянику на изумрудных полянах, пьем полной грудью живительный воздух альпийских лугов и подолгу беседуем с гостеприимными осетинами в их ладных каменных домиках, прилепившихся к суровым скалам Цея.

За двадцать дней, проведенных в Цейском ущелье, все мы славно отдохнули после недавних крупных соревнований. Тренировка проходила главным образом во вспомогательных упражнениях, и я почти не подходил к большому весу. Зато на последующем этапе подготовки — в Алуште — сразу же увеличились и объем, и интенсивность нагрузок. И как всегда, в этом замечательном зеленом уголке отличной разрядкой для нас были волейбол, плавание, настольный и большой теннис.

В Алуште и застала нас радостная весть о высоких наградах, которыми отметила Родина почти полтысячи ведущих советских спортсменов, тренеров и работников физической культуры. Среди награжденных орденом Трудового Красного Знамени были комсорг нашей сборной Виктор Куренцов и я.

А после Алушты снова знакомая, почти родная всем нам Дубна. Последние полтора месяца преолимпийской подготовки, решающие прикидки — и пора в дальний путь! 20 сентября мы прощаемся с Москвой.

Нет, не только в силу уже установившейся традиции — по велению сердца мы идем на Красную площадь, к Мавзолею Ленина. И наше торжественное молчание здесь и у Могилы Неизвестного Солдата красноречивее самых лучших слов.

А наутро наш «ТУ-114» отрывается от бетонной дорожки Шереметьевского аэропорта, чтобы одним гигантским, четырнадцатичасовым, прыжком перебросить нас в Алжир, а оттуда в Гавану. Еще два часа полета уже знакомым мне путем — и нам приветственно машет сомбреро олимпийский Мехико:

— Бьенбенидос!

— Бьенбенидос! Добро пожаловать!

Но в первые недели воспользоваться гостеприимством мексиканских друзей нам, к сожалению, не удалось, В Мехико — студенческие волнения. В этом городе стрельба дело обычное. Увесистый кольт здесь чуть ли не принадлежность туалета, и нам приходилось видеть объявления в ресторанах: «Просьба револьверы оставлять в гардеробе». А прибавьте еще к повсеместному распространению огнестрельного оружия огневой темперамент мексиканцев — и вы поймете, что стрельбой в Мехико никого не удивишь.

Но одно дело кольт, а совсем другое — танки на улицах, танки на площади Конституции, солдатские заслоны вокруг Олимпийской деревни. Столица почти что на военном положении, и наши первоначальные маршруты по ней крайне ограничены: Олимпийская деревня — зал университета (место наших тренировок) и обратно. Группа испанских спортсменов, которая не вняла предостережениям и решила на свой страх и риск прогуляться по городу, попала в самый эпицентр перестрелки и добрый час пролежала на мостовой под пулями.

Впрочем, как говорится, нет худа без добра. Войска, тройным кольцом окружавшие университетский городок, оградили нас от вездесущих репортеров, и мы могли спокойно тренироваться. Что и говорить, дорого бы дали любители «железной игры» за возможность побывать а эти дни в университетских залах. Ведь здесь проверял себя перед выходом на олимпийский помост весь цвет мировой тяжелой атлетики — венгры и поляки, иранцы и японцы, американцы и когорта советских богатырей.

В один из дней Аркадии Никитич Воробьев сказал:

— Сегодня к нам гости придут, ребята. Сам Боб Гофман со своими питомцами.

Тут и познакомился я со своими будущими соперниками Джоном Дьюбом и Джорджем Пикеттом. Собственно говоря, я рассчитывал встретиться в Мехико лишь с одним из них. Соперником номер один считался Роберт Беднарский, чья сумма 580 килограммов была третьим в мире результатом за всю историю борьбы человека с весом. Правда, в иностранной Печати промелькнуло сообщение о том, что Пикетт якобы поднял и 590, но официального подтверждения эта газетная «утка» не получила. Уж не знаю, в силу каких причин Беднарский на национальном чемпионате США занял лишь третье место с довольно скромной суммой и остался за бортом олимпийского корабля.

Итак, Дьюб и Пикетт. Вот они передо мной, мощные, холеные, улыбчивые парни. Джону 25

лет, Джорджу — 31. Внимательно наблюдают они за моими подходами и время от времени перебрасываются словами и одобрительно кивают головой.

На другой день идем с ответным визитом. И теперь уже я стою у помоста, где тренируются Дьюб и Пикетт. Впечатление внушительное. Оба жмут по 205 килограммов, хорошо выполняют рывок. По всей видимости, борьба будет нешуточная. А ты чего ожидал? Легкой победы? Э, друг, на олимпиаде слабых не бывает!..

Приближение соревнований ощутимей с каждым днем. Осада снята, правительство договорилось со студентами — нет, не о прекращении борьбы, а об отсрочке (после окончания игр волнения вспыхнули с новой силой). Все ближе к мексиканским берегам священный олимпийский огонь — вестник мира и дружбы. Семнадцать пловцов доставили его с борта канонерки «Дурандо» в Вера-Крус, и семьсот бегунов несут пылающий факел по дорогам, ведущим к столице.

Закончены все приготовления, все 112 спортивных делегаций заняли свои места в многоэтажных домах Олимпийской деревни, приведены в готовность номер один все измерительные приборы знаменитой швейцарской фирмы «Омега» на базах Мехико и далекого Акапулько. И в ночь на 12 октября на вершине наивысшей из пирамид в древнем городе Тиуакане под старинную музыку ацтеков и приветственные возгласы десятков тысяч людей взвился в бархатное ночное небо огонь Олимпиады.

А наутро первая в истории олимпиад девушка-факелonosец, 20-летняя мексиканская спортсменка Энрикета Басилио, совершив с факелом круг почета по дорожке «Эстадио Олимпико», поднялась на возвышение, и огонь запылал над переполненной до краев гранитной чашей Главного стадиона XIX Олимпийских игр.

Вот она, та минута, о которой думали мы еще четыре года назад, когда на другом конце Земли, в олимпийском Токио, прочли на стадионе написанные электричеством слова:

«Мы встретимся снова в Мехико». Вот мы и встретились под пятью переплетенными кольцами дружбы и единения. Встретились, чтобы сказать друг другу: — Руку, товарищ!..

И кажется, в это торжественное и волнующее мгновение в унисон бьются сердца всех восьми тысяч лидеров мирового спорта, выстроившихся на поле гигантского стадиона — от старшей участницы — 66-летней англичанки Лорри Джонстоун до самой юной, 11-летней Лиман Висене из Порто-Рико. И в каждом сердце находят отзвук слова олимпийской клятвы, призывающей честно и мужественно соревноваться в борьбе за честь своих народов во славу спорта.

Звучит олимпийский гимн, и словно сама древняя и вечно юная Олимпиада производит смотр своим самым мирным на Земле войскам. Вчера она была в кимоно, сегодня — в пончо и сомбреро.

Ах эти сомбреро! Кажется, все оттенки своих чувств выражают при их помощи

мексиканцы. Безразличие — сомбреро сидит на голове ровно и неподвижно; удивление — оно сдвигается на затылок; гнев, возмущение — из-под низко опущенных полей шляпы едва видны пылающие яростью глаза. Восторг — и сомбреро взлетают к небу или летят на арену стадиона. Да, сомбреро — это не просто шляпа. Это, если хотите, символ Мексики, подобный кактусу или ацтекскому календарю.

Всеми миру известен теперь этот календарь, размноженный в соседстве с пятью переплетенными кольцами на миллионах плакатов, листовок, газетных и журнальных страниц. А вот на одной из центральных площадей столицы мы видим, наконец, и оригинал — круглую, почти четырехметровую в диаметре базальтовую глыбу, испещренную причудливыми иероглифами.

Мы знакомимся с современниками календаря — пирамидами Солнце и Луна, высющимися там, где стоял в древности город Тиуакан, с сохранившимися до наших дней акведуками — гидротехническими сооружениями ацтеков И другими памятниками седой старины. Рядом с суровыми соборами — немymi свидетелями испанского владычества возносятся ввысь небоскребы, мчатся непрерывным потоком автомашины современных марок, сверкает неоновыми реклам, шумит и гудит семимиллионный Мехико — один из самых оживленных городов мира.

Мы пользуемся каждой свободной минутой, чтобы поближе познакомиться с ним, осмотреть его достопримечательности: храмы, музеи, знаменитый парк Чапультепек, где растут и пышные финиковые пальмы, и болотные эвкалипты, и множество других экзотических деревьев.

Лучшие здания мексиканской столицы украшены фресками прославленных мастеров. Прогрессивные художники увековечили в своих монументальных творениях жизнь и быт родного народа, революционный дух тех, кто более полувека назад под водительством народных героев Панчо Вильи и Эмилиано Сапато поднялся на борьбу против угнетателей. Эта борьба не утихает и поныне. Борьба крестьян-пеонов за землю, тружеников города за повышение жизненного уровня и политические права, провозглашенные мексиканской конституцией 1917 года, но до сих пор не осуществленные полностью, студентов — за демократизацию образования и улучшение материальных условий учащихся. Да, народ Панчо Вильи и Антонио Морено не желает мириться с отсталостью И угнетением.

Относительное затишье воцарилось в столице лишь в те дни, когда горел над «Эстадио Олимпико» священный огонь и на дорожках, коврах, помостах, рингах, треках, на дистанциях гонок, заплывов восемь тысяч сильнейших боролись за первенство.

Вряд ли есть надобность вспоминать детали мексиканских баталий. XIX Олимпиада еще не стала историей, все перипетии ее свежи в памяти миллионов любителей спорта, приближенных чудесной силой телевидения к самому месту событий, к самым «горячим

точкам» Олимпиады. Но как не вспомнить ярчайшее из яркого — поистине поразительные рекорды негритянского прыгуна Роберта Бимона и немецкой толкательницы ядра Маргитты Гуммель — рекорды, по словам Тамары Пресс, «прорвавшиеся к нам из будущего»! Как не упомянуть снова о нашем феноменальном Викторе Санееве, о полете копья Яниса Лусиса, о блистательных финальных победах наших волейболисток и волейболистов, о золотом финише неуязвимого Владимира Голубничего. первым опустившего золотую медаль чемпиона XIX Олимпиады в копилку нашей команды! И как не воздать должное мужеству группы негритянских спортсменов США, смело бросивших вызов позору века — расовой дискриминации в своей стране! С глубоким уважением говорили об этих замечательных спортсменах И смелых людях в Олимпийской деревне и во всем Мехико.

К сожалению, мне удалось посетить лишь отдельные из тех состязаний, которые проходили уже во вторую половину игр, после того как тяжелоатлеты уже окончательно «выяснили отношения». Не видел я прыжка Бимона и выступлений «мастеров пяти качеств» — пятиборцев, не был свидетелем триумфа Голубничего и уж конечно не смог поехать за 400 километров в Акапулько, чтобы сразу же пожать руку Валентину Манкину — олимпийскому чемпиону-яхтсмену. Жаль, конечно, да что поделаешь! Своя штанга ближе.

Но я видел счастливые улыбки на лицах Наташи Кучинской, Ларисы Петрик и других наших золотых девчат-гимнасток. Я вместе со всеми соотечественниками неистово болел в зале, где наши волейболистки обыграли грозных японских соперниц, и отшиб ладони на трибуне зала «Арены Мехико», аплодируя сокрушительным ударам наших боксеров.

Однако в первую неделю, разумеется, не мог думать ни о чем другом, кроме нашей штанги, и по своему обыкновению не покидал своего места в зале, покуда с помоста не сходил последний соревнующийся.

И, как всегда, властительница наших дум — штанга преподнесла и на этот раз много неожиданностей, опровергла множество прогнозов и записала немало новых имен в летопись «железной игры».

13 октября в уютном, заполненном до отказа зале театра «Инсурхентес» после торжественного ритуала открытия состязаний на помост вышли атлеты легчайшего веса. Чего ожидали мы от сражения в этой весовой категории? По правде сказать, рассчитывать на золото было трудно. Хотя пермяк Геннадий Четин лишь полтора месяца назад установил новый мировой рекорд в сумме троеборья — 367,5 килограмма, но его «обстрелянность» на соревнованиях такого масштаба вряд ли могла считаться достаточной. А ведь рядом с нашим армейцем выступали настоящие асы: многоопытный венгерский шахтер Имре Фельди и 23-летний тегеранский клерк Мохаммед Нассири. Перед лицом таких соперников немудрено и растеряться.

К сожалению, характера у Геннадия действительно не хватило. После относительной неудачи в жиме у него все пошло не так, как планировалось. 352,5 килограмма — и лишь четвертое место.

А за первое шла великолепная борьба между Фельди и Нассири. На весы легли опыт 30-летнего венгра и напористая молодость иранца. И чаши весов застыли в равновесии. Оба повторили мировой рекорд Четина, и лишь ничтожное, 300-граммовое, преимущество в собственном весе отдало Нассири золотую медаль. И надо было видеть, какое чисто акробатическое сальто-мортале выполнил тут же, на помосте, безгранично счастливый иранский атлет! Обладателем бронзы стал поляк Хенрик Требицкий, обошедший Четина на 5 килограммов.

Итак, первый день без награды. А ведь мы рассчитывали на нее!

Что же принесет нам день второй? Как выдержит натиск могучих японцев братьев Мияке наш полуплегковес — говорун и весельчак Дито Шанидзе?

Несмотря на свой веселый характер, Дито отнюдь не был баловнем спортивной судьбы. Талант его «прорезывался» медленно, и на большой помост тбилисец вышел в том возрасте, когда другие уже прощаются с большим спортом. В олимпийском году Шанидзе минуло тридцать один.

Стоит ли посылать его в Мехико? Многие думали — поздно. Тем более, что на первенстве Европы в Ленинграде Шанидзе выступил далеко не лучшим образом. Он нервничал, суетился, никак не мог совладать со своим неистовым темпераментом и проиграл 7,5 килограмма Мечиславу Новаку, хотя, казалось, был отлично подготовлен. А в Мехико будут спортсмены посерьезнее.

Вконец раздосадованный Воробьев в сердцах бросил тогда:

— Нестабильный атлет, не умеет собраться, сконцентрировать усилия. В Мексике мы на успех в этом весе не рассчитываем!

Но наш «старшой» все же сменил гнев на милость. Он знал силу и безукоризненную технику грузинского богатыря. А характер... Что ж характер? Следуй завету пушкинского Пимена: «Смирной себя молитвой и постом», то есть владей собой и не давай волю темпераменту.

И вправду, стоило Дито собраться, и он смог показать на соревнованиях в Хельсинки 392,5 килограмма. С такой суммой можно смело выходить на олимпийский помост.

И все же Дито, наш веселый Дито, стоял на пьедестале почета в Мехико мрачный как туча.

И после все повторял:

— Неважно выступил. Был готов на 395, и вот, пожалуйста!

Но все мы, а вместе с нами и зрители были довольны выступлением Шанидзе. Решительно и напористо вклинился он в дружный дуэт братьев Мияке, и хотя проиграл знаменитому

Иосинобу. уже шесть лет не знающему поражений, но опередил Иосиюки на 2,5 килограмма, набрав 387,5. Свое серебро Дито добыл в такой поистине титанической борьбе, проявил такую волю к победе, что его медаль может вправду цениться на вес золота.

Но золотая копилка все-таки пока пуста!..

Не пополнил ее и легкий вес, в котором наши атлеты не участвовали. Но мы были рады поздравить с еще одной замечательной победой нашего друга Вольдемара Башановского, а вместе с ним и старейшего ветерана польской тяжелой атлетики 39-летнего Мариана Зелинского, завоевавшего бронзовую медаль. Команда Польши — теперь лидер соревнований, но у нее осталось лишь двое бойцов, а у нас предстоит выступить еще пятерым.

Наконец пришел и на нашу улицу праздник. Да еще какой! Позднее многие обозреватели писали, что более великолепного спектакля, чем соревнование полусредневесов, не видел зал «Инсурхентес» и что Виктор Куренцов, бесспорно, является одной из самых ярких фигур XIX Олимпиады.

Да, все мы верили в нашего Виктора, четыре года назад принявшего эстафету побед у своего замечательного предшественника Александра Курынова. В том же году он стал серебряным призером Токийской олимпиады и с тех пор не знал поражений. Почти на каждом соревновании устанавливает Куренцов мировые рекорды.

И вот наш Витя выходит на помост в зале «Инсурхентес». Выходит тогда, когда шесть атлетов из девяти уже закончили жим. Кроме него продолжают борьбу только японец Масахи Оути и венгр Карой Бакош. Куренцов опережает их в первом движении, поднимая 152,5. Мы поздравляем друга с новым олимпийским рекордом и напутствуем его на рывок словами:

— Так держать!

На штанге 135 килограммов. Встреченный аплодисментами зала, сразу же отдавшего свои симпатии этому белокурому, ладно сбитому парню, Виктор берет за снаряд, приподнимает его не более чем на метр от помоста и... роняет!

Что случилось с Виктором? Ведь он не раз вырывал значительно больший вес. С извиняющейся мягкой улыбкой Куренцов уходит за кулисы, а тем временем Оути фиксирует 140 килограммов.

Второй подход Куренцова. И теперь уже весь зал встревоженно ахнул — снаряд снова грохнулся на помост. Ах, дружище, что ж это ты?!

Помрачнело лицо Виктора, тревожная складка пролегла у губ Аркадия Никитича.

— Спокойно, спокойно, — говорит он не то Куренцову, не то самому себе. — Возьмешь!..

И в третий, последний, раз подходит Виктор Куренцов к непокорной штанге. Его всегда улыбочное лицо серьезно и сосредоточенно. А зал уже гудит как растревоженный улей, и в

это гудение вплетается стрекот кинокамер, направленных на помост. Ведь кое-кто уже готовится зафиксировать сенсацию — поражение советского богатыря.

Рано засуетились, господа хорошие! Не знаете вы русского характера. Мощное, слитное движение — и штанга замирает на вытянутых руках Виктора Куренцова! Уф! Гора с плеч!..

Ну, теперь все пошло как по маслу. Виктор толкает 175, затем 180 и становится уже окончательно недосыгаемым для Оути, закончившего соревнования с суммой 455 килограммов. У Куренцова уже 467,5. Сколько же закажет он для своего последнего подхода?

— Установить на штанге 187,5 килограмма! — объявляет по-русски информатор.

Вес мирового рекорда! Вот он, финал выступления нашего богатыря! И через несколько секунд весь зал стоя приветствует Виктора Куренцова. Здесь, на олимпийском помосте, он установил свой 22-й рекорд мира, а еще через несколько минут впервые прозвучал В зале «Инсурхентес» гимн нашей Родины.

И чтобы завершить рассказ об этом самом драматическом и ярком эпизоде олимпийских состязаний штангистов, мне хочется привести разговор между Куренцовым и Воробьевым, записанный корреспондентом газеты «Советский спорт» В. Чернышевым в тот же вечер. Этот разговор, состоявшийся в автомашине по дороге в Олимпийскую деревню после окончания выступлений полусредневесов, как мне кажется, в какой-то мере раскрывает черты характера и самого Куренцова, и нашего наставника.

Куренцов: — Ну, наконец-то можно перевести дыхание.

Воробьев: — Повеселел, а то ведь был злой как черт. Никого к себе не подпускал, пока готовился к выходу на помост.

Куренцов: — А сколько мы искали эту злость, Никитич?

Воробьев: — Настоящий штангист таким и должен быть, по-спортивному злым. На штангу надо бросаться, как на врага. Я Четину сегодня на тебя показывал: учись, мол. В такие моменты нельзя думать о том, что трудно, что больно...

Куренцов: — А сколько у Оути получилось?

Воробьев: — На 20 килограммов меньше, чем у тебя.

Куренцов: — Это хорошо. Теперь никаких разговоров не будет, А вообще-то, Никитич, если бы он даже 150 вырвал, ничего бы у него не вышло. Два дня отосплюсь, а потом начну анализировать. Все-таки где-то ошибка была. Толчок у меня был, а жима и рывка не было.

Воробьев: — Ты был готов к рывку на 140. В первом подходе срыв был случайным. Плечи повел, и тебя занесло. А перед вторым подходом нервничать начал.

Куренцов: — Да, все висело на волоске. Может, я испугался? Страх не чувствовал, а обидно было, что такой огромный труд за время подготовки мог пропасть зря. Но я видел,

как Оути тоже трясло от нервного напряжения...

Корреспондент: — Аркадий Никитич, а может, в рывке все же не со 135, а со 130 нужно было начинать, чтобы не рисковать?

Воробьев: — Это было бы трусостью. Виктор уже не раз начинал с этого веса.

По-моему, очень примечательный диалог!..

Победа Виктора Куренцова явилась переломным этапом в соревнованиях. Золотой почин нашего комсорга на следующий день подхватил дебютант олимпийского помоста ленинградец Борис Селицкий.

Борис тоже из «поздних чемпионов». Одиннадцать лет он «таскал железо», а настоящее признание пришло к нему лишь в тридцатилетнем возрасте — на чемпионате Европы в Ленинграде, где он впервые выиграл высокое чемпионское звание. Борьба за олимпийское золото в этой весовой категории свелась, по сути, к «домашнему диалогу». Никто из зарубежных соперников не смог противостоять Борису Селицкому и Владимиру Беляеву. Владимир, общепризнанный мастер темповых движений, на этот раз опередил товарища именно в жиме и уступил ленинградцу в толчке. Не обошлось тут без недоразумения. Перед третьим движением Беляев опережал Селицкого на 2,5 килограмма. Затем он и Селицкий толкают 180 килограммов. Покоряются киевлянину и 185, а ленинградец этот вес не берет. Беляев решает пропустить 187,5 и идти на 190. Но неудачно. А Селицкий легко взял 187,5 килограмма. В результате у обоих одинаковая сумма — 485 килограммов. Селицкий повторил мировой рекорд Беляева, Беляев повторил сам себя, но собственный вес (все те же фатальные 300 граммов) заставил его уступить товарищу высшую ступень пьедестала почета. Третью занял Норберт Озимек, проигравший советским атлетам 12,5 килограмма, на четвертом месте оказался Дьезе Вереш.

Огромный интерес не только у любителей «железной игры», но и у всех гостей Олимпиады вызвали соревнования полутяжеловесов.

Лишь год назад наш Ян Тальтс смело шагнул за 500-килограммовый рубеж. И, как это всегда бывает в спорте, вдогонку за первооткрывателем сразу же кинулись те, кто топтался на пороге психологического рубежа. Уж не знаю, в силу какой закономерности соперниками эстонца стали прибалтийские атлеты. Сперва вошел вторым в «клуб пятисотников» швед Бу Юханссон, за ним еще увереннее зашагал вперед финн Каарло Кангасниemi. В течение какого-нибудь месяца он поднимает «потолок» мирового рекорда сначала до 515, а затем и до 522,5 килограмма. Вот и вышло, что, еще недавно единоличный лидер, Тальтс внезапно увидел перед собой грозных соперников. И если Бу Юханссон проиграл Яну в Ленинграде, то с Кангасниemi нашему атлету еще предстояло скрестить оружие.

Дело для Тальтса осложнялось тем, что он по собственному весу все время выходит за

грань 90 килограммов и вынужден перед каждым выступлением заниматься изнурительной сгонкой. Кангасниemi весит меньше.

И вот начинается олимпийская схватка сильнейших. Тальтс, по сути, проигрывает соревнование уже в первом движении. Он ограничивается в жиме 160 килограммами, а Кангасниemi поднимает 172,5. Вот и попробуй отыграть 15 килограммов, когда имеешь дело с рекордсменом мира в рывке! Кангасниemi вырывает вес мирового рекорда и опережает Яна уже на 20 килограммов.

Тальтс кусает губы от досады. Все мы тоже расстроены. Но надо достойно завершить соревнования. И наш спортсмен находит в себе силы для замечательного достижения. После того как Кангасниemi толкает 187,5 килограмма и заканчивает выступление с суммой 517,5 килограмма, Ян Тальтс великолепно поднимает 197,5. Новый мировой рекорд! И хотя он лишь на 10 килограммов сократил разрыв между золотым и серебряным призерами, но спортивное мужество Яна Тальтса осталось в памяти всех наблюдавших этот поединок двух достойных соперников.

Снова настало воскресенье. Второе воскресенье Олимпиады. Этот день, когда игры вступили на перевал, был особенно насыщен интереснейшими состязаниями, накал спортивной борьбы достиг своего апогея. Сотни тысяч людей с волнением следили за напряженнейшей борьбой марафонцев, от всей души сочувствовали сошедшему с дистанции герою Рима и Токио Абебе Бикиле и горячо приветствовали его младшего соотечественника — Мамо Волде, снова доказавшего, что лучшими марафонцами мира являются по-прежнему абиссинцы.

На канале Сочимилко заканчивались состязания по академической гребле, а в помещении катка «Пистаелло» — схватки борцов вольного стиля. Мы сердечно поздравили с золотыми медалями ветеранов ковра Александра Медведя и Бориса Гуревича.

В этот день Мехико прощался с «железной игрой», а назавтра и с «королевой спорта». Более чем скромные успехи наших легкоатлетов на олимпийских дистанциях были для всех нас весьма огорчительны. И тем большая ответственность ложилась на представителей других видов спорта — «копилку»-то надо пополнять!

Двенадцать атлетов тяжелого веса вышли в этот день на помост в зале «Инсурхентес». Кажется, еще ни разу не был он так переполнен, хотя и в предыдущие шесть дней здесь не оставалось ни одного свободного места.

Огромная толпа штурмует входы. Уж газеты постарались разрекламировать «битву гигантов», расписать как можно ярче фантастические килограммы Дыюба и Пикетта!

Что думал я об этих килограммах соперников? Конечно, знал, что борьба предстоит серьезная. Но, откровенно говоря, почему-то считал наиболее опасным конкурентом Роберта Беднарского, не приехавшего в Мехико. Мне и сейчас кажется, что его участие в

Олимпиаде могло бы сделать борьбу в тяжелом весе более напряженной, а результаты более высокими. Впрочем, быть может, я и ошибаюсь. Что же касается Дьюба и Пикетта, то с этими замечательными атлетами, как это уже не раз случалось и с их предшественниками, сыграла злую шутку пропагандистская шумиха, поднятая вокруг их имен и килограммов. Когда тебе без конца трубят в уши — «ты сильнейший», «ты супермен», «тебя, безусловно, ждет олимпийское золото», — то немудрено и самоуспокоиться, недооценить соперника.

Была ли здесь только самоуспокоенность или ее усугубила еще и перетренированность — трудно сказать. Но так или иначе — оба американских тяжеловеса выглядели на помосте далеко не так внушительно, как на столбцах рекламной прессы. Забегая вперед, скажу, что Пикетт был и вовсе не в форме и даже не вошел в шестерку, Дьюб в жиме смог лишь повторить мой результат — 200 килограммов. А ведь его мировой рекорд в этом движении был значительно более высоким.

Однако после первого движения я вернулся за кулисы далеко не в радужном настроении. Во время последнего подхода в жиме я, неосторожно опуская штангу на помост, довольно основательно задел колено, которое начало распухать прямо на глазах. Вот ведь беда какая! Пришлось забинтовать ушибленное колено, да потуже, но во время всех последующих подходов оно изрядно давало себя чувствовать.

Все же в рывке я сумел сделать решающий отрыв от Дьюба (Пикетт, так же как и Юханссон и француз Фульстер, получил в жиме «баранку»). У меня — 170 килограммов, у американца — 145. Теперь Дьюбу, пожалуй, уже нечего думать о золоте. Отстоять бы серебро. Ведь всего на 2,5 килограмма отстает от американца бельгиец Серж Рединг.

Этот коренастый библиотекарь из Брюсселя уже на чемпионате Европы в Ленинграде привлек к себе общее внимание своей огромной силой и отличной техникой. А к Мехико

Рединг подошел в еще лучшей форме.

Последнее движение. Чертовски болит нога! На штанге 202,5 килограмма. Взял! И сразу же попадаю в объятия Ефима Самойловича и других друзей. «Все, Леня!», «Привет чемпиону!», «Браво, капитан!»

Да, теперь все! На табло появляются цифры 572,5! Такие же, как четыре года назад в «Сибуйя паблик холл» в Токио!

Мог ли я поднять больше? Наверно, мог бы, если бы не боль в ноге. Она-то и вынудила меня отказаться от остальных двух подходов в толчке, хотя они при благоприятных обстоятельствах, пожалуй, могли бы принести мне новый мировой рекорд в этом движении, а быть может, и рекордную сумму. Жаль, конечно, да что поделаешь!..

А что же мои соперники? У них равный результат — 555 килограммов. Но Серж Рединг легче, и Дьюбу приходится удовлетвориться бронзой. Это единственная медаль, ставшая

трофеем американской команды. Она занимает седьмое место. Такого провала на соревнованиях высшего ранга еще никогда не знали воспитанники Боба Гофмана. Мы завершили олимпийский турнир с тремя золотыми и тремя серебряными медалями. Второе место заняли польские атлеты.

Конечно, любителей умопомрачительных цифр и сногшибательных сенсаций до некоторой степени разочаровали олимпийские результаты штангистов. Они и вправду были относительно скромны, тем более в сравнении с действительно феноменальными рекордами легкоатлетов. Но все же и выступления на олимпийском помосте изобиловали острыми, драматическими моментами, вписали в историю нашего вида спорта новую интересную страницу и немало новых имен.

Во вторую мексиканскую неделю мы, штангисты, превратились из действующих лиц грандиозного олимпийского спектакля в его жадных и взволнованных зрителей. Хотелось увидеть как можно больше, познакомиться поближе с самобытной и своеобразной культурой наших гостеприимных хозяев. Правда, это было сопряжено и с некоторыми трудностями. То и дело на улице, в парке, а то и в музее я бывал «опознан» темпераментными болельщиками, и тут уж только успевай надписывать автографы и отбиваться от не в меру ретивых рыцарей «ченча» (обмена), которые впивались, как клещи, выпрашивая значки и предлагая взамен свои сувениры. Тысячи таких охотников за сувенирами толклись на площади перед Олимпийской деревней, и пробиться сквозь их толпу было совсем не легким делом.

Но в еще больший переплет попал я на площади Гарибальди — традиционном месте выступлений на родных певцов — «марьячес». Вместе с композитором Александрой Пахмутовой — нашим частым гостем в Олимпийской деревне — и ее супругом поэтом Николаем Добронравовым мы отправились туда в последний день нашего пребывания в Мехико. На

площади Гарибальди было, как всегда, людно. Под гитарный перебор группа певцов в своих живописных костюмах исполняла песню за песней. Но едва мы пробрались поближе, наша русская речь привлекла внимание. Мигом нас окружило несколько десятков человек. — Совет! Амигос! — отовсюду потянулись к нам руки для пожатий.

А затем кто-то выкрикнул, указывая на меня:

— Жаботинский!..

Ну, пропал! Толпа сгрудилась вокруг меня. Пахмутова и Добронравов благоразумно ретировались, а меня подхватили на руки и подняли вверх. Качать, правда, не смогли, но и не опускали. Когда же я снова очутился на земле, то оказался в самом плачевном виде. На великолепном олимпийском костюме не осталось ни одной пуговицы — все оборвали как сувениры. Вот он, темперамент мексиканских болельщиков!

С особенной силой проявляется этот огневой темперамент, конечно, во время корриды. В один из дней мы вместе с Ефимом Самойловичем Айзенштадтом и другими товарищами побывали на этом популярнейшем народном зрелище.

Что сказать о корриде? За многие века выработался целый чрезвычайно живописный и яркий церемониал, сопутствующий бою с быком, облагораживающий это, в общем-то, достаточно кровавое и непривычное нашему глазу зрелище. Не могут не импонировать также смелость и мастерство торреро, особенно когда выступают настоящие премьеры корриды.

Нам посчастливилось увидеть одного из них, приехавшего из Испании. Его грациозные «вероники» и другие маневры с плащом в нескольких сантиметрах от страшных рогов разъяренного до предела быка то и дело вызывали бурные аплодисменты уходящих круто вверх трибун и короткие выкрики:

— Оле!

Бык был убит мастерски, быстрым, как молния, ударом шпаги. А вот другому торреро не повезло. Он не сумел сразить животное, и на круглую арену полетели десятки подушек (на них сидят зрители) в знак возмущения. Такой же град подушек посыпался и на поле стадиона «Ацтека», где неумелый судья испортил финальный матч между командами Венгрии и Болгарии.

И вот, когда незадачливый торреро с позором покинул арену, где продолжал в ярости метаться окровавленный бык, вдруг какой-то мальчишка лет 15—16, прорвав заслон полицейских, выскочил ему навстречу. Размахивая красной тряпкой, он подражал движениям торреро, приближаясь к животному. Публика разразилась аплодисментами. Несколько полицейских оттащили мальчишку, вырвали у него из рук тряпку, но он снова выскользнул у них из рук и побежал навстречу быку. Трибуны ахнули. Бык наклонил голову, поддел мальчишку рогом, подбросил его вверх и наверняка затоптал бы, если бы его не отвлекли пикадоры, поспешившие на выручку отчаянному пареньку.

Его унесли с арены едва живого. Но зато испанец-торреро наклонился к недвижному телу и поцеловал смельчака в лоб.

— Ну, теперь, если выживет, его карьера обеспечена, — объяснили нам мексиканские товарищи. — Его будут учить на торреро, а именно этого парень и хотел добиться. Стать торреро — мечта всех ребят, но добиться этого удается немногим.

Вряд ли нашим ребятам пришлось бы по вкусу такая карьера. Слишком уж кровавое зрелище коррида. Вот и мы не смогли высидеть до конца программы. Ушли после четвертого быка, а всего их убивают шесть во время каждого представления.

...И вот отшумела, отсверкала Олимпиада. Закончились последние старты, подводятся итоги, подсчитываются медали. Не все прогнозы оправдались, не все, на что мы

рассчитывали, легло в «копилку» советской сборной. Но замечательные победы наших борцов и штангистов, волейболисток и волейболистов, фехтовальщиков, гимнасток, боксеров — успех большой и бесспорный. А поражения заставят о многом задуматься, кое-что переоценить, работать еще упорнее и целеустремленнее. На то и спорт!..

Снова, уже в последний раз, заполняют зрители стотысячные трибуны «Эстадио Олимпико». Снова выходят олимпийцы на поле стадиона. Как было и в Токио, мы шагаем единой интернациональной колонной, и весь стадион встречает нас поднятыми вверх сомбреро. А потом они летят на поле, к ногам олимпийцев, как прощальный привет Мексики своим гостям — лучшим спортсменам мира, его молодости, силе, мужеству, красоте.

Медленно угасает в чаше олимпийский огонь. Опускается белое полотнище с пятью переплетенными кольцами, чтобы через четыре года снова взвиться в безоблачное небо в другом конце планеты, зовя к единению, миру и дружбе юность Земли.

Прощай, Олимпиада! Прощай, Мексика! Мы долго будем помнить твое гостеприимство и радушие. Мы не забудем эти жаркие спортивные бои, в которых каждый из нас стремился сделать все, что может, во имя победы, во славу Родины. Постарался и я внести свой посильный вклад в общее дело, оправдать доверие, сдержать слово, данное вам, мои однополчане-погранчники, в день, когда вы принимали меня в свою боевую семью и я, благодаря за эту высокую честь, сказал по-солдатски: — Служу Советскому Союзу!..

* * *

Этими словами и хотелось бы мне закончить свою книгу. Ведь именно так может сказать о себе каждый советский спортсмен, высшим призванием которого является служение своей Родине. В этом наше счастье, наша самая большая гордость.

Шестнадцать лет назад я начал свой спортивный путь. На всем этом пути мне, как и каждому из нашей многомиллионной советской семьи, было все открыто, все доступно — только не ленись, работай, достигай! И если я чего-то достиг в моей любимой «железной игре», то лишь потому, что жизнь сводила меня со многими хорошими людьми, настоящими друзьями, которые заботливо вели меня к цели, не давали сбиться с пути, остановиться. Земной поклон им за это!

Я попробовал, как мог, рассказать о своем пути в тяжелой атлетике. Хотя я и не останавливался в книге на тонкостях нашего вида спорта, не пробовал давать никаких рецептов молодежи, мне все же хотелось бы надеяться, что кого-нибудь все-таки заинтересовал «железной игрой». И если ты, друг, прочтя мое повествование, зайдешь в тяжелоатлетический зал, как это полтора десятка лет назад сделал ученик токаря Ленка Жаботинский, то, значит, я не даром брался за перо. Удачи тебе в спорте сильных!

Чего еще хочу я от него? Трудно ответить на этот вопрос. Говорят, для каждого настоящего писателя главная книга всегда та, которая еще не написана. Это же, по-моему, может сказать о себе и каждый спортсмен, пока он еще не покинул спортивный строй. Главное — завтра! Вот и я еще вовсе не собираюсь разлучаться со штангой, которая подарила мне столько радостных минут. Будут новые соревнования, надеюсь, будут и рекорды. Во всяком случае, буду стремиться к этому.

А тем, кто считает, что я уже достиг всего, о чем только может мечтать спортсмен, мне хотелось бы ответить словами из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин»:

Не гляди, что на груди,

А гляди, что впереди!